

: От редакции

От редакции

Уважаемые читатели! Друзья во Христе!

Наступил 2000 год от Рождества Христова. Прошло 2000 лет с того дня, как Бог вошел в историю и освятил ее, а человечество вступило в Христианскую эру. Две тысячи лет вместе с вифлеемскими пастухами и волхвами с Востока мы поклоняемся Младенцу, лежащему в яслях, и удивляемся Богу, рождение, жизнь и смерть Которого на земле были одними из самых незаметных исторических событий и одновременно — самым значительным фактором, влияющим на историю. Две тысячи лет мы входим в тайну Христа — немощного Младенца, Которого мы должны спасать и защищать, и зрелого Мужа, однажды и навсегда защитившего и спасшего нас...

Две тысячи лет — огромный срок, и он вызывает у человека не только радость и благодарение от созерцания того, как в истории совершается эта Тайна. Порой толща истории подавляет нас, оказываясь неподъемной не только для нашего сознания, но и для нашего духа. История христианства настолько сложна, а подчас и страшна, что не только ее осмысление, но и простая память требует от нас мужества покаяния и подвига всей жизни.

Вызов истории порождает страх. Из-за этого страха мы капитулируем и либо пытаемся делать вид, что истории то ли нет, то ли мы от нее «свободны» (секуляристский модернизм, крайний экуменизм и т.п.), либо, наоборот, попадаем в плен исторических мифов, от чего в другой части церкви и общества все больше нарастает фундаментализм (интегризм), изоляционизм и национализм. Но и это тоже — формы беспамятства, т.е. воспоминание того, чего не было, нет и никогда не будет.

Наступает новый век и новое тысячелетие. В сознании и подсознании множества людей они несут с собой надежду на обновление жизни, ее духа и смысла. «Страница истории» переворачивается, и мы ждем, что на новой странице будут написаны новые светлые письма. Но чтобы эти новые письма не оказались исполнены прежней тьмы, мы должны осуществить человеческую и, по существу, христианскую задачу мужественного осмысляющего и просвещающего воспоминания того, что мы оставляем позади.

Как христиане, мы знаем, что такое воспоминание невозможно без постоянного, во исполнение Его заповеди, воспоминания Христа. Но ведь именно такое евхаристическое и жизненное воспоминание Церковью Христа лежит в основе ее Предания. Поэтому празднование 2000-летия Христианства есть, по существу, праздник Предания Церкви — такого, которое хранит в себе и делает для нас актуальной всю христианскую историю, будучи свободно от рабствования ей.

Если бы мы захотели установить в церкви особый праздник истории Церкви, ее Предания, то, наверное, для этого как нельзя лучше подошла бы икона не собственно Рождества, а последнего праздника рождественского цикла — Сретения Господня. Ведь Сретение традиционно воспринимается нами как постоянно актуализируемая в истории Встреча — встреча человека с Богом и человеком, встреча старого и нового, а именно это и есть Предание Церкви. Мария приносит Младенца в храм, чтобы посвятить, т.е. принести в Жертву Богу Его, а значит — и Себя Саму. Она передает Его в руки старца Симеона, который прозревает, познает в Нем Царя-Христа и пророчески возвещает истину. Он, держащий на руках Младенца, понимает, что на самом деле это Младенец держит и его, и всю историю.

Эта жертвенная передача Христа, держащего тех, кто Его передает, передача в Откровении и Богопознании, и есть, собственно говоря, Предание Церкви, и значит — ее история.

Есть замечательные иконы Сретения, изображающие нам это Предание, как, действительно, передачу Младенца Христа, совершающуюся в глубинах духа, в общении святых, в полном согласии и безмолвии-исихии. Такой образ напоминает нам икону Троицы. Что ж, этот образ, бесспорно, соответствует тому, что в Православии понимается под самой сущностью Предания Церкви. Но всегда возникает соблазн принять этот идеально-онтологический образ Предания за его экзистенциальную и историческую реальность, и тогда при столкновении с исторической действительностью мы рискуем или потерять веру в Церковь или ошибиться в определении ее границ. Чтобы этого не произошло, можно вспомнить другой образ Сретения — известную нам сейчас лишь по фотографиям фреску разрушенной во время последней войны прямым попаданием бомбы церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде. Эта фреска греческой работы конца XIV века, времени свт. Григория Паламы и Николая Кавасилы, времени, когда перед самым концом Византии в ее богословской и религиозной мысли стали появляться те экзистенциальные акценты, о которых так много писал в нашем веке протопр. Иоанн Мейендорф и которые сейчас, к сожалению, так прочно забыты.

Тогда мы увидим несколько другую картину. Мы увидим старца Симеона как вдохновенного пророка, а во взгляде его — не только свет Богопознания, но и великий пророческий призыв, исходящий из глубины Предания. Мы увидим и глаза Христа, принимающего этот призыв и отвечающего на него: Он словно не может оторвать глаз от Симеона, но в то же время мы видим, что руки Его в ужасе, как бы сами собой, тянутся назад — к Матери. Наконец, мы увидим и саму Матерь... Тогда, быть может, мы не будем путать разные уровни в нашем понимании Предания Церкви и у нас появятся новые силы на осмысление истории и поиск живого Предания Церкви...

Наш журнал, наша Школа и Сретенско-Преображенское братство по-прежнему стремятся участвовать в этом жизненном поиске и приглашает к этому всех, кому небезразлична судьба Христовой Церкви и человека в истории.

В наступившем 2000 году, который можно с полным правом считать юбилейным, мы предполагаем уделять особое внимание осмыслению взаимоотношения Христианства и Истории.

Первый номер этого года, который Вы держите в руках, открывается проповедями известных пастырей нашей церкви — архим. Сергия (Савельева) и протопр. Виталия Борового, посвященным истории Церкви, тому как она отразилась и выразилась в ее святых. Надеемся, что для многих наших читателей эти проповеди станут не только подлинным и новым открытием хорошо знакомых имен, но и шагом к пониманию предания и истории Церкви как личного подвига ее святых. Об этом же расскажут «Воспоминания об о. Таврионе (Батозском)» о. Владимира Вильгерта, с детских лет воспитывавшегося «у ног» этого известного старца, чье место в истории православия, как мы неоднократно писали, еще ждет своего дополнительного осмысления и жизненного ответа.

Для христианина включенность в историю — это еще и включенность в жизнь конкретной общины (эта мысль принадлежит известному современному швейцарскому слависту Жоржу Нива, интервью с которым будет опубликовано в ближайших номерах нашего журнала). Поэтому крайне важной для разговора об этой стороне истории Церкви является статья Жана Ванье о «духовности общины».

Христиане живут в мире сем, но не от мира сего. «Нет власти не от Бога», — говорит нам

Писание, и в то же время Христианство, Церковь — всегда иные по отношению к любому социальному и политическому строю, что делает христианскую историю вдвойне сложной. История постоянно провоцирует христиан на забвение этих антиномичных принципов. Тем более актуальной в сегодняшние дни будет статья псковского исследователя Константина Обозного о «Православной миссии в освобожденных областях России», т.е. на оккупированных немцами территориях Советского Союза.

Живость и жизненность Предания Церкви во многом зависит от того, насколько адекватно мы воспринимаем его язык. Этой проблеме посвящен доклад С. Аверинцева о греческой семантике понятия образа в Священном писании и других церковных писаниях.

Открывается же и оканчивается этот номер материалами, посвященными памяти скончавшегося в самом начале этого года архиепископа Михаила (Мудьюгина), бывшего для многих знавших его людей живой связью времен, поскольку совмещавшего в себе главные свойства Церкви и ее Предания — глубину опыта и молодость духа в верности Христу, творящему все новое.

: «Чтобы смертное поглощено было жизнью» (1 КОР 5:4). Памяти архиеп. Михаила (Мудьюгина)

От редакции

28 февраля 2000 г. на 88-м году жизни скончался любимый многими из нас истинный пастырь и блюститель Церкви Христовой архиепископ Михаил (Мудьюгин), старейший православный иерарх России, магистр богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член Попечительского совета Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы.

Архиепископ Михаил родился 12 мая 1912 г. в Санкт-Петербурге. Получил разностороннее образование, закончил институт иностранных языков, Институт металлопромышленности, а в 1964 г. — Ленинградскую духовную академию. Работал чернорабочим на заводе «Красный путиловец», затем — в конструкторском бюро, занимался научными исследованиями, защитил диссертацию, был доцентом Ленинградского Горного института.

Церковный путь будущего архиепископа начался очень рано. Его мать была членом братства Александро-Невской лавры, созданного и возглавляемого исповедниками веры братьями архимандритами Гурием и Львом (Егоровыми). В 1930 г. по делу братства вместе с матерью он был арестован и содержался в тюрьме.

Еще в детстве начал читать в церкви и был посвящен в стихарь священномучеником митрополитом Вениамином Петроградским. В 1958 г. рукоположен во священника, служил в Вологодской епархии, а с 1966 г. начал преподавать в Ленинградской духовной академии и скоро стал ее ректором.

В 1966 г., откликнувшись на настоятельную просьбу архиеп. Никодима (Ротова), был возведен в сан епископа. Был викарием Ленинградской митрополии, епископом Астраханским, а затем — архиепископом Вологодским. В 1993 г. ушел по возрасту за штат.

Всю свою жизнь архиепископ Михаил помнил и старался воплощать в жизнь заветы той церковной среды, в которой был воспитан, в особенности — идеи, которыми вдохновлялись новомученики и исповедники российские, деятели Московского собора 1917—1918 гг., будучи, таким образом, одним из немногих архиереев, сохранивших не только иерархическую, но и духовную преемственность с тем лучшим, что было в Российской церкви до трагедии 1917 г. Особенно он ревновал о просвещении народа Божьего, и в связи с этим — о доступности и понятности в церкви слова Божьего — в чтении Священного писания и богослужении в целом. «Каждое слово в церкви должно быть полезным, должно ложиться в ум человека и его сердце», — говорил он и старался делать все, чтобы это стало реальностью.

На протяжении последних лет владыка Михаил, несмотря на возраст и болезни, постоянно поддерживал нашу Свято-Филаретовскую школу и все наше братство словом и делом. В своих выступлениях, статьях и книгах (особенно в книге «Русская православная церковность. Вторая половина XX века») он не боялся открыто говорить о необходимости обновления церкви.

Вечная ему память!

* Два последних интервью архиеп. Михаила

Архимандрит Сергей (Савельев): Мы стремились осмыслить нашу церковную историю

Проповедь

12 марта 1975 г.

Дорогие братья и сестры! В последнее время мы с вами стремились осмыслить нашу церковную историю, осмыслить путь нашей церковной жизни, начиная с IV века. Само собой разумеется, об этом надо было говорить не те небольшие проповеди, которые я говорил, об этом нужно было бы говорить очень много, но возможностей для этого не было: у нас было только краткое время. Но у меня была определенная цель, к которой я стремился, и цель эта заключалась в том, чтобы подойти к настоящему времени и ответить на чрезвычайной важности вопрос: каково же место христианина в современной жизни? Когда я вспоминаю то, что я говорил, то мне становится грустно, — грустно потому, что я о многом не мог сказать, многое сказал не так, как мне хотелось бы сказать, многое я сказал, по немощи своей и по греховности своей, не так ясно, не так чисто и светло, как подобало бы сказать. Но что делать...

Сегодня, как я вам уже сказал в последний раз, мы должны соборно, сообща в нашей молитве попытаться найти подлинный ответ на этот вопрос, который нас, верующих, глубочайшим образом беспокоит.

Напомню кратко то, что было сказано. Я не буду уже говорить о том времени, о IV веке, не буду говорить о времени равноапостольного Владимира, когда крещение русского народа происходило местами огнем и мечем, — остановимся с вами хотя бы на последних веках. Можно сказать так, что вся церковная история России, весь наш церковный путь можно разделить на четыре части. Первая часть — это время преподобных Антония и Феодосия, Печерских чудотворцев. Мы, к сожалению, о них не могли беседовать, а там есть что сказать,

ибо они принесли нам на Русь великое знание духовной жизни. Второй период был связан с именем преподобного Сергия. Третий период связан с именем преподобного Нила Сорского. И четвертый период связан с именем преподобного Серафима Саровского. Должен вам сказать, что это до некоторой степени мое личное понимание церковной истории, церковной жизни. Я никому его не навязываю, я никого не побуждаю разделять его, но я стою на своем месте и обязан говорить то, что мне внушает моя совесть.

Итак, есть четыре периода, и каждый из них имеет свое глубочайшее значение. Время прп. Сергия — это было время, когда Русь поднималась на борьбу против татарского ига. Прп. Сергий был орган, который звучал полнотою, — такой, которой теперь мы можем только удивляться. Я вспоминаю то старое время: в семьях иногда кто-нибудь уходил в монастырь, и эта семья, если она была верующая, радовалась, что кто-то от семьи находится в монастыре. Этот ребенок, девушка или юноша, — они были как бы цвет семьи. И вот, прп. Сергий был такой благоуханный цвет семьи — всей семьи русского народа! Он оставил все и ушел в дремучий лес, на пустынное жительство. И хотя потом его старались поднять и возвеличить в народе и значение его все больше расширялось, но он как был пустынником, как был подвижником — так и остался, как был бедным, нищим — таким и остался. При нем Русь была едина. В то время господствующие слои населения особенно не гордились. Они знали, что смертельная угроза висит над Русью, и эта угроза нависла не случайно, а от греховной жизни русских людей, и прежде всего, русских князей и тех, кто был в управлении страной. Но есть народы, которые в такой ситуации ломаются и исчезают с лица земли, и есть народы, которые это испытание переносят мужественно и выходят из испытания отрекшимися от своей греховной жизни.

И вот, во время прп. Сергия на Руси было все едино и все были едины, и князья были связаны с церковью не так, как потом были связаны, а пришел великий князь Дмитрий Донской и коленопреклоненно перед худым, сиротным, несчетным Сергием пал и просил благословения. Сергий его благословил и сказал ему, что он победит. Ибо Сергий видел, что здесь, на этой стороне — уже сила Божия, а там — гордыня...

Как вы знаете, прп. Сергий был действенный человек. Он был не только молитвенник, не только печальник о земле русской, но он был и деятель. И тогда можно было это действие осуществить в жизни: светская власть, княжеская власть — она прислушивалась, она поддержки искала в церкви. Прп. Сергий был и строителем, его можно представить себе с топором в руках, как плотника... Он был кем хотите — и печальником, и молитвенником, и утешителем, и примирителем враждующих, и он везде был — Сергий.

Но вот иго татарское свергнуто, и опасаться стало некого. И то нас гнуло к земле, а то мы стали уже и сами над другими людьми господствовать. И мало-помалу княжеская, а потом царская власть — она все больше и больше обретала силу и все больше и больше слепла — она не понимала того, что сила русского народа заключалась не в том, чтобы обширные территории захватывать, не в том, чтобы внешнее могущество создавать, а прежде всего эта сила — внутренняя, духовная, нравственная. Власти же чем дальше, тем меньше об этом думали, и тем больше гордыня их поднималась, и тем тише был голос святой Христовой Церкви. Стали воздыматься и у нас в церкви иерархи под стать этим сановникам, этим князьям и царям — такие же важные, такие же бездушные, как и те, кто управлял государством. И вот, этот разрыв между светской жизнью и жизнью духовной становился все больше и больше, и светская власть все больше гнула духовную, и все тише становился голос Христа в эти дни. И вот тут — прошло всего каких-нибудь 120 лет, — как вдруг блеснуло имя преподобного Нила Сорского. Большинство же из вас и не знает этого имени — Нил Сорский... Но в это время уже был Иосиф Волоцкий — сторонник самодержавия, сторонник того, чтобы светская власть

опекунствовала над церковной жизнью, сторонник того, чтобы бороться насильем с теми, кто не был согласен с церковью и кто был негоден светской власти.

Иосиф Волоцкий и Нил Сорский: вот вам потрясающая картина! Нил Сорский — о чем он говорит? Он говорит: прежде всего — духовное, внутреннее строение, внутреннее созидание жизни. И этому было все подчинено. Он всему учил, он учил и посту. Поститься надо, но он предупреждал, что лучше есть и пить вдоволь, чем поститься, если у тебя нет любви, если у тебя нет благодатного духовного состояния. Большой вред будет от тех, кто постится и злится. Прп. Нил Сорский говорил: да будут отдельно гражданская и церковная власть, они должны быть взаимно независимы. А Иосиф Волоцкий — он сам чуть ли не меч в руках держал, он требовал казни еретиков, он требовал пожизненного заключения даже для тех из них, кто раскаялся! Вы об этом уже слышали в прошлую среду, но я вам напоминаю сейчас, потому что это имеет серьезнейшее значение для того, что я хочу сказать. Прп. Нил Сорский всех инакомыслящих, как теперь говорят, старался убеждением и молитвою привести в Церковь, а Иосиф Волоцкий — насильем. Прп. Нил Сорский говорил, что свобода в духовной и внутренней жизни дороже всего. Он не обязывал своих иноков ни к каким особым уставам: келейную жизнь они могли править, как хотели, молиться — сколько их душа находит необходимым. Дело не в том, чтобы тысячи поклонов класть, а дело заключается в том, чтобы Дух Святой жил в сердце. А ради этого надо молиться, надо поститься, вести подвижническую жизнь. Говорят что Иосиф Волоцкий принимал к себе заволжских старцев для того, чтобы поучиться духовной жизни, и будто бы Нил Сорский к себе принимал монахов из Волоцкого монастыря, от Иосифа. Да, говорят, что это было так, но заволжским старцам нечему было учиться у Иосифа Волоцкого, потому что там не было самого главного, там не было любви, не было христианского отношения к жизни!

Вот тогда-то уже действия, полного духовного руководства Церкви, действия Церкви в мире становилось все меньше и меньше. А прп. Нил Сорский уже устраивал скиты. Не монастырь — он уже и не думал о монастыре, потому что он был против вотчинного владения, он был против золота и серебра, против богатства церкви. Он говорил, что нужно, чтобы монахи сами себя кормили, своим собственным трудом. А Иосиф Волоцкий говорил: чем богаче, чем шире, чем больше блеску, тем лучше. Опять же, под стать тому самодержавному строю, который тогда был. А прп. Нил Сорский монастыри не устраивал, но скиты — скиты, где собирались 5—10, много — 15 человек. Когда умер прп. Нил Сорский, в его скиту было всего 12 человек. Вот это он делал, и все. Значит, действия его были уже очень сжаты, он весь уже ушел в созерцательную, внутреннюю, духовную жизнь. А что стало расцветать? А расцветать от этого стала церковь внешняя, такая, которая распускалась по мере того, как распускалась и наша светская власть. И чем дальше, тем больше. Но пришло время, когда церковь совсем перестала быть нужной для гражданской власти, и гражданская власть стала ее давить. Я вам рассказывал ужасные подробности, которые были связаны, скажем, с Арсением Мациевичем, я уж не буду их теперь повторять, — это все было законно, все это было так, как должно было быть, потому что церковная пышность была основана на насилии сверху. Пока было насилие — и церковь была такая грандиозная, а насилие уходило — и церковь бледнела и падала. Я говорю, что с Иосифом Волоцким связан целый период, когда церковная жизнь уже перестала духовно объединять всю Русь: при Сергии была она, можно сказать, полной, она всю землю нашу охватывала, в молитве прп. Сергий всех как бы поддерживал, а здесь гражданская власть, царская власть как бы стала жить по своим собственным законам и преследовать собственные интересы и интересы тех господ, которых она собой представляла.

Мне очень грустно было увидеть в первом номере «Журнала Московской патриархии» статью, которую написал очень уважаемый мною деятель нашей церковной иерархии, — достойный человек, умный и, может быть, один из самых культурных. И вот, у него я читаю, что Иосиф

Волоцкий и Нил Сорский — они были как бы друг с другом связаны, что они представляли собою как бы один ряд. Читать в 1975 году, на шестом десятке лет после 1917 года в «Журнале Московской патриархии» статью, которая касается этой жизни, и видеть, что автор, почтеннейший человек, ничего не понимает!!!

Что было в нашей церковной жизни в то время?! Какое может быть соединение Иосифа Волоцкого с Нилом Сорским?! — Только Нил Сорский умер, успел умереть, как Иосиф Волоцкий, как эти самые «стяжатели» разгромили все заволжские скиты и монахов, старцев разбросали по всем краям, северным краям нашей необъятной родины! Нил Сорский умер, а все его старцы, все его ученики, все были разогнаны. А Вассиан Патрикеев, который был княжеского рода, но который тоже был на стороне Нила Сорского, — он был осужден собором и отдан в пожизненное заключение! Кому? Иосифлянам! Как раз тем людям, которые больше всего ненавидели Нила Сорского и его учеников. Там он кончил жизнь.

После этого что же делать? Где же слышать голос совести христианской? Кто может сказать: была она или ее не было? — Ее не слышно было, она жила в сердцах людей, простых русских людей, в стонах этого народа, в его бедствиях. Русь стонала, ведь есть господствующие, — значит, кто-то должен стонать. Вот и стонал простой человек под игом этих господствующих людей. Вот и жил Христос среди стонов этого народа, почему так и говорится, и изображается такой образ Христа: как бы Он идет по Руси и благословляет всех страждущих и обращающихся к Нему за помощью. Но, конечно, Его не видели и не хотели видеть те, кто стоял во главе. Они считали, что они вечно могут господствовать, и императоры так и начинали свои Указы: «Мы, Божией милостью император Всероссийский, король Польский, князь Курляндский...», и пошло, и пошло — там десять или пятнадцать таких наименований. Значит, «Божией милостью»... А наши иерархи должны были писать: «мы, милостью царя, обращаемся к вам...» Но, друзья мои, не надо забывать, что всему бывает конец, и милость Божья иссякает. Они не Божией милостью правили, а Божиим долготерпением, но долготерпение исчезает. В какой момент? В тот момент, когда Господь найдет это нужным. Это и случилось в 1917 г. Рухнули императорские подпорки, рухнул этот строй, и стала висеть наша грандиозная церковная организация как бы на ниточке какой-то. «Где труп, там и орлы», — а для того, чтобы с нашей церковной организацией покончить, и орлов не надо было: просто дунул ветер — и все полетело.

Так что же делать-то нам дальше? Как же жить-то? Ведь уже шестое десятилетие с тех пор идет! Что изменилось в нашей жизни? Извлекли ли мы из этого урок для себя? Осознали ли мы свое бедственное положение? Может кто-то сказать, и это можно часто услышать: «Как же можно осознать, когда советская власть гонит церковь, храмы закрывает, монастыри тоже закрыла, разрушила?» А вы спросите у тех людей: «А в тех храмах, которые открыты сейчас, в них-то слышен Христос или нет? В них-то есть дух Христовой любви? Как, можно его ощутить или нет?» — «И не спрашивайте! О нем там никто и не думает!» — А думают о чем? — «О формочке! Формочку соблюдают, но духа нет». Так почему же вы говорите, что советская власть гонит церковь? Вы бы эти храмы привели в порядок, вы бы здесь-то возродили Христово служение! А иначе у вас и последние-то уйдут, и плакать о них не будут. Почему не будут? Да так уже сейчас привыкли — жить без Бога. Ну, хорошо, зайдут в храм Божий. А уйдут с чем? Постоял, и вышел на холод, вышел в мир. Вот. Что же делать?

Что же делать? — Это вопрос, который меня мучил всю мою жизнь и который вот и привел меня — кто знает, может быть, в последний раз — с вами беседовать. Нет, я не собираюсь вас оставлять. Я не могу об этом даже думать, потому что я чувствую, как жаждет русский человек правдивого слова, и я должен его сказать, и я говорю, и до конца скажу! Это моя святая обязанность, святой долг. Только тогда я закрою глаза, когда увижу, что моя совесть уже

высказала все, что выстрадало сердце мое за свою жизнь.

Так вот, нам говорят, что церковь угнетают. Хорошо. Я уже вам на это сказал: как же ее могут угнетать, когда в наших храмах сейчас и стоять-то тошно бывает, — надо иметь силу большую, чтобы отрешиться от всей этой показухи и сосредоточиться на молитве! Но не всякий на это способен, для этого нужна большая духовная культура.

Что еще говорят? Говорят: безнравственность. Безнравственность? А откуда она? Что, наши законы предписывают безнравственность? Покажите мне: где, в каком месте написано, чтобы безнравственно жили люди? Люди живут безнравственно... Но это люди так живут! Кто же эти люди? — Мы! Так о нас и нужно говорить, а нечего кивать на власть, что она нас безнравственности учит.

Говорят, что бесчестность, воровство. Хорошо. А разве нас гражданская власть учит воровству? К чему нас призывает Господь после 1917 года? К созданию братской жизни, к созданию такой жизни, когда мы друг друга подпираем, когда мы друг с другом связаны узами нерушимого единства. Не будем говорить — во имя кого. Мы, верующие, — во имя Христа, мы со Христом, через Христа, но это не имеет значения для того, чтобы чувствовать себя как бы в своей семье. Наш народ — наша семья. Разве нам сейчас мешают богатеи, разве мешает нам знать какая-нибудь царская, или царят помещики, или еще кто-нибудь, банкиры? Никто нам не мешает. А если у нас дела бывают иногда плохи, так почему они плохи? Потому что мы с вами никуда не годимся!

Говорят некоторые еще о том, что да, нужно церковь освободить, вот церкви это нужно, что она в таком состоянии, ее стеснили... Стеснили церковь? Подумайте, что они говорят! Они говорят о свободе, они говорят о демократии на европейский лад... Да они не понимают простых вещей, что для нас, христиан, не может быть никакой свободы, у нас свобода в сердце нашем: «Где дух Господень, там и свобода!» Если мы сейчас в таком паршивом виде, если мы ползаем и не можем поднять голову вверх, то потому только, что мы сами никуда не годны, мы сами — рабы наших страстей плотских и всяких грехов. Освобождайся от них с помощью Божией — и ты обретишь свободу. И те, кто нас там учит с Запада о том, что вот, церковь угнетена, те издеваются над нами, — ах, как бы я хотел с ними поговорить, с этими людьми — так, душа в душу. Я бы им сказал: замолчите, вы ничего не понимаете, вы только растревляете наши раны, у нас здесь совсем не о свободе нужно говорить. А о чем? Об очищении своего сердца, надо говорить о том, что прп. Серафим нам завещал.

А ведь прп. Серафим — это новое явление в нашей жизни. После Нила Сорского все замолкло, и вдруг такое светлое имя: преподобный Серафим! Вы что думаете, он был очень приятен для тех людей, которые господствовали тогда? Нет, он тысячу дней и тысячу ночей пребывал на камне в молитве. Для чего? «Мысленного врага побеждая и Господу поя: Аллилуйя!» — так в акафисте сказано. Он побеждал врага... Какого же врага? Обычно, говоря об этом, все сводят к тому, что у прп. Серафима какие-то были грехи, ну, как у каждого человека. — Нет! Это все не то! Прп. Серафим с самого начала, когда пошел в лес, в чащу... он же получил от прп. Досифея Киевского благословение пойти в Заволжскую пустынь, а Заволжская пустынь была строгого жития, там был общежительный монастырь, там ничего личного монахам не разрешалось. Он пошел туда, и уже то, что он пошел туда, было свидетельством, что и любовь и преданность была у него ко Христу достаточная и ему не нужно было для этого тысячу дней и тысячу ночей на камне в молитве пребывать! Нет, он пребывал там за всех! — За всю Русь, за весь русский народ, «врага мысленного побеждая».

А что, вы думаете, с ним сделали? — Его загнали назад! Монахи, настоятель, конечно. А ведь это же не настоятель был, он же кем-то был поставлен — так откуда и кто в нем говорил?

Подумайте, им стало страшно, опасно оттого, что прп. Серафим, влияние его, слава его, имя его, так волнует души, что он призывает людей к правде Божией... «Давай же в монастырь! Ты заглохнешь тут!» А когда он ушел в дальнюю пустынь, приходили к нему и ломали ему печку, — чтобы он от холода оттуда убежал! Но он оставался! Наконец, все-таки заставили его вернуться в обитель. Насильственно. Он вернулся, и что сделал? Ушел в затвор. Ушел в келью и перестал принимать. Родился он в 1759 г., а в 1810 г. он ушел в затвор. И в затворе он пребывал 15 лет. Пять лет он никого не принимал. Через 5 лет он сделал некоторое послабление, но не выходил никуда, и только уже в 1815 году, по внушению Божьей Матери, он открылся для приема всех...

Скажите, что это такое? Почему ему нужно было такую борьбу выдержать? Ну, друзья мои, подумайте: ведь куда выйти, с кем говорить, как говорить? Бороться же невозможно — сила страшная. Если уж Арсения Мациевича Екатерина приказала отправить в Ригу, в тюрьму, и дала ему имя Антон Враль, и так он и пошел с этим, там он и умер, — так что там какой-то прп. Серафим, ведь тогда он был простой, ничтожный монах, — все можно с ним сделать. Но тем не менее, прп. Серафим ушел в затвор — в знак того, что он не может принять всего того, что он видел в той обители, в которой находился.

Чему он учил? Он учил: «Обогащайтесь Духом Святым. Обогащайтесь стяжанием Святого Духа». Стяжанием... Что такое «стяжание»? — Приобретение. Как в былое время: приобретали рубль к рублю, капитал наживали, так вот и прп. Серафим призвал к тому, чтобы стяжать Духа Святого. А для этого что нужно? Для этого нужна борьба с помыслами, борьба со всякими искушениями, и по мере этого, по мере победы над этими врагами, над этими искушениями, и будет выходить в мир благодатная сила христианского духа. Вот что он нам завещал. Он нам завещал стяжание Святого Духа. У тебя что в жизни — непорядок? Смотри внутрь себя, проверь свою жизнь, проверь, как ты жил раньше, проверь всю свою жизнь, и когда ты умиришься в своем сердце, когда ты оплачешь свои грехи, тогда с тобою, как великий учитель духовной жизни Исаак Сирский говорил, умирится небо и земля. У тебя в семье непорядки? Подожди судить, подожди искать виновного, подумай о себе, проверь себя: нет ли у тебя озлобления, нет ли у тебя гордыни, нет ли у тебя зависти, не мучает ли тебя стяжательство: что, что, в чем дело? Вот, вы знаете, в псалме «На реках Вавилонских», там говорится: «О камень убьет младенца, о камень» Вот, как младенца, грехи наши нужно еще в самом зачатии уничтожить. И когда вы будете это делать, тогда вы будете совсем по-другому воспринимать жизнь, тогда вы найдете свое место всюду, куда ни придете, всюду вы будете желанными.

Итак, каков же смысл нашей церковной жизни? Смысл церковной жизни — учиться жить во Христе! Если мы этого делать не будем, то, дорогие мои, ничего, кроме горя и мрака, нам испытать не придется. Надо нам упрощаться, надо нам умаляться, нам нужно проникнуться любовью к своей родине, нам нужно понять, что теперь мы имеем прекрасные условия для нашей духовной жизни. Скажите, кто здесь мне был помехой? А вы знаете, я ведь здесь говорил и говорю так, как едва ли какой-нибудь партийный работник может говорить. Я говорю с полной свободой. Дело только во мне: и мой голос был бы еще более убедительным, если бы моя жизнь была чиста, если бы я сам был честен перед Господом. А так — что же? Что мы делаем? Кого мы видим?..

Да, входишь вглубь своей души, в тайну своей жизни, и там беседуешь с Творцом, с Создателем, и оплакиваешь свои грехи, и в тот момент, когда все откроешь, когда сознание как-то непостижимо откроет все закоулки, все скрытые места души и вот когда это все оплачешь, когда уйдешь в самую глубину, и чем глубже, тем лучше, и подольше там побудешь, — вот в этой страде, вот в этой муке, вот в этих трудах, незримых трудах, слезах, незримых слезах, скорби, незримой скорби, — то потом поднимешься и посмотришь вокруг себя и скажешь:

«Господи, как же я счастлив, что Ты со мной! Вижу я радость: вот, льется она вокруг меня. В каждом я вижу дыхание Твое. Даже если кто считается самым последним, то для меня он не самый последний, он для меня — первый! И я вижу в нем образ Твой. Он заваленный, заваленный всяким хламом, он обесщечен, но, Господи, а я-то, ведь если я сейчас так говорю, так ведь я-то ж был более обесщечен, ведь если я говорю теперь так, то только потому, что Ты дал мне благодатную силу, чтобы осознать это. Господи, дай же эту силу и тем, кто сейчас страдает, не понимая, в ослеплении, не понимая того, что ведет жизнь без Тебя, Сына Божьего, ведет жизнь без Пречистой Девы сей: открой им глаза». Вот тогда эти люди войдут в жизнь, тогда они, дорогие мои, все увидят другим и вся жизнь их преобразится.

Трудно вместить это слово, но мы призываемся к тому, чтобы вместить это, и в этих словах божественных плечо к плечу, друг с другом братской любовью соединяемые, вместе созидать нашу новую жизнь, созидать ее наилучшим образом. Пусть говорят, что вот там темно, что вот такие-то люди все, не слушайте! Знайте, что это говорят слепцы и клеветники. А вы спросите себя: что ты сделал для того, чтобы избежать этого, помог ли ты? Посетил ли ты хоть кого-нибудь, какое-нибудь падение, но посетил с любовью, а не с тем, чтобы сказать: «Ах, ты такой-сякой», — и все?

Вот, мне сегодня сказали, что видели женщину, пьяную женщину в женский день: ее с одной стороны поддерживал мужчина, вероятно муж, а с другой стороны — ребенок. А она шла, шатаясь. Можно сказать: ах, какая негодяйка, ах, какая... и выругать ее до последней степени. Но не надо. Не надо! Жалейте. Жалейте! Это несчастнейший человек! Несчастливая она, несчастный муж, несчастные дети! Дело не в том, чтобы их судить, дело не в том, чтобы таких топтать, а дело в том, чтобы им послужить, чтобы их поднимать рукою помощи. Но поднимать не так, чтобы свалиться и быть внизу, не поднимать, как нас «поднимают», поднимая сверху вниз, — так они себя могут только погубить, а поднимать так: опускаясь вниз, вниз, ниже этих людей, самых плохих, самых, кажется, уже темных; вот, смиряясь, смиряясь до конца, смиряясь до смерти во Христе!

Вот каков путь, путь внутреннего делания, путь, который был завещан нам Антонием и Феодосием Печерскими, прп. Сергием, прп. Нилом Сорским и нашим почти современником прп. Серафимом. Вот этот Серафимовский дух, этот Сергиевский дух, этот Ниловский дух, этот киевский дух — он должен в нас богато возрасть, и тогда, дорогие мои, мы с вами воспрянем и жизнь наша преобразится. Мы почувствуем Христову любовь, разлитую в жизни, мы увидим образ Христов в каждом человеке, а больше счастья, чем это, быть не может!

Вот так мы и должны закончить нашу жизнь. Вот таково место христианина в современной жизни.

Да хранит вас всех Господь!

* Имеется в виду смена высшей власти. — Ред.

Протопресвитер Виталий Боровой: Об обрезании Господнем и о свв. Василии Великом, Серафиме Саровском и

Иннокентии Московском

Проповедь

Слово в Богоявленском соборе г. Москвы на вечерне в Неделю перед Богоявлением

15 января 1978 г.

Дорогие братья и сестры! Вчера мы с вами праздновали праздник в честь Обрезания Господня... Казалось бы, что особенного в этом событии, обычном для того времени и той среды, в которой родился Христос? Почему надо это отмечать, вспоминать, праздновать многие сотни лет?

Конечно, для людей того времени это не было чем-то необычным. Всякий мальчик-израильтянин обрезывался на восьмой день после рождения. Это был знак его избранничества, его принадлежности к тому народу, который имел Завет с Богом, из среды которого ожидался Спаситель мира, Мессия. Но кроме этого следует сказать, что хотя для евреев обычай обрезания имел вот это особое символическое, духовное, тайноустановительное значение Союза с Богом, принадлежности к народу избранному, но вообще, сам по себе этот обычай был распространен по всему Востоку. И в настоящее время во всех тех местах, где есть пустыня, у всех местных народов существует обычай обрезания, который имеет не религиозное, а чисто гигиеническое и чисто культурное значение. Это признак данной культуры, определенного образа жизни.

И для нас с вами, когда мы празднуем Обрезание Господне, менее важно вот это символическое значение обрезания как принадлежности к богоизбранному народу. Для нас важнее, что этот праздник показывает укорененность христианства в определенной культуре. Христианство появилось и распространяется в определенной культурной среде, в определенных исторических условиях. И христианство принимает эту культурную среду, где оно начинает распространяться, оно принимает эти исторические условия, оно не отрицает истории человечества, истории народов, среди которых оно распространяется, их культуру, их обычаи, их способ жизни. Оно воспринимает их, оно растет и развивается в этой исторической культурной среде данного народа. Оно воспринимает их, но оно и освящает их, оно преобразует их, оно трансформирует историю и культуру народов, где оно развивается, преобразует их, освящает их божественным светом, светом любви, добра, красоты и всего возвышенного. Оно как бы воцерковляет эту культуру и историческую среду. Вот в этом — большое значение для нас праздника Обрезания.

Христос пришел в определенное историческое время, в определенной исторической культурной среде, среди определенного народа. И Христос принял это, был органической частью этого общества. Он явился не как что-то очень чудное в этом обществе, не что-то сверху пришедшее и как бы упавшее в это общество — нет, Он был органической частью того народа, того общества, той культуры, той исторической среды, того времени. Но в то же время Он пришел для всего мира, для всех народов, для всех времен. Он пришел, чтобы Его благая весть, Его учение, Его дело, Его миссия спасения рода человеческого, воплощаясь, возникая и развиваясь среди определенных народов всего мира, в их культурной среде, в их исторических условиях, преобразовывали эти исторические условия и культуру в меру возраста Христова, чтобы христианство все народы, все культуры, все временные исторические условия, обычаи и способы жизни возносило к Богу, освящало, облагораживало, чтобы всех людей оно делало достойными быть сынами Божиими. В этом и состоит значение праздника Обрезания. На этом мы настаиваем, когда говорим, что Христос обрезался в восьмой день.

Вся история христианства и есть история постепенного вкоренения, вхождения христианства в культурную ткань, в историю народов, где оно появлялось, есть вхождение и восприятие этой культурной среды, как бы вобрание ее в себя и христианизация, воцерковление, освящение этой культурной среды, эпохи, страны, народа или общества, где развивалось христианство.

И вот, дорогие братья и сестры, красивым примером, очень хорошей иллюстрацией этого преобразующего влияния христианства на историю и на жизнь людей является память тех святых, которых мы с вами праздновали вчера и сегодня. Вчера мы праздновали память св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Сегодня праздновали память преподобного Серафима Саровского. И я хочу еще к этому добавить недавно канонизированного Русской церковью Иннокентия, митрополита Московского, как хороший пример этой историчности и преобразующей роли христианства.

Вот мы имеем трех святых разных эпох, разных народов. Это разные формы святости, разные формы принятия этой культурной среды и преобразования ее.

Василий Великий (20—70-е годы IV века). Он прожил только пятьдесят лет. Вся жизнь и деятельность его протекала, в основном, в Малой Азии, в Каппадокии, где были очень сложные культурные условия: было местное каппадокийское население, в городах была греческая прослойка, греческий интеллигентный слой, были остатки римской администрации, т.е. латинян, и было множество торговцев восточного происхождения: евреи, сирийцы, арабы. И вот, св. Василий Великий жил и действовал в этой сложной культурной среде в очень сложное для церкви время, когда в начале IV века церковь была, наконец, признана Римской империей, т.е. государственной властью, и была не только признана, но стала постепенно, во второй половине IV века, государственной религией и получила все возможности, все привилегии, все блага признания со стороны государства и общества, когда у церкви были не только большие задачи, но были и большие средства для их исполнения. Но церковь была раздираема изнутри сложными проблемами, сложными вопросами, ибо она только что вышла из состояния нелегального, преследуемого, подпольного общества, которое было малоизвестно, вышла из этого состояния на широкие просторы всемирной истории, стала движущей силой империи и образующей силой в обществе и, конечно, сразу же столкнулась со всеми проблемами этого общества, со всеми проблемами культуры и историческими трудностями того времени.

В то время Церковь сама еще не выработала своего богословия. Веру она имела изначально, веру, которую апостолы нам завещали, получив от Христа. Но ведь эта вера подлежала еще формулировке при столкновении с культурой, наукой, цивилизацией, философией того времени. Все это ставило вопросы перед христианством, и христианство должно было ответить на них. Как, между прочим, ставит и сейчас современность эти вопросы перед нами, и еще неизвестно, — как мы на них ответим.

И вот внутри христианской церкви образовалось много всевозможного рода богословских, религиозно-философских течений, которые спорили между собой, борясь за правильность формулировок, за правильность понимания, за выработку, так сказать, богословского, научного христианского мировоззрения и формулировок христианской веры. И в этот период борьбы появилось то, что мы называем «ересь», т.е. искажение христианского учения.

И Василий Великий был в самой сердцевине этого спора, в самой сердцевине этих сложных исторических, культурных, богословских, религиозно-философских течений. Он показал себя во всех отношениях выдающимся христианским богословом, выдающимся христианским иерархом, как мы называем, великим князем церкви, великим дипломатом того времени и, вместе с тем, — великим ученым и мыслителем.

Дорогие братья и сестры! Вот мы часто, видя жизнь какого-нибудь патриарха, митрополита, особенно в прошлом, любим говорить: «князь церкви», «выдающийся иерарх». Дорогие братья и сестры! Мы забываем, что такое настоящий князь церкви, что такое настоящий выдающийся иерарх, что такое, говоря современным языком, лидер, руководитель христианства. Это не тот человек, который имеет власть и наслаждается этой властью, который имеет почет и наслаждается этим почетом, не тот, кто великолепно появляется перед народом во всем своем церковно-иерархическом величии и, так сказать, собирает на себя восхищенные и благоговейные взоры верующих. Нет!

Василий Великий был выдающимся князем церкви, руководителем, иерархом, святителем, но он был и первым слугой своего христианского общества, своей христианской общины, своей церкви, народа своего. Первым слугой! Где надо было проявлять мужество перед государственной властью, он его проявлял. Он прямо говорил императору, когда тот грозил ему ссылкой и тюрьмой: «Что ты мне можешь сделать? Лишишь имущества? — У меня ничего личного нет. Сошлешь? — Везде земля Божия. Лишишь жизни? — Так мы стремимся к Богу и общению с Ним». Когда надо было служить людям, Василий Великий организовывал больницы, приюты, странноприимницы, все то, что мы называем сейчас «социальное действие», и организовывал их не только на средства церковные, но и на средства свои собственные, какие имел, и служил ими. Он был не только руководитель, но был и слугитель.

Будучи по своей природе аскетом, подвижником, молитвенником, монахом, он вместе с тем был великим ученым, который принимал всю современную мирскую науку, который ценил ее, знал ее, был учеником лучших светских профессоров того времени — языческих профессоров, которые не знали христианства и не принимали Христа, но он был у них студентом. Он брал лучшее от них для того, чтобы поставить на службу Церкви Христовой.

Среди этих многочисленных столкновений внутри христианства, среди многочисленных ересей он не был строгим, фанатичным ревнителем своих убеждений, как некоторые из нас желают изобразить себя: мол, кто думает так, как я, только тот православный, а кто чуточку в сторону, тот еретик, и я с ним не имею общения. Он не был таков!

Он искал Православие, истинное Христианство везде и всюду, даже там, где есть заблуждения. Он искал эти крупинки истины и старался заблудших, тех, кто искажал истинное Православие, истинное понимание Христианства, привлечь к себе, старался показать им настоящий путь, был братом им. Не был врагом, не клеймил их еретиками, а был братом! Он общался с каждым, чтобы всех привлечь на истинную стезю, на путь Церкви Божией, путь истинного Христианства, заповеданного апостолами.

Вот таким был Василий Великий. Вы знаете, от него осталась литургия, которую мы служим, от него остались многочисленные богословские писания, которые и в настоящее время являются источником для нашего богословия. Но важно то, что в своей культурной среде, в которой он жил и действовал, он смог найти те самые лучшие средства, взять из этой культурной среды все самое лучшее и поставить это на службу народу Божию, поставить это на службу Церкви Божией, на службу Богу, освятить, воцерковить, христианизировать это.

Дорогие братья и сестры! Но это воцерковление, это освящение, эта христианизация всей жизни данной культуры, данного общества, данной страны, народа и государства, никогда не удастся, если не бывает связано с преображением, изменением, освящением, воцерковлением, христианизацией каждой отдельной личности человеческой, каждого отдельного человека.

В этом и есть трагедия исторического христианства, в том, что оно провозгласило высокие общественные идеалы — создание идеального христианского общества, идеальной

христианской культуры — и вместе с тем не сумело преобразовать, воспитать, христианизировать каждого отдельно взятого христианина.

И поэтому христианство как общественная сила, образующая все человечество в единое святое христианское идеальное общество и культуру, в сущности говоря, не удалось. И оно трагически не удалось. Ибо оно не сумело скомбинировать, соединить два элемента: общественный идеал и личную святость. У нас всегда было так: или люди в личном порядке старались быть святыми, жить святой богоугодной жизнью, и тогда уходили от общественных идеалов, или люди предавались общественному идеалу и тогда забывали про личную святость. А вот примером такого призыва церковного, Христова зова к личной святости во имя общественных идеалов, к личной святости, которая является необходимым условием всякого христианского успеха в общественном делании, является преподобный Серафим Саровский.

Вот он был удивительным святым, святым, которого трудно даже представить, трудно даже живописать другим, потому что он, пройдя весь подвиг монашеского делания, все виды монашеского отшельничества — столпничество, затворничество, все виды христианской возвышенной совершенной устремленности к Богу, и потом — духовничество, когда он был открыт для советов, для воздействия на людей, пройдя все это, он всю свою жизнь был удивительно ровен, удивительно одинаков, несмотря на разнообразие его подвигов. Всегда он был необычайно благостный, необычайно ласковый, необычайно радостный, необычайно веселый. Это удивительно! Со всеми, с кем он говорил, к кому он обращался, у него не находилось других слов, как «радость моя»: «Христос воскрес, радость моя!» Всем он говорил: «Стяжи умиление» и молился перед иконой Божией Матери, которая называется «Умиление». А что такое умиление? Умиление, дорогие братья и сестры, — это такое чувство, которое, к сожалению, редко у нас бывает. Радость бывает часто, веселие бывает часто, а умиление... Умиление — это способность радоваться, ликовать, способность быть в необычайно благостном настроении тогда, когда нет основания к этому. Человек радуется, когда имеет причины для радости, человек веселится, когда случается что-то веселое. А умиление — это способность, это особенность души, когда человек постоянно радуется, постоянно благостен, постоянно как бы по-пасхальному настроен, тогда, когда нет оснований, когда видимых причин для этого нет, когда, наоборот, все видимые причины и обстоятельства жизни противоречат этому, толкают к горю, к отчаянию, к плачу, к раздражению, к гневу, — а человек способен умиляться.

Вот это — удивительная способность преподобного Серафима. И недаром он молился перед иконой «Умиление» и всегда говорил всем, часто повторял: «Радость моя, стяжи, т.е. приобрети, умиление». Или говорил также: «Стяжи мирный дух, стяжи умиление, — и тысячи вокруг тебя спасутся». Потому что умиление, этот мирный дух, это радостное восприятие даже несчастья, даже боли, даже безобразия, даже зла — это действует на других, как бы сообщается другим.

Я хочу, дорогие братья и сестры, вам прочитать один раздел из воспоминаний о прп. Серафиме, прочитать его собственные слова, потому что если я скажу вам, то у многих из вас возникнет сомнение, насколько верно я воспроизвел их. Ибо это будет звучать очень необычайно, а между тем, это прп. Серафим говорил. Он говорил: «Веселость — не грех, она отгоняет усталость. А от усталости ведь уныние бывает. А хуже уныния ничего нет. Оно все приводит с собой, уныние. Вот и я, как поступил в монастырь, на клиросе тоже бывало, и такой-то веселый был, радость моя». На клиросе был веселый, в монастыре! «Бывало, как приду на клирос-то, братия устанут, ну, уныние и нападет на них. А я и веселю их, они и усталости не чувствуют. Ведь дурное что говорить ли, делать ли — нехорошо. А в храме Божием не подобает делать дурное. А сказать слово ласковое, приветливое, веселое слово, чтобы у всех пред лицом Господа дух всегда веселел, а не был бы унылый, — вовсе не грешно. Нет нам дороги унывать,

потому что Христос все победил, Адама воскресил, Еву освободил, смерть умертвил!»

Это удивительные слова, дорогие братья и сестры, слова, которые показывают, что прп. Серафим имел этот первохристианский дух радости, постоянного веселия, постоянного умиления, постоянной ласковости. Оттого он и призывал всех стяжать это умиление, стяжать, приобрести эту радость, потому что этим приобретает самое важное, как он говорил, — стяжание Духа Святаго. Вот, я прочитаю вам еще его собственные слова: «Молитва, пост, бдение и всяческие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Духа Святаго, Духа Божия. Добро, ради Христа делаемое, не только в жизни будущего века правду подательствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодати Святаго Духа».

Дорогие братья и сестры, вот этот идеал, эту конечную цель выдвигал прп. Серафим перед каждым христианином, перед каждым человеком. Радость, ласковость, умиротворенность, одухотворенность, умиление, веселие, — с тем, чтобы стяжать Духа Святаго. И при этом, он говорил, стяжание Духа Святаго — это не там, на небе, где оно будет полным, а оно начинается уже здесь, на земле. Он звал людей к преображению уже здесь, на земле, к преображению, которое начинается в жизни каждого человека силою и действием Святаго Духа. Тот теосис, то обожение, которое, по учению древневосточных отцов и учителей церкви, является целью, конечным итогом всякого человека, всякой человеческой святости, уподобление Богу — оно уже здесь начинается, уже в жизни каждого человека должно начинаться.

И мы знаем, как это проявлялось у прп. Серафима. Мы имеем записи Мотовилова, человека, который общался с прп. Серафимом много лет и был исцелен им, человека интеллигентного, знающего духовную жизнь, который дословно, доподлинно записал эти переживания. И Мотовилов записал нам, как он прошел с прп. Серафимом этот путь стяжания Святаго Духа. Он не понимал, что это значит — «стяжание Святаго Духа», в чем оно проявляется. И тогда прп. Серафим показал ему — взял его за плечи и сказал: «Что ты сейчас чувствуешь? Мы уже сейчас с тобой в Духе Святом!» И посмотрел Мотовилов на лицо прп. Серафима — и оно светится необычайно. И спрашивает Серафим: «Что ты у меня видишь?» — «Я вижу такой свет, который я не могу переносить». Спрашивает прп. Серафим: «А что ты сейчас чувствуешь?» (А это было зимой, был глубокий снег и мороз, они были в лесу). «Я чувствую, — он говорит, — необычайную умиротворенность, необычайный покой, тишину и радость в душе моей». И тогда прп. Серафим спрашивает: «А что ты еще чувствуешь?» И Мотовилов здесь описывает все те чувства преображения, которые были испытаны им, человеком, таким, как и мы, но вознесенным, благодаря прп. Серафиму, действием Святаго Духа до этой степени обожения, до этого теосиса, до этого стяжания Святаго Духа. И он описывает, что он чувствовал невыразимую сладость, невыразимую радость, теплоту невероятную. Тогда Серафим сказал: «Ну, как ты чувствуешь теплоту? Ведь кругом снег и мороз, и снег, который падает с неба, на нас не тает». «Да, но я чувствую себя так, как будто бы я в бане». Серафим и говорит: «Так вот, это и есть внутреннее стяжание Святаго Духа, это Царство Божие среди нас». «Ну, а запах какой ты чувствуешь, такой, как в бане?» »Нет, такого запаха я не чувствовал еще в моей жизни. Он наполняет меня необычайной радостью и наслаждением». «Вот это и есть, — сказал он, — чувство стяжания Святаго Духа».

Дорогие братья и сестры! Это, конечно, чрезвычайное переживание, исключительный, может быть, опыт, которым прп. Серафим показал Мотовилу, что значит стяжание Святаго Духа. Но это и есть то, что является целью каждого из нас: через внутреннее преображение достичь вот этого стяжания Святаго Духа.

И, наконец, я хочу кратко сказать вам еще о третьем святом, которого мы сегодня не празднуем, но которого Русская церковь только что канонизировала, т.е. причислила к лику святых, об Иннокентии, митрополите Московском и Коломенском. Он был почти современником прп. Серафима. Если прп. Серафим родился в 1759 и умер в 1833 году, то Иннокентий, митрополит Московский, родился в 1797 году и умер в 1879 году — здесь, на московской кафедре.

Дорогие братья и сестры, я говорил о вкоренении христианства в культурную, историческую среду каждого народа и общества, где христианство появляется, с тем, чтобы преобразовать, христианизировать, воцерковить, освятить его. Я вам приводил в пример Василия Великого, как совершалось им воцерковление греко-римской культуры того времени в устроении христианского общества. И я говорил, что это общество потому не удалось, что христианство не сумело воцерковить каждого отдельного человека, освятить и преобразить его так, как показывал нам преподобный Серафим, — путем ласки, путем стяжания Святого Духа, постоянного мира в душе, умиления, просветления, внутренней жизни. Но вместе с тем на христианстве и христианине лежит еще и третья задача, без исполнения которой тоже не будет полноты христианства.

Итак, воцерковление культуры и народа в общественном смысле; воцерковление каждого отдельного человека в его личной святости; а кроме того — свидетельство о слове Божиим, свидетельство о Благой вести перед всеми людьми, чтобы и других приобщить к этому спасительному пути, чтобы и других научить той общественной и личной святости, к которой призван христианин. Поэтому дело свидетельства, дело проповеди, дело миссионерства есть дело не только всей Церкви, но и каждого христианина во все времена, и в настоящее время.

И вот примером такого служения Церкви Божией является как раз святитель Иннокентий Московский. Он родился в конце XVIII века в Сибири, в бедной семье клирика. Прошел нормальный путь сыновей клириков того времени: окончил духовную семинарию, — тогда это было обязательно, в другие школы детей духовенства и не принимали, это было своего рода сословное образование. Прошел этот обычный путь, женился и стал обычным священником у себя в Сибири, ничем не выделяясь: ни ученостью, ни ревностью, ни святостью. Имел старую мать, жену, ребенка. И вдруг надо было поехать — набирали людей для проповеди в Америку, на Аляску. И никто не хотел ехать туда. Настолько не хотели, что духовенство, которое туда назначалось, убегало в солдаты, а в солдаты тогда можно было угодить на 20 лет и больше, это была самая тяжелая служба. Люди горевали и плакали, когда попадали в солдаты, а духовенство убегало туда само! Шло лучше в солдаты, чем ехать в эту Америку, потому что край был дикий, народ был еще дикий, условия для жизни были очень суровые: необычайные холода, отсутствие каких бы то ни было удобств да страшная опасность от язычников, незнание их жизни, незнание их языка, чужая обстановка, — своего рода вечная ссылка, пожалуй, даже хуже.

И вот, когда все так убегали, отказывались, отказался тоже и Иван Вениаминов. Но когда ему сказали, что это нужно для Церкви, тогда он перекрестился и сказал: «Поедем». И взял старую, больную, умирающую мать, взял жену и годовалого сына и отправился в эту дикую, неведомую, страшную страну, ничего не зная об этой стране, не имея никакой миссионерской подготовки. Не так, как это делается на Западе: проходят школы, изучают язык, готовятся к миссионерству, едут, имея средства, пользуются покровительством общества, государства, миссионерствуют, и мало приобретают. А Иван Вениаминов поехал ну ни с чем. Только с желанием послужить делу Божию, с желанием просветить этот народ. И упорством своим, преданностью своей он изучил многочисленные языки тех племен: индейцев, эскимосов, которых он просвещал, изучил в самых трудных, просто невозможных условиях: ни словарей, ни грамматик не было — это

потом, после него все это создавалось. И он стал жить среди этого народа, стал им проповедовать, и был такой ласковый, такой услужливый, такой хороший, такой жертвенный, что этим взял он тех самых эскимосов и индейцев.

Взял так, что они стали обращаться ко Христу, стали креститься, создалась большая паства, в результате чего он был вызван в Петербург, хиротонисан в архиеерея и послан обратно епископствовать. И епископствовал он на большом пространстве Аляски, Америки, — всего западного побережья, начиная от самого севера до Сан-Франциско, до Калифорнии и на Приморье — до Амура. Одним словом, это была громаднейшая территория, которую он изъездил вдоль и поперек, и это при том, что тогда не было ни поездов, ни самолетов, ни машин, ничего же не было! Были просто сани, олени или собачьи упряжки, и снег, и мороз, и смерть в любое время. Изъездил он эту страну вдоль и поперек, обратил ее в христианство, и когда в результате этого церковь его отозвала и как бы в воздаяние за его бесчисленные миссионерские заслуги сделала митрополитом Московским в 1867 г., то он с горестью и со слезами расставался со своей паствой, и умер здесь, в Москве, будучи московским пастырем, но думая о тех бесчисленных душах новообращенных христиан, которых он наставил на путь истинный, просветил и ввел в Церковь.

Дорогие братья и сестры! Вот этого святителя сейчас церковь наша причислила к лику святых, ибо он сделал для просвещения своим жизненным подвигом больше, чем любой другой русский святитель. Он был настоящим апостолом, таким, каким был Николай Касаткин, архиепископ Японский, причисленный Русской церковью к лику святых, каким был Герман Аляскинский, старец, который тоже был основателем, начинателем христианизации Америки и первым просветителем Северной Америки. Вот эти люди, эти святые являются для нас воплощением, примером, иллюстрацией того, как в личной святости можно так стяжать Духа Святого, чтобы быть в состоянии свидетельствовать другим, — и их свидетельство было действительно, и они обращали ко Христу тысячи, десятки, сотни тысяч, если не миллионы.

Дорогие братья и сестры! Когда я сказал вам о значении Обрезания, о примерах христианской святости свт. Василия Великого, прп. Серафима, свт. Иннокентия, митрополита Московского, то, естественно, перед нами должен был возникнуть вопрос: а что же мы? Мы что, являемся только почитателями их святой памяти? Мы только обращаемся с молитвой к ним о их заступничестве перед Богом, о даровании нам милости? Или мы сами, своей собственной жизнью начнем этот великий подвиг стяжания Духа Святого, подвиг стяжания умиления, стяжания примирения с людьми, чтобы тысячи вокруг нас спасались, подвиг постоянной радости и духовного веселия и, наконец, подвиг свидетельства нашей жизнью, нашим словом, нашим характером, нашим делом перед неверующими, которых вокруг нас миллионы? Не надо ездить в Америку или еще куда-нибудь, здесь мы должны быть свидетелями так, чтобы и мы могли приобщить их к действию Святого Духа, приобщить их к истине Христовой.

Дорогие братья и сестры! И вот в нынешнем апостольском чтении и в евангельском чтении, которыми я закончу, сказано нам сегодня нечто в связи с этим. Апостол говорит: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням», — как сейчас, — «но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое», — чтобы мог сказать о себе: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тим 4:1-7). И наконец, в Евангелии, которое читано было сегодня, сказано прямо нам с вами: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия». В чем состоит это начало? Оно состоит вот в чем: «Вот, Я посылаю Ангела (т.е. посланника, вестника) Моего пред лицом Твоим, который приготовит

путь Твой пред Тобою. Глас вопиющего в пустыне: Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк 1:1–3).

Дорогие братья и сестры, это нам с вами глас Божий! Кругом нас пустыня людская, пустыня душ, жаждущих Бога, греховная пустыня, где страсти, беззаконие, грехи людей и наши с вами вместе делают человека погибающим, как в пустыне. И вот, в этой пустыне — пустыне неверия, пустыне греха, раздаётся голос: «Уготовайте путь Господень! Прямыми сделайте стези Ему!»

Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Мы все живем в христианской эре

Проповедь

Слово после новогоднего молебна

31 декабря 1999 г.

Братья и сестры, христиане!

Великая радость охватывает нас в этот день, в этот час, когда мы собрались для того, чтобы начать переход от одного тысячелетия к другому, начать его в юбилейном, двухтысячном году. Завершается особый период жизни человеческой, жизни исторической, жизни церковной, ну и, конечно, — какой-то период нашей жизни, которая не может распространяться более чем на столетие.

Для нас с вами, дорогие братья и сестры, сегодня особо звучали слова Писания — и апостольские, и из Евангелия. Конечно, когда апостол выражает свое пожелание, чтобы мы «проводили спокойную и тихую жизнь во всяком благочестии и достоинстве», для чего нам нужно «совершать прошения, молитвы, ходатайства, благодарения за всех людей, за царей и всех носителей власти», то мы понимаем, что это как никогда кстати именно сейчас, когда для нас так важно обрести именно «спокойную и тихую жизнь во всяком благочестии и достоинстве», хотя мы знаем, что это зависит не только от нас: это зависит от многих людей и от властей — как церковных, так и светских.

Господь хочет, чтобы мы совершали это приятное Ему дело, ибо Он «хочет, чтобы все люди были спасены и пришли к познанию истины», для чего и нужно нам историческое время, в которое мы с вами живем, в котором живет вся Церковь, — живет и странствует. И хотя сказано про каждого из нас, что «наше жительство на Небесах», мы, будучи не от мира сего, должны жить в мире сем и не бежать из этого мира, не бежать от его трудностей, не бежать даже тогда, когда нас гонят, когда нас притесняют, когда на нас клеветают, когда относятся к нам не очень справедливо. Ведь нам с вами нужно помнить, что люди не сразу обретают истину. Господь же хочет, чтобы все «пришли к познанию истины», и именно для этого нам нужно проходить все эти трудные моменты, нужно запастись терпением и любовью, и смирением и дерзновением, без чего историческая жизнь превращается в ад.

Сама по себе история — это не что-то адское, история — это смешение разных сил, история — это множество явных и не очень явных тенденций, но человек способен или приблизить эту историческую жизнь к адской, или наоборот — приблизить ее к Царству Небесному. Церковь в

этом мире существует для того, чтобы открывалось Небесное Царство.

Так вот, дорогие друзья мои, нам с вами очень важно помнить об этом своем призвании, помнить, что наша сила — в единстве духа и в союзе мира. Но при этом надо помнить и то, что не всякое единство есть сила Божия! Да, когда люди объединяются, они становятся сильнее, но иногда они объединяются во зло, и история знает множество таких примеров и, к сожалению, не только из светской жизни: иногда и в церкви бывали большие нестроения, бывали гонения со стороны еретиков — еретиков по вере или еретиков по жизни. Ведь зло и добро не соединяются, ведь нет ничего общего между Христом и Велиаром, между храмом Божьим и капищем! Но не случайно было сказано апостолом: «Храм Божий — вы». Это значит, что мы должны быть таким храмом Божьим, чтобы в нас самих не было места никакому капищу, никакому служению страстям, никакому идолопоклонству, никакому стяжательству и духу мира сего.

Мы знаем, что «один Бог, один и Посредник между Богом и людьми, Человек Христос Иисус, давший Себя как выкуп за всех». — В этом наша вера, в этом наше свидетельство, свидетельство перед всем миром! Люди, слава Богу, воспользовались наступающим юбилейным годом, чтобы напомнить себе и другим, что мы живем не просто в некоей «нашей эре», безликой и бескачественной, мы живем в христианской эре! И живут в этой христианской эре все люди — и христиане и не христиане, и мусульмане, и иудаисты, и язычники, буддисты, индуисты — все, кто угодно. Атеисты, и всякого рода агностики тоже живут в этом контексте христианской жизни, потому что даже если человек отрицает Христа, даже если он не знает единого Посредника между Богом и людьми — Человека Христа Иисуса, то он все равно живет по Его пришествию и как бы в непосредственном видении Христова пришествия, когда Христос видит нас, а мы — Его. Повторяю, это касается всех людей, какими бы они ни были, разница лишь в том, что последствия этого видения очень различны. Человек это знает по себе в истории, в своей краткой человеческой истории.

Да, дорогие братья и сестры, нам сегодня есть о чем радоваться и за что Бога благодарить. Мы снова с радостью слышим об исполнении слов пророка Исаяи, как возвестил об этом в Назаретской синагоге Сам Господь. «Дух Господа на мне», — говорил пророк, а по-новому о том же возгласил Иисус, и это же по-новому переживаем мы с вами. «Дух Господа на Мне, ибо Он помазал Меня. Послал благовествовать нищим, возвестить пленным освобождение и слепым прозрение, отпустить угнетенных на свободу, возвестить лето милости Господней».

Это лето и есть новый год, причем именно юбилейный год! Пришествие Спасителя делает и наше время пронизанным новым светом. Это предчувствовалось уже в Ветхом Завете, что и выражалось в установлении юбилейных годов, которые наступали каждые пятьдесят лет человеческой истории, истории Народа Божьего. Сейчас же для нас именно двухтысячный год — год юбилейный. И поэтому не тогда, когда кончится второе тысячелетие и XX век (это будет лишь через год), а тогда, когда начинается этот юбилей, мы с вами особенно радуемся и веселимся, надеясь, что Дух Господа приведет к освобождению и спасению всех — всех тех, кто этого хочет.

Что говорить, друзья мои, для нас с вами это — чаяние, и это же — реальность. Это то, что уже открылось и что еще должно будет открыться. Потому что исполняются времена и сбываются пророчества, и сроки Божьи открывают тайны свои...

Нам очень хотелось бы начать подводить какие-то итоги — ну, если не двух тысяч лет — это, наверное, нам не по силам, если не тысячелетия — боюсь, это тоже нам не по силам, ну, если не XX века и последнего десятилетия, — ибо это тоже, наверное, не очень-то по силам нам, или, во всяком случае, большинству из нас, то хотя бы прошедшего года, а может быть, и немного

более.

Да, дорогие братья и сестры, прошедший год пролетел как ласточка, как стриж, дал о себе знать — и нет его. Но он не просто пролетел, он при этом оставил великий след в наших душах, в наших сердцах, потому что он был судьбоносным годом.

У каждого эта судьба раскрывалась особо: кто-то радовался тому, что Господь открывал ему новые глубины и тайны духа, а кто-то радовался тому, что удалось что-то совершить, например, завершить в этом году давно начатое дело, задуманное, может быть, десятилетие, а то и более, назад. Я знаю, что за это время с помощью Божией многое удалось сделать, и поэтому несмотря ни на что нам с вами невозможно роптать. Именно благодаря возникшей «волею судеб» передышке мы с вами имели возможность что-то совершать. А я должен сказать вам, что это великий дар Божий, за который тоже надо благодарить, потому что обычно даже гении, даже лучшие люди человечества страдают более всего от того, что им почти ничего не удается в жизни завершить: они начинают, они полны прекрасных замыслов, но жизнь так жестко относится к ним, так строится и обращается с ними, что эти замыслы остаются в большей степени лишь замыслами. Так вот, то, что 99-й год этого столетия дал нам возможность многое завершить, многое увидеть в целостности, — это радостотворный дар Божий. Повторяю, пусть каждый по-своему конкретизирует сказанное, потому что каждый знает свою жизнь лучше других, но у нас есть что конкретизировать.

В нашей жизни, конечно, бывали и неудачи, и разочарования, бывали, увы, и грехи. Нельзя сказать, что мы совершенно от них освободились. Нельзя сказать, что мы полностью освободились даже от тяжких грехов, ибо иногда и они преследовали нас, будучи по природе своей более духовными или более душевными, или плотскими, телесными. Все бывало в этом году.

И наше братство, и наши школы, и общины много испытали за прошедший год. Конечно, этот год — лишь один в ряду столь важных для нас лет, которые мы называем временем гонений. Вот уже седьмой год, не прекращаясь, идут открытые на нас гонения за Христа и всю Церковь, но мы не унываем, потому что унывать для нас с вами — грех, потому что у нас есть за что благодарить и о чем радоваться! Да, и мы еще чего-то важного в жизни не завершили, но человеческая история такова, что в ней никогда важнейшие вещи не завершаются. Они завершатся лишь тогда, когда кончится сама эта история. При этом сама эта история должна наполниться, исполниться, стать преизливающейся полнотой Духа и Смысла, и Света, и Радости, и Любви. Понятно, что нам этого не хватало, но мы с вами уже как-то научены историей церкви и поэтому знаем, что даже если что-то было сделано во славу Божию лишь частично, то Бог может дополнить, восполнить оскудевавшее и не доделанное нами. Поэтому мы и здесь не унываем, и здесь исполняем надежды и веры, говорящей нам, что пока мы живы на земле, у нас еще есть много шансов что-то сделать ради Бога и ближних, идя по пути спасения и преображения себя, жизни и мира.

Так возрадуемся же опять и снова возблагодарим Господа!

Вспомним, какую большую радость принес всем нам в этом году 10-й Преображенский собор нашего братства! Какую радость мы испытывали в паломничествах, какую радость мы с вами испытывали тогда, когда имели возможность, скажем, на конференции или на открытых встречах собираться в большом числе и видеть друг друга! А какую радость мы имели, когда видели новоцерковляющихся людей! Да, их всячески пытаются от нас оторвать, но Господь не дает совершиться этому нечистому замыслу, и люди приходят по воле Божьей, потому что жажда слова Божьего не оскудела до конца в нашем народе. Мы знаем, что много темных сил еще пытаются господствовать в нашей жизни. Мы знаем, что противодействие делу Божьему

еще велико, где бы это дело ни совершалось и кем бы оно ни совершалось. Каждый из вас знает это по себе, я в этом не сомневаюсь, потому что все мы здесь — люди верующие, христиане, хотя и грешные, и недостойные, и могущие лишь в конце поставить свои имена. Впрочем, обо всем судит Бог, а не мы. Не будем судить и о себе, как учит нас этому апостол Павел.

Пусть же радость открытия новой эпохи, которая сегодня так блистательно была подчеркнута в нашем обществе и государстве (Имеется в виду смена высшей власти. — Ред.), пусть эта радость не омрачается ничем из того, что зависит от нас. Мы не наивные люди, мы понимаем, что без проблем жизнь не бывает, и поэтому если мы хотим жить, то должны научиться встречать каждый день нашей жизни с благодарностью, зная, что он может принести нам и большие проблемы. И все же мы надеемся, что ближайший год разрешит наши церковные проблемы и что после этого мы сможем найти общий язык с многими и многими новыми членами нашей церкви. Однако и здесь мы должны быть смиренны и все должны отдать в руки Божьи, помня, что это зависит и от нас, и не только от нас.

Итак, дорогие братья и сестры, сейчас праздник, но так случилось, что в нашей истории XX века, и пока только XX века, он соединяется с Рождественским постом в его самой строгой фазе. Вы знаете, что до 1918 года так не было: Новый год всегда был после Рождества. Но Господь дал нам знак. «Радуйтесь, но трепещите!», — как говорил пророк Исайя.

Конечно, ничто нам не мешает на новогоднем празднестве ослабить пост внешний, телесный, продуктовый, ведь ест ли человек или не ест, он ничего не теряет и ничего не приобретает, не в этом суть. Пусть каждый сам решит этот вопрос так, как ему по силам. Я помню, нам в духовной академии в новогоднюю ночь разрешалось есть даже мясо, все что угодно, но — не теряя христианского образа. Поэтому пусть каждый сам себе установит ту меру, которая ему нужна во внешней его жизни в ближайшие дни. Но внутренне мы с вами должны помнить, что благодарность Богу и молитва, с которой мы, несомненно, сегодня встретим Новый год, юбилейный год, двухтысячный год, — эта молитва и эта благодарность должны пока еще соединяться у нас с чувством стояния на посту, где расслабляться нельзя. Всякий хорошо понимает, что значит стоять на посту: расслабишься — и можешь лишиться жизни, или провалишь какое-то дело, охранять которое ты поставлен. Поэтому и на праздник пусть в нас сохранится чувство ответственности за все, что мы делаем, за то, как мы живем, что говорим, о чем думаем, и та строгость поста, которая есть внутреннее духовное качество, а не что-то сводимое лишь к диете.

Итак, желаю всем вам, дорогие братья и сестры, вспоминать сегодняшнее замечательное чтение из Апостола и из Евангелия и еще желаю, чтобы все вы встретили новый год молитвой. Пусть бой курантов для вас будет напоминать колокольный звон в церкви и пусть не звон бокалов отметит двенадцатый удар, а прославляющие Бога слова и «аминь»!

Дорогие братья и сестры, с наступающим новым годом!

Аминь.

И еще разрешите мне прочесть только что попавшее мне в руки письмо от о. Виктора.

«Дорогой о. Георгий (но письмо относится ко всем нам, я так чувствую)! Поздравляю Вас со светлым праздником Рождества Христова, днем Явления нашего Спасителя. Пусть богохранимое Сретенское братство и общины в разных пределах отечества всегда излучают вифлеемский Свет и Любовь в мире духовного обнищания. В эти дни продолжающихся гонений будем с терпением и надеждой молиться, чтобы дух Любви объял сердца гонителей наших.

Прошу Ваших святых молитв.»

Спаси вас всех Христос!

(Все поют: «Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровию».)

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Ю. К.

Церковь — Божий Дом

Некоторые люди с детства чувствуют, словно им покровительствует Кто-то невидимый; и у них не возникает сомнений, что они не случайно родились на этот свет, что в этом был смысл и необходимость. Я отношусь к таким людям.

Моя семья была обычной советской неверующей семьей. Но в детстве я всегда ощущала, что Некто или Нечто меня хранит, спасает от серьезной опасности, выполняет необходимые (по-настоящему необходимые) желания, мгновенно реагирует на мои мысли и поступки, и благодаря этому я чувствовала плохое и хорошее раньше, чем понимала умом. В детстве я не задумывалась над тем, Кто это или Что это. Но время, когда это Что-то мне покровительствовало, было очень счастливым.

Лет в 15—16 эта Сила стала покидать меня — сейчас трудно понять, почему. Но я очень ясно ощущала эту утрату и очень переживала, но не знала, что же мне делать. И жила дальше самостоятельно.

Как ни странно, период учебы в университете, с 18 до 22 лет был, наверное, самым бездуховным в моей жизни. Я не осознавала, в каком мире я живу, что я в нем делаю, зачем я вообще родилась. У меня все было благополучно, моя жизнь состояла из учебы, праздников, каникул, и ничто другое мне не было интересно. В это время, уже в 10-м классе школы у меня появились верующие друзья. Затем половина моей группы в университете стали верующими и именно церковными людьми. Правда, очень тесной дружбы у нас не было, мы жили по-разному. Но теперь я им очень благодарна за то, что они не оставляли меня: иногда звали с собой на богослужение, всегда звали на Пасху. У нас на курсе сложился целый круг христиан, которые дружили и в какой-то момент даже пытались образовать общину, участвовали в восстановлении собора Рождественского монастыря в Москве. Я тоже ходила помогать им. Почему-то потом они снова разошлись по разным приходам. Тогда у меня были все возможности воцерковиться, но я не могла этого сделать, потому что не была в действительности верующим человеком. Христианские увлечения моих однокурсников иногда казались мне чем-то внешним, вроде новой комсомольской организации: все вместе — в больницу помогать старушкам, все вместе — поститься, все вместе — восстанавливать собор, а если ты что-то сделаешь не так, тебя все осудят. Общее мнение играло в этом кругу большую роль; возможно, поэтому некоторые из моих однокурсников впоследствии оставили христианство.

Я была убеждена, что вера — самая серьезная вещь в жизни, здесь нельзя руководствоваться внешними и формальными вещами. Сама же я не чувствовала внутренней потребности обращения к Богу и, с другой стороны, я надеялась вернуть ту живую, высшую Силу, которая оберегала меня в детстве. Но я не видела, как эта Сила соотносится с христианским Богом и, тем более, с христианскими обрядами.

В то же время некоторые вещи в христианстве я постепенно начала отдаленно понимать: Христа и Его Слово; Пасху; Великий пост.

Это удивительно, но уже много лет я так или иначе соблюдаю Великий пост, потому что не могу этого не делать. Это особое время, что-то происходит, просто в воздухе висит, и невозможно оставаться в стороне; особенно во время Страстной недели. Вся обыденная жизнь отстраняется в этот момент, остается только переживание евангельских событий. Мне кажется, за это время я становлюсь совсем другим человеком. Правда, мой пост не всегда был настоящим Великим постом в отношении пищи (несколько лет из-за детей и нашего финансового положения мне было это тяжело, но от мяса я, конечно, всегда воздерживалась), да и церковь я посещала не так часто, как настоящие христиане, но все же чаще, чем я это делаю в остальное время года.

Возвращаясь ко времени моего студенчества, я должна сказать, что моя мама тогда занималась сначала йогой, а потом училась в какой-то духовной школе восточного типа, и мне казалось, что такой путь более приемлем для современного человека, чем христианство. Сама же я испытала огромное влияние «Розы мира» Даниила Андреева и до сих пор люблю эту книгу, потому что именно оттуда я узнала и поняла, что Бог — только добро, только благо, и что нет в Нем никакой тьмы, и что зло — не от Него.

Потом я вышла замуж. Мой муж, совершенный атеист, уверен, что он умрет и станет прахом, а потому надо наслаждаться, получать удовольствия и реализовывать себя, не считаясь с правилами морали, обычаями, религией. К счастью, он реализует себя главным образом в области науки (он исследователь в области искусственного интеллекта, стремится понять и смоделировать работу человеческого разума). Он очень плохо относился и относится к христианству, и нравственным человеком его не всегда можно назвать. Все это в большой степени подтолкнуло меня к лучшему пониманию христианства. Но настоящее «обращение» было связано с детьми.

Я хотела родить ребенка по множеству причин, одна из которых — та, что я думала, что мы оба станем добрее и человечнее, когда у нас будет малыш.

Мой муж не хотел иметь детей, не любил их, когда они родились, не помогал мне, и мне было очень трудно одной, без его поддержки. Первую дочь он как-то перетерпел, но вторая родилась всего лишь через год после первой, и ее появлению предшествовали бурные домашние скандалы. Тут были и предложения о разводе, и принуждения к аборту, и, в конце концов, ужасная идея продать ребенка сразу после его рождения, поскольку желающих усыновить детей много. И тут я не выдержала, очень испугалась и поняла, что я не могу спасти это дитя, которое уже есть во мне и за которое я отвечаю. Мне показалось, что моя жизнь закончилась, очень глупо и бессмысленно. И я как-то непроизвольно вслух (я была одна дома) обратилась к той Силе, к которой обращалась в детстве, как к Богу, с молитвой. И в этот же момент я поняла, что оберегавшая меня Сила и христианский Бог — одно и то же. Просто я сама перестала быть ребенком.

И кроме того, я сразу почувствовала, что я услышана. И действительно, мой муж перестал убеждать меня избавиться от ребенка, а вскоре сам привез вторую кроватку.

После этого я несколько лет искала путь к общению с Богом. Теперь это было сложнее, чем когда-то: с двумя погодками (а вторая к тому же родилась больной) я была занята и днем и ночью. Смертельно уставала, превратилась просто в биологический механизм. О том, чтобы выкроить время и добраться до храма, не было и речи. Но я молилась дома, я стала молиться более или менее регулярно утром, потому что поняла, что мне это необходимо. Читала все короткие утренние молитвы по молитвослову, открывая смысл то одной, то другой молитвы.

Потом я почувствовала, что невозможно вот так верить только дома, что Церковь — Божий дом, и что есть множество людей, таких же, как и я, которые верят, и что мы взаимосвязаны. Тем не менее, мне было еще очень трудно найти время и оставить детей.

Потом, полтора года назад, во время Великого поста, когда я действительно постилась, я почувствовала необходимость пойти исповедаться. С большим трудом я нашла возможность оставить младшую дочь и пошла в ближайший к нам храм, на Поклонную гору. Но это было не совсем удачно. Батюшка был уставший, задерганный и его интересовали только церковные люди. Исповеди толком не получилось, но он допустил меня к причастию, а потом посоветовал как можно скорее найти какого-нибудь священника, с которым у меня будет взаимопонимание. К сожалению, мне это трудно было сделать. К тому же после этого случая я некоторое время находилась просто в ужасе: ведь я наивно представляла себе священников как добрых людей, стремящихся и всегда готовых встретиться, поддержать и наставить тех, кто, наконец, обращается к Богу. А тут мне показалось, что для священника важно что-то другое: организация, власть церкви, а самое главное, что он, может быть, и не знает, куда идти, где Бог. В то же время я не потеряла надежды. Я ходила некоторое время в храм свв. Космы и Дамиана в Столешниковом переулке, но чувствовала себя чужой среди других людей. Там было много молодежи, и обстановка напоминала мне клуб или кружок, хотя в действительности, наверное, это не так. В конце концов, я как-то случайно обмолвилась своей неверующей подруге о том, что я была бы очень рада найти настоящего батюшку и хорошую общину. Эта подруга — сестра Лизы Г. Лиза позвонила мне чуть ли не на следующий день, несколько раз брала с собой на богослужение в храм при Третьяковской галерее и, в конце концов, пригласила на Открытую встречу. На этой встрече я была просто потрясена. Я поняла, что я нашла, что вот она — настоящая Церковь, настоящие люди, которые по-настоящему верят и знают, куда они идут. Я поняла, что о. Георгий — настоящий учитель, и непростительно не оставить все свои проблемы и не последовать за ним. И мне бы очень хотелось, чтобы мне хватило до конца на это духу.

***

В. С.

Всю жизнь, будучи человеком, воспитанным в атеистической среде, в особо трудные минуты жизни я всегда обращался с личной молитвой к Высшим силам, которые в моем сознании еще не были окончательно оформлены в Единого Бога. Много раз родственники и знакомые предлагали мне пройти обряд крещения, но я на это только скептически усмехался, хотя в голову приходила мысль, что это может произойти, когда я буду к этому духовно готов. Без сильной веры в Бога этот обряд для меня ничего не значил и потому не был нужен, и никто из окружающих меня не мог мне толком объяснить, для чего это необходимо сделать. Вера в Бога как бы тлела во мне, но не возгоралась.

Вступление моей супруги на путь оглашения я воспринял с пониманием и приветствием. Сначала все шло хорошо, однако с переходом ее на второй этап оглашения во мне стало накапливаться раздражение. Казалось, что она отдаляется от меня, что ей ближе другие люди. Эта духовная ревность усиливалась и переросла в сильную ненависть и к братству, и ко всей

Православной церкви, которые, как я считал, увеличивают пропасть между нами. Но на веру в Бога я не мог посягнуть даже в мыслях. После нескольких дней безуспешной борьбы с самим собой я вдруг понял, что падаю в пропасть такой злобы, из которой мне уже и самому не выбраться, и никто из людей мне не сможет помочь. Оставалась только моя неумелая, но искренняя молитва к Богу. Господь смилостивился и незамедлительно помог: необъяснимым и чудесным образом ко мне пришло решение еще минуту назад казавшейся неразрешимой проблемы.

Это произвело на меня сильное воздействие, и искра веры в моей душе начала возгораться. Я начал читать Евангелие и размышлять, пытаюсь разобраться в себе и в окружающем меня мире. Как-то во время таких размышлений во мне неожиданно возник вопрос: «Веруешь ли ты?» Я ощутил, что это не мой вопрос к самому себе, но вопрос свыше, и что от моего ответа сейчас зависит вся моя дальнейшая жизнь. «Верую, Господи!» — у меня не было другого ответа. После этих произнесенных слов с моих плеч будто свалилась какая-то тяжесть и нахлынул поток необыкновенной очищающей энергии. Такого состояния души в своей жизни я еще никогда не испытывал. Окружающая природа, люди, дома, весь мир стали выглядеть совсем по-другому, как-то по-особенному ярко и наполненно. Я словно заново, другими глазами увидел все это. Пришло осознание всей пустоты и бессмысленности жизни без Бога. Появилась жажда другой жизни — жизни в Боге, жажда других человеческих отношений. Захотелось встречаться и общаться с людьми, близкими по духу.

Господь дал мне такую возможность, дал мне шанс на спасение в этом мире, и я не перестаю в молитве благодарить Его за все это.

Сергей Аверинцев: Греческая семантика понятия образа в Священном писании (прежде всего в Новом завете)

Священное писание

Лекция на открытие учебного года в Свято-Филаретовской высшей школе

12 сентября 1998 г.

С живейшей радостью, как, наверное, и все мы, я слушал слово владыки. О себе я должен сказать, что сам я “не пророк и не сын пророка”, даже в том институциональном смысле, который предполагают только что упомянутые моим предшественником переводы и стоящие за ними толкования. Я попробую сказать несколько слов, скорее уж относящихся к области скучной учености. Как раз в той среде, к которой относился Гамалиил, почтенный наставник апостола Павла, возникло изречение: “Писание говорит словом человеческим”. Это значит, что Божие откровение, приходя к нам с надмирных духовных высот, в акте снисхождения, милости и, если позволено так сказать, божественной учтивости говорит с нами на нашем языке. А потому человеческий язык и предоставляемые им возможности — предмет отнюдь не безразличный для действия Слова Божия.

Человек, стоящий духовно высоко, понимает то, чего никакой филолог никогда не поймет. Однако на ступенях, более обычных для нас, необходимо возможно отчетливее слышать, что нам говорит Писание и священные тексты Предания, в том числе молитвы и литургические тексты. Само по себе стремление получше расслышать обращенное к нам слово, входя в

обычное человеческое понимание умственной обязанности, имеет в применении к вещам святым и духовное измерение. Мы должны отучиться слышать слова Писания и молитв как некоторую возвышенную и священную невнятицу, предназначенную чисто эмоционально нас утешить, а сверх того содержащую в себе лишь неотчетливо улавливаемое обращение к нам.

Итак, моя тема — греческая семантика понятия образа в Священном Писании, прежде всего в Новом Завете, а также в молитвенных, богословских, литургических текстах. Помимо случаев действительно трудных, представляющих опасности и проблемы, когда возможно в принципе ложное понимание текста Писания или молитвы, — случаев существующих, но, слава Богу, сравнительно не столь многочисленных, — есть, не правда ли, гораздо больше случаев, когда мы более или менее понимаем то, что мы читаем или слышим, или то, что на молитве выговаривают наши уста, но понимание наше как-то расплывчато. Мы чувствуем себя неопределенно озадаченными: почему сказано именно так? Можно это понять и в таком виде, однако не ясно, почему выбрано данное слово, а не какое-то другое.

Скажем, в известной всем нам молитве св. Симеона Метафраста из Последования ко Святому Причащению стоят слова: “Восстави мя, грехом поползшагося, образы ми покаяния предлагая”. Что это значит, если я говорю, что Бог предлагает мне образы покаяния? Надо ли понять так, что имеются в виду образцы, образы, которые должны служить примером? Почему бы и нет — это совсем не плохой смысл. Каждый, не задумываясь, назовет самые известные случаи кающихся грешников и грешниц, восходивших на высокую ступень святости, — евангельского Разбойника, Марию Магдалину, Марию Египетскую, кстати, неоднократно упоминаемых все в том же Последовании. Но если речь идет об этом, почему так неотчетливо? Либо речь идет еще о чем-то? Что значит образ покаяния? Когда мы смотрим в греческий текст, мы все понимаем: там стоит слово *trTroj*, означающее образ действия, модальность, путь. Кстати говоря, слово “путь” и подходит для объяснения этого места, — “предлагая мне [различные] пути покаяния”. Этот перевод схватывает самую этимологию слова *trTroj* (к которому мы еще вернемся). *TrTroj* и этимологически означает путь, его повороты, и отсюда — выбор пути.

Итак, по-славянски и по-русски, в том языке, который применим для перевода текстов, о которых идет речь, мы имеем одно-единственное слово “образ” для передачи понятий, которые по-гречески выражаются примерно десятком или дюжиной различных слов. В наш секулярный, светский, интеллигентский язык, ученый или обыденный, но опять-таки секулярно-интеллигентский, некоторые из этих слов — в совсем других значениях — вошли, например, “тип”, “характер”, “парадигма”. Специально интересующиеся философией читатели А.Ф. Лосева и других подобных авторов знают, что такое “эйдос”. В наш секулярный язык вошло слово “схема”, а в наш церковный язык двойник этого слова — “схима”: то же слово “схема”, но с церковным, итацистским выговором.

Очень важно, что различные слова, обозначающие по-гречески образ, содержат в качестве коннотаций весьма различные утверждения (или их отсутствие) касательно аутентичности, онтологической и мистической подлинности этого образа, его правдивости. Самое простое и самое нейтральное слово *eKdoj* обозначает в разговорном языке, как и в новозаветных текстах, как правило, предмет видения — то, что мы видим, то, что мы зрительно, чувственно воспринимаем. Вопроса о том, насколько это видимое соответствует невидимой истине, само по себе слово *eKdoj* не провоцирует, кроме как в специальном платоновском употреблении, наследуемом затем святоотеческой мыслью, святоотеческим любомудрием, — но отсутствующем в Новом завете. Так вот, обыденный смысл предполагает внешность, зримый образ, вид. Кстати говоря, слово *eKdoj* и происходит от греческого корня, который означает “видеть”. Слово “знать” по-гречески тоже близкое. И это тот же самый индоевропейский

корень, что и в русском “видеть”: “эйдос”, означающий по-русски “вид”, — это и есть то же самое слово. У бесчисленного множества греческих авторов мы встречаем выражения вроде такого, например: ΤΧ ἴπ' εἰδεῖκατῆν (“то, что красиво для зрения”). Или так: Σβμα καὶ εἶδοι, т.е. общий тип тела, его “конституция”, и его вид, как оно выглядит при последнем врачебном осмотре, — во врачебной литературе, начиная с Гиппократов, часто встречается такая формула. В определенных случаях, хотя совсем и не обязательно, возможно противопоставление между видом человека, тем, как он выглядит, и его умом или душой, что он там думает и как он чувствует. Так, например, в “Одиссее” (XVII, 154) εἶδοι противопоставляется γῆλεϊ. У Геродота (III, 7) — “пестрые с виду змеи”, это Σφειε ποικίλοι τῆ εἶδη и т.д. В платоновском контексте слово εἶδοι употребляется многократно так же, как все греки его употребляли. “С виду” — это будет τΧ ερ' εἶδει и у Платона (Symr. 21cb). Но в целом ряде мест слово εἶδοι у Платона и у платоников употребляется так же, как и лексический двойник этого слова “„дѡа” (“идея”) — для обозначения платоновских “идей”, т.е. духовно и умственно воспринимаемых первообразов вещей, которые “мыслить возможно, а видеть — невозможно” (Polit. 507b). И когда мы в Евангелии от Луки, при описании Крещения Господня (3:22) (“В телесном виде, как голубь”, — стоит в Синодальном переводе), читаем: σωματικῶς εἶδει ἡμεῖς περιστερῆν (Духа Святого можно было увидеть “в телесном виде как голубя”), то, несмотря на необычность и духовную значительность самого предмета, семантика слова вполне обычна.

Обозначая зрительно ощущаемое, слово εἶδοι естественным образом переносится также и на само чувство зрения, на саму открытость, доступность для зрения, на само увиденное. “Видение” — переводит Синодальный перевод то, что мы читаем во Втором послании к коринфянам апостола Павла (5:7): Διῆ π...στωῶν γῆρ περιπατοῦμεν οὐκ διῆ εἶδοι (“Ходим верою, а не видением”). (“Ходим” — разумеется, очень специфическое употребление глагола, восходящее к тому самому еврейскому глаголу, от которого образовано помянутое владыкой галахическое обучение.) Наше человеческое существование на земле не может основываться на том, что мы чувственно видим и со всей доскональностью ощущаем как зрители. Оно может основать себя только на вере — вера не нужна была бы, если бы все предметы веры составляли бы для нас что-то до конца зримое, вообразимое и представимое. Существительное εἶδοι предполагает ряд дериватов, в частности глагол εἰδοῖω (“образотворю”) и от него существительные εἰδοῖωμα и εἰδοῖωσις — “образотворение”. Уже упомянутый выше дублет „дѡа употребляется у разных авторов так же, как εἶδοι. Надо сказать, что и у самого Платона мы встречаем выражение: “„δῶν καλοῖ”. Это не значит, что кто-то прекрасен, красив, по идее, но исключительно то, что он хорош видом, хорош с виду. Соответственно в Евангелии от Матфея мы читаем о воскресшем Христе, что его „дѡа была ἡμεῖς ἵστρηθη — вид, как молния. С другой стороны, Платон фиксирует за словами “эйдос” и “идея” то философское значение, которое всем более или менее известно и которое хорошо выражено, например, в цитированной выше платоновской фразе из “Государства” (507 b: “Идеи мыслить возможно, а видеть невозможно”).

Напротив, момент вердикта об адекватности образа самому незримому предмету, или же хотя бы о его, образа, легитимном участии в достоинстве предмета, есть в слове εἰδοῖω, недаром вошедшем в наш язык в сакральной функции: как “икона”. Εἰδοῖω — слово этимологически связанное со значением “соответствие”. Если бы было допустимо латинизмом переводить греческое слово, то дело касается некоей сущностной или хотя бы обрядовой, ритуальной и юридической адекватности предмету, некоторой легитимности. Внизу это легитимность, наверху — соответствие, доходящее едва ли не до тождества, если это образ истинный. Нижний уровень — ритуально-юридически установленная легитимность образа и его, образа, участие в достоинстве изображенного. Мы встречаем в языке римской империи, например у Либания, знаменитого ритора времен Юлиана Отступника: εἰδοῖωσις βασιλικῆ... — это “царственные εἰδοῖωσις”, т.е. изображения императоров. В присутственном месте (понятие, пришедшее в наш

чиновничий язык из очень далеких времен), где легитимно представляющий императора чиновник общается с подданными, в качестве выражения и одновременно некоего ритуального “осуществления” присутствия императора должно находиться изображение императора (в древнеримские времена это была чаще всего статуя) — для того, чтобы подданный, пришедший объясняться с чиновником, помнил, что настоящий партнер его диалога не чиновник, а сам император, и чтобы чиновник не забывал этого и не воображал себя носителем верховной власти в присутственном месте.

После всего монархического, антимонархического, республиканского, постреспубликанского, т.е. тоталитарного, а затем и посттоталитарного опыта никто из нас не способен на торжественность по отношению к таким атрибутам государственности. Но элементарный историзм обязывает нас почувствовать, что когда-то было не так, и принять это не как идеал, не как укоризну, но и не как предмет для шуток, а просто как реальность. Римское государство себя уважало (имея к тому, ввиду своего цивилизаторского дела, некоторые причины, — но это сейчас не наша тема). Просто все мы хорошо знаем (или должны знать), как естественно защитники иконопочитания в спорах с иконоборчеством апеллировали именно к практике императорских изображений. Когда иконоборец попрекал православных в том, что они поклоняются доскам, дереву и краскам, православный полемист всегда имел право и возможность, оставаясь понятным для каждого из самых простых его слушателей, возразить: когда вы выказываете принятое уважение императорскому портрету, все знают, что вы воздаете это уважение не камню и не картине, а императору.

В языческой литературе мы встречаем, например, такое выражение Платона в “Тимее” (92с): ε, κλπ τοα νοητοα ρεΧj α, sqhtTj, — “Бог чувственно воспринимаемый есть “эikon” Бога умопостигаемого” (прошу прощения за этот тяжеловесный и уже несколько старомодный, но не нашедший до сих пор хорошего перевода термин; по церковно-славянски и вовсе надо сказать “умнаго” или “мысленнаго”. Впрочем, “умный” — скорее ποεTj, а тут ποηTj — тот, кого можно мыслить, но нельзя чувственно воспринимать.) Очень интересна фраза, начинающая 10-ю главу “Послания к евреям”: Ski|n g|g њswп P nTmoj ton mellTntwn ѓγαρον, оЩк аЩtsn tsn ε, κTna ton pragm|twn... (Евр 10:1). Закон — на языке апостола Павла весь ветхозаветный сакральный порядок — имел только “тень — “будущих благ”, а не саму — икону вещей”, икону реальности, конечно. В Синодальном переводе: “Закон имеет тень будущих благ, а не самый образ вещей”. Это, пожалуй, не очень понятно. Во-первых, почему “тень”? У слова “тень” в сакральном языке есть достаточно серьезные и достаточно позитивные коннотации, не правда ли? “Тень будущих благ” — это не так плохо, и что это такое? Это образ, в некотором смысле, того, что будет. (Мы еще потом перейдем к имеющей сюда прямое отношение семантике t'broj.) Но апостол Павел как раз отрицает, что Закон, будучи легитимной, подлинной тенью будущих благ, был их ε, κип — т.е. аутентичным и в каком-то смысле онтологически чуть ли не сродным первообразу образом, особым образом. В Лютеровском переводе “образ вещей” смело, но в некотором смысле адекватно переведено “Das Wesen der Dinge” — суть вещей.

Очень интересно, как употребляет слово ε, κип апостол Павел. Все мы помним, что он говорит о самом Боге Слове, Сыне, Иисусе Христе, как “эikon’e” Отца. А в 2 Кор 3:18 мы читаем (сначала по Синодальному переводу): “Мы же все с открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу”. Я оставляю в стороне спорное понимание (выраженное отнюдь не только Синодальным переводом, мы то же самое находим в ряде старых переводов), когда причастие katoptrizTmenoι переводится “взирающие как в зеркале”. По-видимому, это все-таки значит — “отображающие”, как зеркало что-то отображает и отражает. Но, так или иначе, мы читаем по-гречески: Νεμεϋ δk pJntej — “мы же все” — ѓnakek|ummln| prosip| — “с непокрытыми лицами” (вы помните эту Павлову символику

завешенного и открытого лица?) — tsn dTxaн Kur...ou katoprizTmenoi — “взирая, как в зеркале, на славу Господню” (если принимать интерпретацию, выраженную в Синодальном переводе, или же “отображая, как зеркала, славу Господню”) — tsn aЩtsn e,,kTna — в этот “эйкон”, эту икону Отца, которая есть Сын, — metamorfoЪмега — “преображаемся” — ўрX dTхhj e,,j tsn dTxaн — “из славы в славу”. Это значит, что “эйкон” в контексте 2 Кор — это уже не образ в привычном для нас смысле, образ иерархически низший и онтологически отличный по отношению к тому, чего это образ, но это само онтологическое явление Отца через Сына. И мы преображаемся и преобразуемся в образ Христов, как подлинный и истинный Образ Отца, образ уже не предполагающий онтологической дистанции и онтологического зазора, в который вкрадывается “неподобие” (во всех смыслах этого слова). “Правило веры и образ кротости”, — поется в “Аполитикион” на празднике иерархов, святителей, для нас всех это привычно на празднике Николая Угодника. Eikwn thj praothtoj — образ кротости — это не изображение кротости, но сама кротость, которая стоит перед нами и является образом постольку, поскольку является образцом.

Наряду с этими в высшей степени позитивными контекстами слова e,,kip, мы встречаем в Откровении Иоанна Богослова в главах с 13-й по 15-ю резко негативное употребление именно этого слова. Но противоречия никакого тут нет. Образ зверя, для того чтобы быть действительно демоническим, представляет собой не просто чувственную или имажинативную картинку Зверя, но материализацию его злых энергий и вместилище его духа. И поэтому в Апокалипсисе каждый раз употребляется словосочетание e,,kln toa qhr...ou — второму Зверю (мы сейчас не занимаемся интерпретацией его места в Апокалипсисе) дано было, как сказано в Откр 13:15, вложить дух в образ Зверя. E,,kln toa qhr...ou непосредственно воспринимает рпeиma toa qhr...ou — дух Зверя. Иначе говоря, слово “эйкон” в своем позитивном смысле, в отношении к Богу, как и в других смыслах, близок к тем словам, которые употреблялись в Ветхом Завете и в еврейской традиции и которые наследуются или заново создаются христианской традицией, которые передают идею присутствия Вездесущего, идею по самой своей сути мистическую: Бог, Который вездесущ, но Который особенным образом присутствует в Святая Святых или в Святых Дарах — имманентный аспект трансцендентности Бога. Ну, вы знаете, в Ветхом Завете и в последующей иудейской традиции это передается словами “кавод” — слава, “шем” — имя, и др. А в православном богословии было создано и окончательно легитимировано святителем Григорием Паламой в XIV веке слово “энергии”. Энергии, которые наше мышление должно отличать от сущности, но таким образом, чтобы мы помнили, что различие самой сущности и ее энергий — это различие, обязывающее только наш рассудок, но в последнем смысле не соответствующее самой глубокой и самой последней истине.

Со словом e,,kip связаны его дериваты, например, глагол e,,kon...zw, известный нам всем по Херувимской песне: “Иже Херувимы тайно образующе” — oГ t! Seroubѐm mustikoj e,,kon...zontej. Верующий народ на молитве в церкви — это изображение, живая икона славословящих на небесах Херувимов. Поэтому верующие в момент перехода к евхаристической части Литургии и в продолжении ее и должны осознать себя мистическими иконами Херувимов. То, что из небесных сил упомянуты именно Херувимы, естественно отсылает нас к тайне Ветхого Завета, к Скинии, к Святая Святых, к Ковчегу и к таинственной локализации особого мистического Божьего Присутствия, Шехины, где-то между крыльями херувимов.

Я уже упоминал в связи с молитвой перед святым причащением слово trTpoj. TrTpoj этимологически — поворот, направление, путь, и в связи с этим — модальность, образ действий. T...ni trTрj — “каким образом?” Также это может относиться к человеку, но постольку, поскольку речь идет не о внешности человека и также не его характере, а только о модальности его поведения. Скажем, у Аристофана, в комедии “Плутос” (246) говорится: ™гл

δὲ τοῦτο τοιαύτου ἕνεκα... — “Я же, — сказали бы мы по-русски, — таков, как и всегда”, или: “Я веду себя, как мне свойственно”. Буквально: “Я же такого тропоса, каков я всегда”. В Септуагинте и затем в Деяниях апостолов, например в 1:11, употребляется формула κατὰ τὸν τρόπον; вы помните, злонамеренный человек доносителем упоминает об убиении египтянина, совершенного при защите угнетаемого Моисеем. “Как вчера убил египтянина”. “Как” — это вполне легитимный перевод в Синодальном тексте, хотя по-славянски мы читаем: “таким же образом”, — это буквальная передача греческого κατὰ τὸν τρόπον. Мы до сих пор, кажется, иногда говорим в бытовых ситуациях: “Да никоим образом” (да никак), — это снова передача греческой фразы. Скажем, в 2 Фес 2:3 говорится, что что-то невозможно ἴσως παντὶ τρόπῳ, и это передается по-славянски “никоим образом” (и “никак” в Синодальном переводе).

Может быть, стоило бы еще отметить интересный глагол в Деян 13 касательно того, что именно, какую именно милость Бог оказывал Израилю в пустыне. Так как там спорное чтение, то мы об этом про-странно говорить не будем. Лучшие рукописи дают τροφοφορεῖν, — это довольно интересный глагол, который означает “путеводство” или, может быть, “терпение к нраву” ведомых. Но Синодальный перевод основан на другом рукописном чтении и дает перевод “питало в пустыне”.

Очень важна для христианского обихода группа слов, связанных с корнем ΤΥΠ. Глагол τυπῶ (epistolsn sfrag...di) — “запечатываю (письмо печатью)”. Это глагол, связанный с другим глаголом: τύπτω — “ударяю”: тот, кто запечатывает письмо, должен с силой ударить или надавить печатью, чтобы отпечатать на некотором мягком веществе нужный рисунок. Значение, материальное значение отпечатка, оставшегося от жесткого ранящего предмета, мы встречаем, например, в Евангелии от Иоанна 20:25, когда апостол Фома выражает желание: βάλο τὸν δάκτυλόν σου ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ υἱοῦ τοῦ πατρὸς τοῦ θεοῦ, — “вложу перст в отпечаток (түпос) гвоздей”.

Наряду с этим уже языческие авторы, хотя не так часто, как христианские, употребляли этот глагол для обозначения воссоздания некоторого первообраза, генетического кода, как сказали бы в наше время. Детей называет так Артемидор, автор знаменитого сонника времен Римской империи, по отношению к родителям: дети — “отпечатки” какой-то формы, которая была в их родителях. Но в мистическом историзме христианства, предполагающем единство Божьего замысла и, одновременно, глубоко различные, даже контрастирующие, способы осуществления этого замысла в разные эпохи Ветхого Завета и в Новом Завете, слово τύπος оказывается особенно важным. Само по себе слово это в христианских текстах, как правило, указывает на мистическую связь первообраза и отображения этого первообраза. Мало того, идея Божьего замысла предполагает обратное во времени направление этого отпечатка. Слово “түпос” употребляется и для первообраза и для отображения. Ἄδამ, ὁ ὅστις εἶναι τὸ εἶδος τοῦ μέλλοντος (“Адам, который есть образ грядущего”) в Рим 5:14. Или в известном песнопении: Τρεῖς παῖδες ἐν τῷ φούρνῳ, τρεῖς ἄνθρωποι ἐν τῷ φούρνῳ (глас 2, песнь 6) — “Три отрока в печи, знаменую [отображая, прообразуя] Троицу”. Все формулы вроде “Тогда убо образуемое, ныне же действующее” и т.д. предполагают именно эту типологическую связь.

В соответствии с этим слово τύπος может означать и образ в смысле образца, это словоупотребление очень характерно для апостола Павла. Христианин должен быть для других христиан “түпос” — он должен τύπος δοῦναι, “дать образец” (2 Фес 3:9, ср. 1 Тим 2:14: τύπος καλὸν ἠγῶν, и т.д.). Возвращаемся, однако, к типологии в смысле богословском: к смысловой связи между центральным явлением Боговоплощения и его прообразованиями и отображениями. Я еще раз повторяю, что само по себе слово τύπος могло употребляться в обоих смыслах; но, конечно, это не было удобно. В соответствии с этим возникают многие термины, как то: πρωτότυπος “первообраз”, ὑπότυπος, ὑπόβρωμα или ὑπόβρωσις “отображение”; и с тем же значением ὑπότυπος — не только существительное, но и прилагательное. Скажем,

можно сказать: Ὅγ...α ὑπὸ...τύπῳ τῶν ἁγίων в Послании к евреям 9:24: “святые прообразования [“вместообразы”, как можно сказать по-славянски] истины”.

Есть еще слово ὑποτύπωσις, и оно, также как и слово τύπος, может употребляться в смысле “образец”. Но какой образец? Не просто образец, на который смотрят, но образец, который начертывается внутри человека, на скрижалях его сердца, его внутреннего существа. В 2 Тим апостол Павел увещевает Тимофея держаться ὑποτύπων — здравого учения — ἰσχυρῶν τῶν λόγων — буквально “здоровомысленных слов” или что-то в этом роде. Можно сказать, что что-то происходило, скажем, с ветхозаветным Израилем “типикос”. Ταῦτα δὲ τυπικῶς συνέβαινεν ἡμεῖς... ποῖ в 1 Кор 10:11. В Синодальном переводе: “Это происходило с ними как образы”. Но по-гречески это наречие.

Ближе к εἶδος, чем к εἰς, кип и к τύπος, слово μορφή. У него тот же самый корень, что и в латинском “forma” (вы знаете, метатеза согласных звуков — это довольно широко известное во всеобщем языкознании явление). Итак, “форма”, “обличие”. Μορφῆς φύσις у Эсхила — “природа облика”. Ἔστιν εἶδος καὶ μορφῆς, “виды и обличия героев”, — читаем мы у одного эллинистического поэта (Apoll.Rod. 4, 193). Как видите, здесь множественное число от “эйдос” употребляется как расширяющий синоним к слову “морфэ”. То же у Платона: ἀλλὰ τὰ αὐτοῦ εἶδος εἰς πολλὰς μορφάς, — “изменяя его образ в многообразные формы”. Т.е. “морфэ” близка к тому, чтобы выступить как синоним слова “эйдос”, но если между обоими словами улавливается какое-то различие, то различие это таково, что “эйдос”, будучи чувственно воспринимаемым видом, все-таки мыслится онтологичнее и реальнее, а “морфэ” — в большей степени видимость, почему и можно некий первоначальный “эйдос” изменять “во многие формы”. Это отнюдь не обязательно оборотничество в неизбежно одиозном смысле. “Морфэ” подлежит изменению, и для этого изменения могут быть причины мистические. Скажем, о явлениях Господа после Воскресения, в последней главе Евангелия от Марка, 12-й стих, говорится, что Он после предыдущего явления ἐφανέρωθη ἡμῖν ἐν ἄλλῳ μορφῇ, т.е. “Он явился в ином образе”. Изменение формы: μεταμορφοῦμαι — Преображение вочеловеченного Бога на горе Фавор, и преобразование преобразующих себя в Его образ, в Его εἰς, кип верующих, как в уже цитированном месте 2 Кор. Впрочем, если слово μορφή может так употребляться, в определенных контекстах, оно, как и соответствующее ему латинское “forma”, обнаруживает и онтологичность, не всегда на уровне εἰς, кип, хотя даже это возможно ἡμῖν μορφῇ Θεοῦ Ὡς τῶν ἁγίων “будучи Образом Божиим”, буквально “в образе Божиим”, — знаменитое место в Флп 2:6. Но вот Он принял μορφήν δούλου (“образ раба”); момент возможности мистического изменения формы за словом μορφή» остается. “Эйкон” ни в каких контекстах этого потенциального момента, кажется, не имеет. “Он уничижил Себя Самого”, ἐκένωσεν (вот кеносис Христа!), μορφήν δούλου λαβὼν, взявши “морфэ” раба. И дальше следуют два слова, которые обозначают внешний облик еще более резко. По крайней мере одно слово связано именно с внешним обликом: καὶ σὺς ὡς ἄνθρωπος — “По виду став, как человек”, — дает Синодальный перевод. Σουβίμα — это слово, во многих контекстах относящееся к одежде. Мы еще к нему перейдем.

Важное слово — χαρακτήρ. Это слово, этимология которого не так уж далека от глагола “τύπτω” и слова “τύπος”, но несколько иная. В обоих случаях мы исходим из метафоры некоторого ремесленного перенесения формы на материал, но если “τύπος” — образ печати, то “charaktēr” — чеканки. “Τῆς χαρακτῆρος τοῦ προσώπου”, читаем мы у античных авторов: “характер лица”, очертания, “чеканка” лица. Встречаем мы и привычный для нас смысл “характер”. У одного раннеэллинистического автора (Феофраста, ученика Аристотеля) есть знаменитое сочинение, которое называется: Ἠθικὰ χαρακτῆρων, “Нравственные характеры”. Важное употребление слова “charaktēr” в Новом Завете мы встречаем в самом начале Послания к евреям (1:3): ὄρα τὸ γῆμα τῆς δόξης καὶ χαρακτῆρος τῆς ἰστορίας αὐτοῦ — “Сияние славы и образ ипостаси Его”,

по Синодальному переводу.

Материал очень обилен. Я уж опускаю сравнительно менее важный для христианских контекстов этимологический клубок слов вокруг *paradeigma* (наша “парадигма”). Для Нового Завета, может быть, важнее ряд слов, связанных с глаголом *ῥμοῖτω* “уподобляю, делаю подобным”, соответственно *ῥμοῖται* “уподобляюсь”; отсюда *ῥμο...ωτα* или *ῥμο...ωσι* — “подобие”, как в словах о том, что человек сотворен Богом “по образу и подобию”, *κατ'εἰκόνα καὶ κατ'ῥμο...ωσιν* (кстати говоря, из этих двух симметрически соотнесенных слов первое — такое важное слово, как “эйкон”).

А что касается слова “*σβμα*”, то это слово этимологически связано с глаголом “иметь” в духе идиоматики, нередкой в европейских языках. У Еврипида безумная детоубийственная мать Медея с плачем говорит: “*σβμα καὶ ῥτσωρον εἴθεν κῆ τλκνwn*” — “О, благородные обличья и благородные лица детей!” (Med. 1072). Слово это в разных контекстах обозначает также геометрическую фигуру, астрологический “аспект” (я недостаточно сведущ в астрологии, только знаю, что в астрологии это значит что-то совсем особенное), затем конфигурацию птиц, которых наблюдает авгур, гадающий по птицам, затем грамматическую форму, музыкальную фигуру, позу в танце, фазу луны и т.д. — довольно конкретные, жесткие и как бы однозначно характеризующие состояния вещей.

Словом “*σβμα*” в Послании к филиппийцам, уже мною цитированном, обозначается снисхождение Божьего Слова, по облику такого же, как все люди, и ничем ни от кого ни отличающегося. И это же слово естественно употребляется для характеристики состояния всех вещей в некотором эоне: “*παρῆγει γὰρ τῆ σβμα τοῦ κτσμου τοῦτου*” (1 Кор 7:31), — “преходит образ века сего”, “*praeterit figura huius mundi*” — по-латыни. Определенное, фиксированное состояние вещей в этом эоне должно прийти вместе с самим эоном.

И есть еще несколько слов, также переводимых по-славянски и по-русски в тех или иных контекстах как “образ”, но от разговора о них мы сейчас воздержимся. Я надеюсь, что хотя бы в малой степени передал вам ощущение чрезвычайного изобилия и богатства нюансов, которое присуще греческому языку. Славянский перевод был для наших предков великим благодеянием, но нельзя не видеть, в каком состоянии были тогда молодые славянские языки. И всегда по-гречески обнаруживаются такие хитрости, которые можно уловить, только разбирая греческие литеры.

Я благодарю за честь и за радость быть в этот день с вами.

Спасибо.

: Предисловие к публикации статьи Жана Ванье «Духовность общины»

Община и соборность

Отрывки из программной книги известного французского католического деятеля Жана Ванье о «духовности общины» не оставят равнодушным православного читателя, обрадуют и согреют его, ибо в ней есть свет и живая сила Христовой Любви, на чем только и может созидаться всякая подлинная христианская община. Как это близко к опыту созидания малых общин Сретенско-Преображенского братства! И никаких конфессиональных противоречий! Не только внутренних, но даже и внешних, по форме и по стилю. Воистину Любовь созидает и объединяет.

Как важно сейчас убедиться в том, что Она — общехристианское, а в известной мере и общечеловеческое достояние. И свежие слова об общине и общинной жизни, о том, как ее укреплять и совершенствовать, как в ней возрастать, ныне весьма и весьма кстати. Здесь проглядывается целая общинная экклезиология, в которой в новом свете предстают пред нами известные слова Нового завета, которые многие слышали или читали, но не многие знают. Во всех христианских конфессиях найдутся и сейчас Христовы люди, говорящие на святом языке Христовой Любви и поэтому понимающие друг друга, независимо от акцента каждого, но также во всех конфессиях найдутся люди, не знакомые с этим языком и пытающиеся ему противопоставить что-то свое, и чем более свое, тем менее — Христово и церковное, соборное, единое и апостольское.

Пусть же каждый христианин проверит себя, свою духовную жизнь лакмусовой бумажкой «духовности общины» и при необходимости сделает соответствующие выводы, в первую очередь, для себя. Без этого он рискует стать пред Богом «солью обуюнной», т.е. потерявшей силу веры и свет в христианском церковном ковчеге. Пусть все, стремящиеся к общинной жизни и уже знающие ее вкус, как и все, кто думает о ее перспективах, прочитав этот малый текст, задумаются над ним и результатами своих размышлений поделятся со своими самыми близкими и любимыми, даже если их дух и плоть сильно надломлены и страдают...

Г. К.

Жан Ванье: Духовность общины

Община и соборность

У слова «духовность» в наши дни много смыслов. Когда мы говорим, что этот человек «духовный», мы подразумеваем, что он несколько «подвешен в воздухе», не слишком деловитый или компетентный, тихий, молящийся, внутренний. Духовный человек отличается от погруженного в телесное, от того, кто любит спорт, вкусную еду, игры и вечеринки. Такой дуалистический взгляд на духовность, может быть, необходим тем, кто слишком погружен в нужды своего тела, но это лишь начало. Не опасно ли уподоблять духовность мечтам или даже страхам перед телом или перед реальностью? Духовность ученика Иисуса — духовность Воплощения, Слова, ставшего плотью. Иисус пришел, чтобы научить нас любить. Начало и конец вести Иисуса — это любовь. Иисус пришел открыть наши сердца, чтобы мы могли стать источником любви для других людей. Он пришел научить нас принимать жизнь, передавать жизнь и отдавать наши жизни. Любовь — это очень конкретно. Это — быть в контакте с людьми, их нуждами, их просьбами и их ранами.

Христианская духовность не прячется в мире идей, теорий, мечтаний и иллюзий; это не спасение от реальности, от страха перед людьми и страданием. Христианская духовность — это конкретная реальность. Это — сила или дух, помогающие нам сделать некоторые шаги, которые преображают нас в любви Иисуса, делают нас похожими на Христа, ведут ближе к Отцу и к людям. Вот некоторые из переходов, которые призваны совершить ученики Иисуса:

- от мира мечтаний, иллюзий, предрассудков и страха — к правде, реальности, мудрости;
- от закрытости в себе, эгоцентризма, самодостаточности — к открытости, ранимости, заботе, к сердечному принятию других, непохожих на нас;
- от избегания страдания и бедности — к принятию людей страдающих и бедных.

Эти переходы, или рост в сторону настоящей любви предполагают встречу со Словом, ставшим плотью, — Иисусом. Отношения любви, сопричастность с Иисусом, доверие к Нему открывают наши сердца и ставят нас на путь роста в цельности и зрелости любви. Это Иисус открывает дверь наших сердец и дает Своего Духа. Духовность Евангелия не дуалистична, это не бегство от телесности, это — воплощение. Это — Дух Иисуса, Который проникает во все уголки нашего существа, очищает, просвещает нас и соединяет с Отцом. Поэтому духовность не отделяет нас от наших тел, но дает нам новое и более глубокое осознание того, что наши тела — храм Духа, что они святы и священны. Они — драгоценные орудия любви Бога.

Духовность — от слова «дух», что во многих языках значит — ветер, дыхание, веяние. Это движение. Духовность — движение к зрелости любви. Это борьба, поскольку движение от сосредоточенности на себе к сосредоточенности на Христе и на другом человеке предполагает конфликт, смерть себя, потерю и скорбь. Нелегко умереть для эгоизма и восстать в любви. В этой борьбе нам нужно искать силы и поддержку.

Для того, чтобы община росла и развивалась, в ней должны быть общие дух и видение. Именно эти общие дух и видение создают единство, динамизм и надежду в общине. Без этого нет общины, нет настоящей связи людей в «одно тело», нет настоящей принадлежности друг другу, есть лишь собрание личностей, которые в большей или меньшей мере соперничают друг с другом или прячутся друг от друга. Эти общие дух и видение определяют духовность общины. Здесь слово «духовность» также употребляется для обозначения внутренней силы, которая побуждает каждого человека жить и расти в общине в том качестве, в каком он был призван. Духовность — это не только дух и видение, приносящие единство в общину, она включает в себя необходимую пищу и формирование, которые нужны людям для жизни и роста в общине. Без этой духовности община не может развиваться и расти.

Это движение, или переход от эгоизма к любви — путь любого последователя Иисуса. Мы призваны к этому преобразованию в Нем: мы все призваны стать, как Иисус, любящими Отца и людей, особенно бедных, слабых, одиноких. И для этого нам надо питаться словом Божиим, просвещающим наши ум и сердце, и таинствами. Хлеб слова и Хлеб Тела Христова ведут нас к постоянному общению с Иисусом, т.е. к молитве, и через Него — с Отцом: «Без Меня не можете делать ничего», но с Иисусом все возможно. Преобразиться в Иисуса — это любить других и отдавать себя им. Это значит — приносить много плода.

Центр нашей духовности — встреча с Иисусом, сокрытым в сердцах слабых, бедных, одиноких и страдающих. Духовность всегда связана с любовью — это рост в любви. И этот рост происходит через взаимоотношения с бедным, который особо избран и любим Богом. Ибо «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, слабое — чтобы посрамить сильных, незначашее, наиболее презренное избрал Бог» (1 Кор 1:27-28). В этом — тайна наших общин, и это подчеркивает противоречия нашей жизни. Тех, кого общество считает не имеющими никакой ценности, бесполезными людьми, на которых нужно тратить слишком много средств, мы считаем драгоценными и важными для Бога и общества. Мы открываем, что у этих людей есть дар любви и простоты, который они могут дать миру и церкви. Они особым образом открыты к любви Иисуса. Они не требуют могущества, власти, богатства или значимости, они призывают к нежности, пониманию и дружбе. Этот парадокс <находится> в сердце Евангелия: «Безумное мира избрал Бог, чтобы посрамить мудрых, немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира избрал Бог, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом». И в Послании к коринфянам ап. Павел пишет о различных частях тела, которое есть Церковь: «Члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся наименее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более

благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог так соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, чтобы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге» (1 Кор 12:22-25).

Духовность общины ясно выражена в словах Иисуса: «Когда ты устраиваешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни соседей богатых; как бы и они тебя в ответ не позвали и не получил бы ты воздаяния. Но когда делаешь угощение, зови нищих, увечных, хромых, слепых; и блажен будешь, что они не могут воздать тебе; ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк 14:12-14).

Любовь не в том, чтобы просто делать что-то для людей, это не просто благородная отдача своего времени и талантов, но это значит быть в общении со слабым человеком, это дружба, это все моменты любви и близости. Это моменты любви — принятие и отдача, это связь, но это, по вере, — и опыт Святой Троицы, ибо через такую приобщенность мы входим в общение с Иисусом и Отцом. Так бедный человек становится таинством, ибо он или она — это присутствие Иисуса, открывающего наши сердца, зовущего нас к обращению и вводящего нас в сердце Троицы. Но такие принятие и любовь к другому иногда ужасно болезненны. Бедный может быть полон тревоги, злости и депрессии. Бедный зовет нас измениться и любить, а мы этого не всегда хотим. Часто бедный — это умственно отсталый человек, но, может быть, и кто-то из родителей или друзей. Любой из нас в какой-то момент беден, слаб и терпит боль.

Духовность общин — это главным образом сострадание. Это призыв не идти вверх по лестнице успеха, а спуститься вниз и быть близко к тем, кто занимает последнее место. Это полная противоположность тому, чтобы стремиться к власти. Это служить и открывать блаженство умыть ноги людям. Конечно, в общинах нужны опытные лидеры, люди, которые ведут встречи, но это всегда служит состраданию и тому, чтобы помогать людям, особенно самым бедным, чувствовать себя хорошо, обретать мир, расти, открывать для себя и переживать Благоую весть Иисуса. Поэтому наши общины всегда будут страдающими, но через эти страдания мы открываем радость Воскресения.

Община — это не движение, направленное на какую-нибудь деятельность, на организацию школ, мастерских или катехизацию. Это место, где люди соединены вместе в любви и призваны заботиться друг о друге, молиться друг о друге, вместе быть знаком Воскресения: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Жизнь в общине требует от человека многого и потому иногда приносит боль. Нелегко любить людей, слушать их и быть чутким к каждому, помогать каждому употреблять свой дар и искать свое место. Община — постоянный процесс смерти и воскресения. Но также и место праздника, знак Царства: это — быть одним телом, возрожденным в Духе, где мы можем жить в вере; переживание любви, соединяющей Отца с Сыном в Святом Духе. И в теле ее каждый — будь то родитель, умственно отсталый человек или друг — драгоценен и важен.

Чтобы понять общину и ее духовность, нам нужно открыть, что Иисус принес в этот мир совершенно другую, новую систему ценностей, нечто абсолютно новое, новый взгляд на мир, новое для мира видение того, что значит быть человеком. Видение Иисуса, провозглашенное в заповедях блаженства и Евангелии, переворачивает иерархию ценностей мира:

«Блаженны нищие, горе богатым;

блаженны голодные, горе сытым;

блаженны плачущие, горе смеющимся;

блаженны ненавидимые, горе уважаемым;

блаженны презираемые, горе восхваляемым» (см. Лк 6:21-27).

Видение мира — это поиск могущества, величия, известности, повышения в должности, это стремление к значительности, к победе в общественном соревновании. Вот почему в мире так много споров, соревнований и войн, так много страха, зависти, отвержения, агрессии и подавления; все, каждая группа, хотят быть первыми, лучшими, самыми почетными. Иисус, напротив, призывает Своих учеников спуститься вниз по лестнице успеха, занять последнее место: «Когда тебя позовут, пойди и сядь на последнее место <...> всякий возносящий себя смирен будет, и смиряющий себя вознесен будет» (Лк 14:10-11). Ученикам нужно было время, чтобы поверить и принять тайну малости и смирения — особую любовь Иисуса к бедным и слабым. Как и мы, они часто стремились к тому, чтобы быть значимыми, важными. Иисусу надо было учить их пути умаления, как пути любви: «И возникла у них мысль, кто из них больше. Иисус же, зная мысль сердца их, взял дитя, поставил его около Себя и сказал им: кто примет это дитя во имя Мое, Меня принимает, и кто Меня примет, принимает Пославшего Меня. Ибо кто меньше между всеми вами, — тот и велик» (Лк 9:46-48). И снова, на Тайной вечере: «Возник и спор между ними, кто из них должен считаться большим. Он же сказал им: цари народов господствуют над ними, и имеющие власть называются «Благодетелями». А вы не так: но больший между вами да будет как младший, и начальствующий — как служащий. Ибо кто больше, возлежащий или служащий? Не возлежащий ли? А Я посреди вас — как служащий» (Лк 22:24-27).

В Послании к филиппийцам Павел говорит о пути смирения Иисуса и призывает Его учеников следовать за Ним этим путем: «Имейте между собой те же мысли, что и во Христе Иисусе, Который, будучи в образе Божиим, не счел для Себя хищением быть равным Богу, но умалил Себя, приняв образ раба, быв в подобии человеческом и по виду став как человек, Он смирил Себя, быв послушным до смерти, и смерти крестной. Поэтому и Бог превознес Его» (Флп 2:5-9).

Да, Иисус принял этот путь вниз, умывая ноги Своим ученикам, став их слугой, и Он призывает нас жить этим блаженством — умывать ноги друг другу, становиться слугами друг для друга. Как трудно занимать последнее место и быть смиренным! Как тяжело быть униженным! Как сложно принять, что становишься меньше, ближе к самым малым и слабым. Как много раз я лично искал удовлетворения в гордости и превозношении, в утверждении своего, хотел быть сильным и боялся оказаться неправым, побежденным. Во мне есть часть, которая любит быть сильной, любит побеждать и получать вознаграждения. Во мне происходит борьба. И я думаю — в каждом из нас. Веруя, мы готовы следовать за Иисусом, идти путем смирения, но наши психологические инстинкты и нужды требуют доказательств нашей ценности, побед и признания.

Этот нисходящий путь умаления, отвержения и боли часто вызывает в нас депрессию, злобу, бунт, особенно когда идти им нас вынуждают обстоятельства и окружающие нас люди. Это полная перемена нашей жизни — искать не пути вверх, а скорее, вниз; это полная перемена нас самих, предполагающая изменение сердца, преображение, обращение, то, что в Евангелии называется «метанойя»; эта перемена предполагает перерождение. Эта метанойя требует времени для того, чтобы Дух не только проник в глубинную часть нашего бытия, но и охватил все наше бытие, нашу память, наш ум, наше воображение, нашу плоть, преобразил нашу психику в любовь. Может быть, до конца этого никогда не произойдет. Наши раны остаются, и они сохраняют нас слабыми и смиренными. Царство Небесное — как горчичное зерно, это самое малое из зерен, но когда оно вырастает, то становится большим деревом, на котором птицы небесные вьют гнезда. Этому зерну нужно питаться словом, таинствами, любовью, присутствием бедного, молитвой, поиском воли Отца. В другой притче Иисус говорит, что

соблазн богатства, суета, преследования и трудности могут заглушить это зерно. Мы знаем, что это зерно может быть разрушено болезненными событиями в общине: отвержением, непониманием, стремлением к успеху, кризисами.

Однако путь самоумаления не означает, что мы отказываемся развивать свои дары, — наоборот, мы хотим использовать их, чтобы служить бедным и слабым, быть присутствием Бога среди них. И тогда — это путь, на котором, как мы верим и интуитивно чувствуем, мы обретаем сокровище — место, где мы встречаемся с Богом и остальными. Этот дар или призвание Иисус дает как способным и сильным, так и бедным и слабым. Это Его Благая весть. Мы не пленники ни в мире неравенства, несправедливости, подавления, ненависти и войны, ни в мире депрессии. Можно вырваться из клетки страха, насилия, ненависти и разрушенных взаимоотношений, столь явных в нашем мире. Любовь возможна, община возможна. Можно встретиться с другим, не похожим на тебя человеком, и жить с ним в одной общине. И тогда этот путь умаления не является мазохизмом, потребностью в самонаказании, самообесценивании... Он не мотивирован страхом или робостью. Это не просто контр-культура, бунт против общества. Бог призвал нас к этому. Мы призваны Им для встречи с любовью, для встречи с Ним сердцем к сердцу, с Ним и другими. Это не бегство от мира, а новый путь жизни в нем. В общине мы — сердцем к сердцу, мы интересны друг другу. Мы любим друг друга любовью, которая и отдает и берет. Мы получаем и отдаем; в каком-то смысле, мы — на равных. Мы становимся уязвимыми друг для друга. Мы ломаем наши барьеры, открываем наши сердца, мы служим друг другу. Мы действительно хотим понять друг друга. Наше общение основано на терпении, доброжелательности и взаимной терпимости. Это — сострадание; не осуждение, не оценивание, а прощение. В общине мы зовем друг друга идти вперед. Мы можем общаться с помощью слов, часто через игру, но есть и общение молчанием и нежностью. В общине мы открываем новое значение любви. Это не просто делать что-то для другого, это — открывать ему его ценность и красоту, его важность, драгоценность и уникальность. Любовь — это отдавать другим часть своего сердца, это потребность в дарах другого, радостное принятие этого человека и благодарность ему. Когда мы общаемся на языке сердца, это не подавляет, а делает нас более свободными. Это помогает другому человеку обретать внутреннюю свободу, принимать себя, доверять себе, чтобы быть ближе к Богу и проявлять свои дары. Благодаря этому общению мы даем возможность другому человеку взрослеть и становиться ответственным. Кроме того, это общение не исключает прямоты и точности, а также установления четких границ неприемлемого или разрушительного поведения, что совершенно необходимо для того, чтобы помогать людям расти и становиться свободными.

В сущности, все мы можем общаться таким образом, но мы боимся этого из-за нашего эгоизма, потребности доказывать свою правоту, подавлять других, обладать вещами и людьми, искать удовольствий и развлечений всех сортов. Мы боимся зависимости, мы хотим быть сильными и независимыми. Мы боимся быть связанными со слабым, дружить с ним, боимся взаимной зависимости — лучше мы будем «свободными». Мы боимся верности и связи. Нам страшно позволить людям стать ближе к нам. Мы боимся боли и страданий, которые приносит любовь. Мы боимся своей сексуальности, которая может проявиться при близости. Мы боимся боли, которую может причинить близость. Я не верю, что мы сможем по-настоящему глубоко быть связанными такими отношениями до тех пор, пока мы не освободимся от наших страхов, недоверия к себе и чувства вины через подлинную встречу с Богом, призывающим нас жить Заветом Любви вместе с Ним, сердцем к сердцу, так, как это дается нам Духом Святым.

«Как Отец любит Меня, так Я люблю вас. Заповедь Моя: да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (см. Ин 15:9,12).

Жить духовностью Ковчега означает спуститься по лестнице человеческого благополучия,

чтобы быть вместе со слабыми и бедными, чтобы строить с ними семью и общину, чтобы служить им. Это значит не только делать что-нибудь для них, но дружить, просто жить вместе с ними. Это общение может в каком-то смысле показаться неважным, бесполезным, пустой тратой времени. В нем нет ничего большого, кажущегося важным, при таком общении не возникает чувства, что делаешь что-то великое. Оно кажется непродуктивным. Не легко видеть ценность в том, что мало, до тех пор, пока у нас нет опыта мира и любви, общения, которое есть опыт Бога.

«Послушайте, братья мои возлюбленные; не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царства, которое Он обещал любящим Его?» — пишет Иаков в своем послании.

Когда Иисус сказал: «Я был наг, и вы одели Меня, странником был, и вы приняли Меня», и «что вы сделали одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне», — Он открыл тайну, которую нам трудно понять. Как может Иисус быть в этой бедности, малости и страдании? Легко понять, что Слово Божие сокрыто в красоте мироздания, в мудрых словах истины и света, в величии Литургии. Но кто может поверить, что Он — в этом бездомном человеке или в этом сломленном слепом ребенке?

Как Иисус присутствует в хлебе, который становится Его Телом, которое Он дает нам, так же Он присутствует в сломленном человеке, который призывает нас к состраданию и общению. Здесь мы подходим к сердцу Воплощения: Слово стало плотью, присутствуя в раненой плоти людей. Прикоснуться к Иисусу — значит прикоснуться к Отцу, а прикоснуться к страдающему человеку — значит прикоснуться к Иисусу. Войти в завет и общение со страждущими людьми, — значит войти в общение с Иисусом. И тогда мы сможем открыть, что их раны исцеляют нас. Для этого нам нужно быть сосредоточенными, нам нужно осознать Его присутствие даже в своей собственной бедности и слабости. Чтобы сострадать другим, нам нужны сострадание и любовь к самим себе. Чтобы увидеть Иисуса в слабом, нам нужны новое сердце, новые глаза, новая любовь, которые приходят от Духа, Его Духа.

Взаимоотношения с людьми, которые страдают и испытывают сильную боль, открывают нам нашу собственную сломленность, наш мрак, нашу бедность. Они снимают нас с пьедестала могущества и великодушия, того, что называется «добродетельностью», и открывают нам правду о нас. Они разрушают наше спокойствие. Мы открываем внутри себя силы нетерпения, злобы и неприятия. Для нас существует опасность, что мы будем скрывать от себя и других нашу бедность и наш мрак, желая показывать только свои хорошие и успешные стороны. Мы создаем образ добродетельности и компетентности и стараемся сохранить его. Мы боимся правды о себе. Но только правда освобождает нас! Чтобы быть с людьми и Богом, нам необходимо оставить наши иллюзии, все то, что мы скрываем, и предложить себя такими, как мы есть, не претендуя быть лучше, не создавая позитивный образ. Смирение и правда — краеугольные камни настоящих взаимоотношений. И когда мы спускаемся в глубины нашего мрака, мы открываем, что Бог присутствует там. Он сокрыт не только в бедных людях, просящих нас о помощи, но и в таком же бедном человеке внутри нас.

Иисус пришел на землю, чтобы призвать нас к такому общению тихого восхищения и нежной радости, в каком Он живет с Отцом. Мы не просто работники или слуги для Бога, или соработники с Ним, мы Его друзья и возлюбленные дети. Мы призваны войти в отношения любви Троицы, взаимной отдачи и принятия.

«Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин 17:21-23).

Изменение сердца требует времени: мы растем в любви очень медленно. Чтобы жить духовностью умаления, нам нужна община. Мы не способны жить так одни. Нам нужна такая «среда», которая укрепляла бы и поддерживала наш выбор, наше желание следовать за Иисусом и встречать Его в бедных и слабых. Духовность Ковчега включает в себя духовность общины, в центре которой — бедный и слабый. Община — это почва, «среда», в которой каждый может духовно расти и становиться более человечным. Она поддерживает людей и помогает им в их росте и основном выборе. Община — это место, где мы поддерживаем друг друга, делимся друг с другом, сопереживаем; место праздника, боли и роста, место принадлежности друг другу, место, где мы постепенно открываем, что не страшно стать уязвимым, что мы можем снять предохранительные барьеры вокруг наших сердец; место, где мы все время живем таинством Смерти и Воскресения; где мы можем быть самими собой. Я думаю, что община — это ответ на войны, насилие и нездоровое соревнование. Это ответ страху, который подавляет людей и заставляет их искать спасение в независимости, в постройке стен вокруг своих сердец. Община — это место, где мы можем начать любить своих врагов, как призывает Иисус. Это место, где может укорениться Благая весть.

Слова св. Павла к возлюбленной общине филиппийцев ясно показывают, что нужно для общины и для личного роста в общине: «Дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны; ничего не делайте по любопытству или по тщеславию, но по смирению почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп 2:2-4).

И в Послании к колоссянам: «Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, терпя друг друга и прощая взаимно, если кто на кого имеет обиду, как Господь простил вам, так и вы» (Кол 3:12-13).

Община — это для каждого смерть своих собственных интересов, но воскресение в принадлежности друг другу и в общей любви. В общине мы открываем свою собственную сломленность и мрак, свои комплексы, гнев, депрессию, чувство вины, но так же принимаем это, зная, что выздоровление требует времени и что Бог присутствует в нашей нищете. Жизнь в общине означает мудрость, глубокие размышления, путь пронизательности и совместной работы, новый способ осуществления руководства в служении. Жизнь в общине подразумевает подчинение и покорность, но также и диалог с авторитетом и противостояние ему, в случае необходимости. Это означает разделять недостатки и сломленность наших общин. Но также жизнь в общине означает давать друг другу необходимое пространство для личного роста, отдыха, молитвы, давать возможность другому становиться и быть самим собой.

Как необходимо для жизни общины, чтобы у нее было святое место, место тишины, часовня, где члены Ковчега могли бы слушать Иисуса, с нежностью переживать присутствие Бога.

Без сомнения, в общине существует опасность переутомления и перегрузок, могут возникнуть ситуации, где слишком много стресса и постоянный кризис. Без хорошей поддержки кого-то мудрого, с кем можно поговорить, люди могут чувствовать обязанность быть тем, кем они не являются, или нести ношу, которую они нести не в состоянии. Они могут подталкивать себя идеалом и игнорировать свои основные нужды — ситуация, которая может привести к «выжженности», опустошению. Им нужна забота и поддержка для того, чтобы делать свободный выбор, быть готовым принять потери, найти правильное формирование себя, правильные формы отдыха и релаксации, духовного и интеллектуального питания. Нам нужно, чтобы кто-нибудь вел нас по этому пути вниз, помогал нам совершать переход от видения мирского к евангельскому видению, нам нужен хороший проводник, помощник, мудрый советчик, кто-то, кто помогал бы нам читать нашу священную историю и открывать присутствие Бога в нашей жизни, Его следы. Нам нужен священник или духовный наставник,

который помогал бы нам слышать, как Иисус зовет нас, понять, куда Он ведет нас, который помогал бы нам понимать Его язык и Его волю о нас. Нам нужно, чтобы такие люди, посланные своими духовными наставниками, шли вместе с нами. Без их любви и мудрости, без их способности беречь и питать эту духовность наши общины рискуют духовно умереть. Я хотел бы обратить особое внимание на то, что всем нашим общинам необходимо найти такого мудрого советчика.

Чтобы община действительно была «одним целым», необходимо принимать различия, признавать разные дары и нужды. Различия больше не могут угрожать нам, они — сокровище. Люди, которые призваны создавать свою собственную семью в общине, должны открыть место семей в общине, их особую духовность и способ жизни. Те, кто призваны Иисусом жить даром безбрачия во имя Царства, также должны найти соответствующую поддержку и духовность. Каждому члену общины нужно помогать расти соответственно с его особым призванием и служением, соответственно с дарами, данными ему и призванными служить всей общине.

Однако мы не должны недооценивать, как трудно принимать и любить людей, непохожих на нас. Неудивительно, что нужна помощь и сила Духа, чтобы преодолеть страх и войти во взаимоотношения общения и взаимности. Нам всем нужна помощь, чтобы с радостью принимать наши различия с другими людьми. Мы все призваны к духовности гостеприимства и любви, которая признает нашу общность со всеми людьми. Иисус — старший брат каждого человека в мире. Он любит каждого и призывает возрастать в любви и сказать «да» Богу и Его видению любви. Призыв Иисуса требует ответа «да», повторения «да» день за днем, через все беды и радости. Для этого нам нужно выбирать правильную духовную и интеллектуальную пищу, и этот выбор означает потери и горечь, принятие слов Иисуса об отсечении ветвей, не приносящих плода, и необходимость умереть, чтобы воскреснуть в любви. Если мы выбираем евангельский путь малости и смирения, значит мы отказываемся от пути могущества и успеха. Это не просто. Это включает ежедневную борьбу с соблазнами, которые пытаются увести нас прочь от любви. Но как тяжело спускаться вниз! Как трудно осуществлять полномочия начальника дома, лидера общины, основателя или координатора и быть близким к самым малым и слабым!

Благодаря этому мы все призваны жить духовностью единства, прощения, примирения, мы призваны к зрелости миротворчества и разрешения конфликтов. Сам факт жизни в общине с людьми, непохожими на нас, дает нам возможность возрастать в этом.

Слово стало плотью, чтобы утвердить красоту нашей человеческой природы, даже если она ранена. Наши общины призваны быть глубоко человеческими, где каждый мог бы осуществиться и идти в сторону полноты и внутреннего единства между духом и плотью, головой и сердцем, которое мы утверждаем и которым мы живем, и где сексуальность может быть интегрирована в общинные отношения, и где радость исходит от реальности отношений и «связанности». Еще наши общины призваны стать местами празднования¹. Праздник происходит от единства, которое уже есть у ищущих его и стремящихся к нему. Это — благодарственное восклицание, возносящееся от единства. Наш Бог — Бог единства, Он стремится к единству Своих детей. Разделение, отвержение, подавление в любом виде ранят сердце Бога. В общине мы призваны праздновать нашу общую человечность, праздновать слабых и бедных, которые призывают нас к единству и которые — его источник. Духовность общины — это духовность прощения и праздника. Конечно, очень важна для общины Евхаристия. Это — таинство единства, празднование единства. Слабые и бедные ведут нас к Евхаристии, их сломленные тела ведут нас к сломленному и воскресшему Телу Христа, а Евхаристия ведет нас к сломленным телам слабых и бедных. Однако для всех наших общин важно также вместе праздновать нашу общую любовь к Иисусу и Его Слову, праздновать наше единство и общую человечность, с особым

вниманием праздновать именины и дни рождения, используя все лучшее, что дал нам Бог, чтобы выразить нашу радость и благодарность.

Эти праздники — провозглашение любви Бога и любви друг ко другу. Они — неотъемлемая часть общинной жизни, существенное питание для сердца и духа; они рождаются принадлежностью друг другу и создают ее. В этом смысле все наши общины призваны быть евхаристическими, основанными на присутствии Иисуса, более или менее сокрытом.

Иисус сказал, что мир узнает о том, что Отец послал Его, по любви, которую будут иметь Его ученики между собой. Но как может поверить мир, если это единство разрушено? Иисус призывает человечество к новому видению любви. Он доверил это видение Церкви, но церковь разделена и расколота. Люди не могут понять эти разделения, которые причиняют ужасную боль. И наибольшая боль — вокруг таинства единства, Евхаристии. Жить духовностью общины означает, что мы, следуя призыву Иисуса, осмеливаемся входить в эту боль, чтобы воскреснуть в надежде и единстве.

Вот почему единство, поиск единства — так важны. Без этого мир не может поверить. Видение Иисуса, Благая весть для бедных, Благая весть бедных не могут быть открыты, в них нельзя поверить, пока нет единства. И единство уже есть, когда мы вместе ищем его. Тогда это не структурное единство, но единство в намерении, единство желаний и общения, где мы любим и ценим друг друга и где мы стремимся быть такими, какими хотел бы нас видеть Иисус.

Наши общины — также лечащие общины. Многие люди приходят к нам сломленными, в отчаянии и бунте, закрытые в себе из-за боли. Наша цель — помочь им на пути выздоровления и освобождения. Для этого любовь и атмосфера любви — самое важное. Наши тела, наша жизнь, со всеми нашими психологическими механизмами — удивительно устроены. Они составляют «почву», в которую посеяны милость и присутствие Бога. Мы должны заботиться об этой почве, быть внимательными к ней. Если она возделана, то зерна милости и любви будут расти лучше. Если мы отрицаем законы этой почвы и считаем все трудности только «духовными», мы рискуем жить в воображаемом мире: религия, вместо того, чтобы помочь нам увидеть нашу реальность и преобразить ее в любовь, может стать наркотиком, который помогает нам избежать боли, причиняемой реальностью. Иисус пришел научить нас любить людей такими, какие они есть, и таким образом быть укорененными в реальности. Одна из вещей, которая, как я считаю, очень важна в лечащей общине, — это то, что я называю тройкой авторитетов: лидер общины, священник (духовный наставник) и врач или психиатр. Если все они по-настоящему в контакте друг с другом и каждый из них компетентен в своей практической области, то такая община будет помогать людям расти и становиться свободными. Я всегда чувствую опасность, когда лидер общины хочет быть терапевтом или играть роль священника или духовного руководителя. Это может создать ситуацию, когда свобода членов общины подвергается опасности.

В семье христиан, которая составляет Тело Христа, Церковь, есть много различных семей. Каждая из них призвана открывать свою грань Любви и Воплощения, разные стороны служения и жизни Иисуса. Вот почему так много различных духовностей или духовных семей в теле Церкви. Они рознятся согласно особенностям призыва и служения Иисуса в определенные моменты истории человечества.

Возможно, духовность Ковчега вбирает в себя элементы этих различных духовностей, но кроме этого она включает в себя жизнь с бедными в созерцании и радости, простую жизнь с ними, не делая ничего великого, находя присутствие Бога в «ежедневности» любви, в маленьких делах любви, как Мария и Иосиф в Назарете.

Но в то же время — это духовность, которую провозгласил Павел. Он пришел «проповедовать Христа распятого, для иудеев соблазн, а для язычников безумие, для самих же призванных... Христа — Божию силу и Божию премудрость, потому что безумное Божие мудрее людей, и немощное Божие сильнее людей» (1 Кор 1:23-25).

В Ковчеге мы открываем, как слабость, хрупкость и бессилие становятся источником жизни для нас и наших друзей. Жизнь со слабыми открывает нам тайну общины, которая так не похожа на поиск могущества или главенства. Бедные открывают нам новый мир любви, о котором мы, возможно, ничего не знали или отвергали его, считая пустой сентиментальностью.

Таковы отличительные черты нашей духовности. Мы призваны расти в любви и верности людям, давать и принимать, чтобы наш завет любви был знамением. И мы растем в любви с нашей семьей, нашей общиной, с нашими ближними в приходе и с другими христианами, живущими рядом. Наши сердца призваны стать подобными сердцу Иисуса, полными любви к каждому человеку.

И вот слова Иисуса, когда Он возликовал Духом Святым и сказал:

«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты сокрыл это от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Лк 10:21).

МОЛИТВА «ВЕРЫ И СВЕТА»

Иисусе, Ты пришел к нам на землю,

чтобы открыть нам Отца — Твоего Отца и нашего Отца.

Ты пришел научить нас любить друг друга.

Дай нам Духа Святого по Твоему обетованию,

чтобы Он сделал нас служителями

мира и единства на этой земле,

полной войн и разделений.

Иисусе, Ты призвал нас следовать за Тобой в общине...

Мы хотим идти за Тобой, сказать Тебе «да».

Мы хотим жить в завете любви

в этой большой семье, которую Ты дал нам,

где мы можем разделить наши страдания и трудности,

наши радости и надежды.

Научи нас принимать наши раны и нашу слабость,

чтобы они стали Твоей силой.

Научи нас видеть Тебя во всех наших братьях и сестрах,

особенно в самых немощных.

Научи нас идти за Тобой путями Евангелия.

Иисусе, мы вверяем себя Марии, Твоей Матери.

Она первая приняла Тебя в Себя.

Помоги нам принять Тебя в наши сердца и наши общины.

Дай нам верности, чтобы стоять с Ней

у подножия Креста, рядом с распинаемыми в этом мире.

Помоги нам жить, как Она, Твоим Воскресением.

* Отрывки из книги «Жизнь в общине». Москва. «Вера и Свет», 1994 г.

О Жане Ванье и основанных им общинах «Ковчег» и «Вера и Свет» см. «Православная община», № 47. С. 56.

[1] «Празднование» — одно из ключевых слов Жана Ванье. Это связано с тем, что в европейских языках Литургию не «служат», но «празднуют». Напр., в английском: «to celebrate Liturgy». Поэтому «празднование» у Жана Ванье всегда связано с Евхаристией, с Благодарением, и носит отчетливый агапический характер.

: Труд твой не тщетен пред Господом

Церковная жизнь

Предлагаемое интервью, возможно последнее, состоялось незадолго до смерти архиепископа Михаила (Мудьюгина) у него дома.

— Владыка Михаил, прошло 10 лет со времени празднования 1000-летия Крещения Руси и именно с этого времени принято говорить о возрождении Русской церкви. Сейчас мы отчетливо видим, как изменилась за эти годы ситуация: есть видимые результаты церковного возрождения, но, в то же время, существует и активное противодействие духовному возрождению в церкви, особенно тому, что исходит снизу, со стороны церковного народа. Определенные силы в церкви создают атмосферу нетерпимости ко любому рода разномыслиям. В то же время очевидно, что развивать церковную жизнь в рамках, существовавших в XVIII—XIX веках и в советское время, невозможно. Что Вы думаете по этому поводу?

— Мне кажется, суть проблемы заключается прежде всего в том, что в церкви всякие попытки улучшения чего-либо, не ниспровергая основ, конечно, базируясь на православных позициях,— все они должны приветствоваться и поощряться. Мне представляется, что это положение вряд ли кто-нибудь может серьезно оспаривать. Есть очень много таких направлений, в которых наша церковная жизнь может быть улучшена по сравнению с ее положением в настоящее время. Такие изменения всегда были в истории церкви, всегда были такие направления, развиваясь в которых, церковь могла улучшить свое положение, улучшить свое проявление, усовершенствовать дохождение до сознания, до умов и сердец людей того наследия, которое оставлено нам Господом Иисусом Христом и Его святыми апостолами и которое так тщательно и бережно хранит наша святая Церковь. А вот методы таких усовершенствований могут быть

разные. И в этом отношении мы должны ориентироваться на слова апостола Павла, сказанные им в Первом послании к коринфянам, где он говорит: «Должны быть разномыслия между вами». Они должны быть, и к этим существующим разномыслиям, которые носят характер тактический и не касаются ни догматов, ни каких-то иных фундаментальных положений, на которых базируется наша святая Церковь, наша святая вера, надо, мне кажется, относиться очень терпимо, спокойно.

— Но ведь в том то и дело, что очень часто нет никакой терпимости, нет желания услышать оппонента. Именно на такого рода позициях развивается т.н. контрмиссия, подменяя собой подлинную миссию церкви, основывая свою деятельность не столько на проповеди Слова Божьего, сколько на борьбе и осуждении, будь то сектанты или свои же братья, но думающие по некоторым церковным или богословским вопросам иначе чем они. К сожалению, в церкви во многом утрачена способность слушать другого, способность вести спокойный, трезвый диалог и часто проблемы решаются либо их игнорированием, либо запретами...

— Миссионерскую и просветительскую работу необходимо проводить, и в этом отношении ни у кого, и у нашего руководства церковного, никаких разномыслий быть не может. Что же касается различных путей и опыта такой деятельности, то мне кажется нужно не замалчивать ситуацию, а наоборот, говорить об этом, писать и спорить, и, в конце концов, предоставлять на утверждение высшего церковного руководства готовые решения, которые, я думаю, ему будут полезны и помогут ему в окончательном разрешении всех разногласий, и споров, имевших место в течение последних лет, чтобы претворить их в нечто полезное и плодотворное для церкви. Несомненно, нужно отделить то хорошее, что связано с добрыми устремлениями искренних и горячих людей, убежденных в том, что они стремятся к улучшению методов, которыми церковь работает, особенно с неопитами и с теми, кому только предстоит еще войти в церковь, потому что церковь не может мыслиться без миссионерской деятельности. Эта миссионерская деятельность в той или иной степени всегда была присуща церкви, а после 70 лет превалирования в нашей стране атеистических воззрений поле для миссионерской деятельности чрезвычайно расширилось. Это одна из важнейших сторон деятельности церкви.

Я выражаю надежду, что церковное руководство понимает серьезность стоящих перед церковью задач, и поэтому они должны решаться не партизанскими методами и не методами запрещения попыток отдельных людей, стремящихся к улучшению положения и к более эффективному действию церковной проповеди, церковного наставничества. Нужна планомерная разработка тех мер, которые должны лежать как бы в основе деятельности церкви, тактической ее основе. Мне кажется, что это очень важно.

— Вы наверное знаете о гонениях и нестроениях последних лет в Москве, Томске, Пскове и совсем недавно в Екатеринбурге, где народ выступил против безнравственного поведения епископа...

— Я что-то слышал об этом. Такого рода вещи вызывают возмущение. Если даже это на 10 процентов является правдой, и то это возмутительно.

— Это верно, тем более, что теперь многое становится широко известным. Естественно, что всякого рода беззакония, творимые в церкви, отвращают людей не только от Церкви, но и от Бога. Что можно в данной ситуации сказать в защиту церкви?

— Исполнок веков было так, что отрицательная деятельность членов церкви, особенно принадлежащих к церковному руководству, их отрицательные нравственные качества или отрицательная оценка их нравственных качеств, независимо от того, правильная эта оценка или неправильная, всегда являлись искушением, всегда вызывали у людей колебания в вере и

попытки перенести осуждение от действий отдельных людей на всю Церковь и на Самого Господа Иисуса Христа. Многие так рассуждали и рассуждают до сих пор: «Если священники плохие, значит плоха и сама церковь». А в конечном итоге доходит до того, что падает тень на все Христианство и на Спасителя. Это неправильный подход, потому что у Христа были ученики, которые страдали очень многими недостатками, о которых мы читаем в Евангелии. И эти недостатки не налагают на Него никакой тени. Один ученик Его предал, другой ученик от Него отрекся, а о многих учениках в Евангелии сказано: «Все, оставив Его, бежали». Это не показатель мужества или должного отношения к своему Учителю, Которого они, казалось бы, за три года пребывания с Ним могли успеть полюбить и быть готовыми, как говорил Петр, душу свою отдать за Него. Этой готовности в них в тот момент, по всей видимости, не было. Великое событие произошло гораздо позже, в день Святой Троицы, в день сошествия Духа Святого— ученики преобразились, они из боязливых и трусливых людей, даже готовых всегда отступить, превратились в людей, готовых идти и вести, и склонять к ногам своего божественного Учителя буквально весь мир. Что они и сделали, потому что это удалось им благодаря содействию Духа Святого, Который стал действовать в созданной Господом Иисусом Христом и утвержденной Духом Святым Церкви.

Вот какой-то отголосок этого мы имеем и сейчас. Не могу судить о названных вами инцидентах, но это ни в коем случае не должно быть соблазном для людей, потому что все должны понимать, что наша святая Церковь и ее Господь и Учитель, и Основатель Иисус Христос— одно, а Его последователи и ученики, т.е. отдельно каждый из нас,— другое, в том смысле, что мы обладаем множеством недостатков и грехов, за которые мы, конечно, отвечаем перед Богом.

Я думаю, что об этом всегда должна вестись разъяснительная работа в церкви. И церкви не нужно здесь стесняться, стараться себя как-то обелять; она должна признавать свои недостатки и свои ошибки, стараться их устранять, стараться усовершенствовать свою деятельность, совершенствовать свой подход к людям. Но делать это нужно со светлым лицом, зная, что неизменно действие Святого Духа в Церкви, что Иисус Христос в действии Святого Духа всегда присутствует в Своей Церкви.

— Года три—четыре тому назад на одной из конференций архим. Платон (Игумнов) сказал такую фразу, что сейчас приказ № 1 по церкви— стоять всем на месте. Этим он хотел сказать, что любые изменения— в богослужении ли, в приходской ли практике, в образовательной ли деятельности— сейчас невозможны, потому что церковный народ не готов принять эти изменения. Как по-Вашему: справедливо ли это мнение?

— Я должен вам сказать, что, по моему мнению, несправедливо. Это может быть справедливо в отношении людей очень высокого возраста, которые с самого детства были воспитаны в церкви в совершенно определенных и обрядовых, и богослужебных, и организационных условиях со всеми их недостатками. Действительно для них какие-то изменения всегда могут являться соблазном, даже когда они выражаются в том, что, скажем, начинают в церкви читать более отчетливо, более красиво, более доходчиво до слушателей, читая тот же самый славянский текст, который полагается по Уставу и который принят нашей церковью к употреблению.

Но если читают не совсем уставно, не гнусавым голосом и не растягивая слова так, что они сливаются иногда в общее какое-то звучание без того, чтобы можно было уловить само содержание высказываемых слов и суждений, такого рода улучшения всегда имели место в нашей церкви со стороны отдельных чтецов в широком смысле этого слова. Всякий порядочный священник, дьякон, псаломщик всегда старался как можно более четко и более ясно произносить молитвенные тексты, которые им поручались для чтения. И если это осуществляется в наше время, то для некоторых очень пожилых людей, привыкших уже к другому чтению, это какое-то «ниспровержение основ».

Я, например, с детства читаю в церкви и был посвящен в стихарь еще митрополитом Вениамином (Казанским), расстрелянным мучеником. И вот еще с детских времен мне постоянно говорилось, и справедливо говорилось, что я должен читать так, чтобы смысл прочитанного доходил до слуха и сознания молящихся людей, подавляющее большинство которых для этого не подготовлено, ведь многие из них не знают славянского языка, или недостаточно воцерковленные люди. Я этому был научен с детских лет, и всю жизнь свою на всех ступенях церковной иерархии, которые я прошел, я старался следовать этому завету. Я думаю, что этому завету необходимо следовать каждому священнику, каждому дьякону и каждому псаломщику.

Я полагаю, что прислушиваться к мнению людей, очень консервативно настроенных, можно и должно, потому что консерватизм присущ церкви, в известной мере. И то обстоятельство, что мы стоим всегда на одном и том же основании и с этого основания никто не может нас сдвинуть,— это уже само по себе предполагает определенный консерватизм. Но я имею в виду консерватизм догматический, консерватизм <в> церковной иерархии,— это здоровый консерватизм. Но этот консерватизм не должен ни в коем случае распространяться на методы церковной деятельности, а особенно катехизаторскую и миссионерскую. Я хочу напомнить слова Спасителя, Который указывает, что в этом отношении Его ученики должны применяться к обстановке и к тем, кому они возвещают Христову Истину, как это делал Сам Христос. Он применялся каким образом? Он говорил Своим ученикам: «Вам дано знать тайны Царствия Божьего, а прочим— в притчах. Потому что они, слыша, не слышат, и, видя, не видят и не понимают». Нужно применяться к слушателям, к их уровню, к их возможности восприятия и т.д. Мне кажется, что-то такое совершалось в некоторых приходах в Москве, и в частности о. Георгий Кочетков также делал это. И эта задача— доводить до каждого свет Христовой Истины и свет нашего православного богослужения,— неизменно должна стоять перед церковью всегда. И если люди, не дожидаясь каких-то соборных решений в церкви, что-то пытаются в этом отношении сделать уже в настоящее время, это вполне объяснимо: жизнь человеческая коротка и каждому человеку хочется активно себя проявить в том направлении, которое он считает правильным, нужным и которое налагает на него его сан, его положение в церкви, его призвание. И поэтому это вполне извинительно. И мое личное мнение, что это надо поощрять, соблюдая, конечно, известные осторожности, потому в церковь ходят люди разного уровня развития, разного возраста, разной культуры. Естественно, в этом отношении нужно соблюдать большой такт для того, чтобы быть полезным, чтобы каждое слово в церкви было полезным, чтобы оно действительно ложилось в сердце и ум человека. Это нужно делать и не нужно жалеть усилий. Сама устремленность к этому, сама готовность это делать заслуживает всяческого поощрения. Надо радоваться тому, что в церкви такие люди есть и желать, чтобы их было как можно больше.

— Спасибо, владыка. И последний вопрос. Известно, что процесс духовного возрождения, духовного обновления церковной жизни должен иметь какую-то опору. Он должен опираться, конечно, на епископат, но, в свою очередь, и архиерей для того, чтобы возрождать церковь в границах своей епархии, находится в таких условиях, что должен искать себе поддержку, те силы, на которые он может опереться в этом добром стремлении. Есть ли такие силы в церкви сегодня? Или по-другому: где эти силы сегодня искать, каким образом здесь возможно действовать священноначалию?

— Мне кажется, что эти силы прежде всего должны находиться, и я верю, что они находятся в самом церковном священноначалии. Я убежден, что среди нашего церковного руководства, персонально с многими представителями которого я имею честь и радость быть знакомым, есть люди, которые прекрасно понимают важность и ценность искания путей доходчивости слова Божьего, доходчивости нашего святого богослужения. Я уверен, что они, руководя

церковью в масштабах всей нашей страны, несомненно понимают это, и если они недостаточно ярко и четко выражают это в своих высказываниях, а может быть, также и в своих действиях, то это происходит, во-первых, от чрезмерно большой осторожности, а во-вторых— из опасения вызвать противодействие, которое может, так сказать, нарушить мир в церкви. Вот это опасение нарушения мира в церкви— опасение, конечно, законное совершенно,— не должно препятствовать движению вперед, не должно препятствовать реализации того завета, который дал нам Господь Иисус Христос: «Идите в мир весь, проповедуйте Евангелие всей твари. Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам». Вот эта заповедь учить, а не только крестить, лежит в основе всей церковной деятельности.

А что значит учить? Учить— значит применять те методы, при которых то, чему мы учим, доходит до тех, кого мы учим. Если мы эти методы не ищем или применяем такие методы, которые являются не оправдавшими себя, которые недостаточно убедительны, то мы берем на себя большую ответственность— мы не выполняем или только пытаемся заменить реальное выполнение заветов Христовых формальным их выполнением. Это совершенно недопустимое явление в церкви, и мы, начиная, я думаю, с самых низших ступеней иерархии, а может быть, даже начиная с мирян и кончая самыми высшими руководителями нашей церкви, должны применять все меры, чтобы этого не было. Мы все должны быть в этом отношении единомышленными, в том смысле, что выполнять этот завет Христов, который выражается вот в этом последнем стихе Евангелия от Матфея и в последних стихах Евангелия от Марка. Выполнять завет в возможно большей степени, насколько это нам позволяют наши силы, и самое главное, насколько нам позволяет содействие Святого Духа, Которого Церковь никогда не лишалась и никогда не лишится, опять-таки потому же— что Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же.

Беседовал Дмитрий Гасак

* Опубликовано: НГ-религии, N 6 (52). 22.03.2000. С. 3

: «Где есть благословение Божье, там есть все»

Церковная жизнь

Предлагаемая читателю беседа с архиеп. Михаилом (Мудьюгиным) состоялась в сентябре 1999 г. накануне международной научно-богословской конференции «Предание Церкви и предание Школы»

— Владыка, мы хотели бы услышать Ваше слово в связи с темой конференции «Предание Церкви и предание Школы». Эта тема предполагает разговор и о Церкви с большой буквы, т.е. не только как о земной организации, но и о духовном, мистическом организме...

— Да, как о Теле Христовом.

— ... и о Школе, но тоже не только и не столько как об учебных заведениях, а как о понятии ученичества, учительства.

Кажется, свт. Афанасий Великий говорил, что Церковь— это училище наше. И вот, есть ученичество у Христа и в то же время есть такое понятие— «школярство». Человек же не

должен быть школяром всю жизнь, но должен быть учеником. И вот как соотносить Предание Церкви с большой буквы и предание Школы?

— Я пользуюсь случаем сказать, что редко бывало в моей жизни, чтобы я придавал большое значение различного рода конференциям, собраниям и т.д. Я прожил большую часть жизни в советское время, и все конференции носили довольно однообразный характер. Они все были окрашены одним определенным цветом и от каждой из них нельзя было ожидать чего-то животворного, чего-то нового, чего-то ободряющего, радующего и идущего вперед. В настоящее время картина, конечно, изменилась. Я не беру конференции, которые меня не касаются, которые далеки от меня тематически. Я говорю о тех конференциях, которые я знаю из ваших слов, которые проходят в Москве и с вашим непосредственным участием. Я считаю, что эти собрания очень интересны как по составу участников, так и по своей устремленности. Нет никакого сомнения в том, что такого рода деятельность дает надежду на будущее, дает надежду на то, что все большее количество людей будет вовлекаться... будет сначала осознавать необходимость каких-то сдвигов в нашей общественной и, особенно, в церковной жизни и, мало того, что будет осознавать, но будет практически реализовывать эти идеи. Я думаю, что с Божьей помощью это вполне реально и возможно. До сих пор, к сожалению, хотя на эту тему и говорилось очень много самыми разными людьми, очень благонамеренными, которым можно было сочувствовать и аплодировать, но тем не менее, конкретных шагов не было предпринято, потому что нас (я говорю «нас», потому что я сам причисляю себя к тем, кто хотя и косвенно, но в какой-то мере идейно связан с людьми, желающими некоторых изменений и улучшений в церкви) всегда связывает страх утраты доверия со стороны установившихся канонических организаций, установившихся канонических церковных органов. Мы боимся, что наша активность в этом направлении может, как это неоднократно и бывало, вызвать подозрение в обновленчестве, подозрение в каком-то необоснованном стремлении к переменам ради перемен. И такого рода опасения вполне естественны и понятны после всего того, что пережила церковь в течение истекших, скажем, 70—80 лет. Но тем не менее, при всей осторожности, которую мы должны соблюдать, при всей большой, я бы сказал, чуткости в отношении к тем мнениям и взглядам, которые существуют внутри церкви со стороны различных существующих в ней направлений и течений, господствующим все же должно быть представление о том, что Христос создал Церковь как живой организм, как Свое Тело, которое одушевлено действием Духа Святого. И раз так, то оно не может быть мертвым, оно не может быть неподвижным, оно не может застывать в каких-то отлитых и отлившихся внешних формах, которые становятся господствующими над содержанием, господствующими над внутренней духовностью Церкви. Вот эта духовность Церкви обязывает нас приглядываться к ней, ощущать ее и действовать в соответствии с ней,— с тем чтобы эта духовность не только пронизывала само богослужение, что, конечно, всегда происходит, потому что богослужение всегда происходит под действием Духа Святого и Господь непосредственно участвует в таинствах, в проповеди и во всех видах церковной деятельности, но чтобы оно само было сопряжено также с широким участием верующих людей. Причем надо помнить, что Дух Святой действует, надо помнить обетования Христа, данные Им особенно на прощальной беседе с учениками: «Дух Святой наставит вас на всякую истину».

Это относилось отнюдь не только к ученикам Христовым и отнюдь не только к тем, которые получили от них посвящение и таким образом явились их преемниками (а их преемниками является вся наша иерархия),— это относилось ко всей Церкви в целом. Слова эти вселяют большую надежду, но в то же самое время очень обязывают. Они обязывают каждого члена Церкви, болеющего за ее нужды, болеющего за ее судьбы, болеющего за ее будущее, принимать активное участие в ее жизни, в ее деятельности, вносить свой вклад в виде определенных инициатив, пожеланий и высказываний своего мнения по поводу тех явлений, которые имеют место в церкви, как положительных, так и отрицательных. К сожалению, такой

активности в настоящее время нет. Мне кажется, нужно принять все меры (и к этому призваны все те, кто трудится в этой области), чтобы эту активность вызвать и всячески поощрять, чтобы она проявлялась и в печати, и в средствах массовой информации, чтобы были использованы все те широкие возможности, которые сейчас объективно нам предоставлены. Потому что, по существу, сейчас нет оснований бояться за каждое слово, которое говорится! Мы же все еще ведем себя так, как будто мы живем в условиях постоянного надзора со стороны каких-то соответствующих органов, что имело место в течение семидесяти лет. Мне кажется, нам надо освободиться от этой какой-то чрезмерной и нарочитой внутренней осторожности, какой-то чисто внешней придавленности, которая довлеет в сознании очень многих православных людей.

Что касается таких актуальных вопросов как школа, как духовное образование, как церковь, ее деятельность в целом, то мы должны мобилизовать весь материал, который существует на этот счет в истории церкви. Мы должны учесть весь тот опыт, который имел место в борьбе за церковную школу, в борьбе за свободу высказывания религиозных идей в обществе, за то, чтобы церковь чувствовала, что она в своей деятельности не зависит ни от какой посторонней власти: будь то власть сочувствующая или власть, которая гнетет и подавляет. Все это пришлось церкви испытать: в течение многих столетий своего существования церковь испытывала самые всевозможные ситуации, самые разные мнения и самые разные воздействия. Вот весь этот исторический опыт должен быть учтен. И нужно выработать такую концепцию и такую тактику, которые, учитывая этот опыт, двигали бы развитие событий в нужном направлении, т.е. в направлении большей свободы церкви и большей евангелизации во всей ее деятельности.

Если спросить: «Что важнее всего для церковной жизни в настоящее время?», я сказал бы так: «Самое важное— это евангелизация». Причем, конечно, не в узком смысле слова— только чтения Евангелия. Может быть, слово «евангелизация» несколько непривычное, и его надо заменить словом «библейзация», потому что надо использовать, конечно, все слово Божье в полном масштабе, также с привлечением того, что внесли отцы церкви, что внесли люди, которые трудились над Библией, которые использовали ее в порядке развития собственного мышления и в порядке ее истолкования для широких кругов верующих людей. Вот в этом направлении нужно очень много работать. Причем, прежде всего надо найти отправные точки и целевые установки и действовать не только в порядке добрых пожеланий, в порядке благонамеренных высказываний, а надо, может быть, даже конкретно наметить какой-то план действий и давать определенные задания, конечно, в сугубо добровольном порядке,— тем людям, которые жаждут деятельности на пользу Святой Церкви.

— Владыка, Вам известна ситуация с прещениями, наложенными Святейшим Патриархом на о. Георгия Кочеткова и на 12 его прихожан два года назад. Вернее сказать, два года назад, под праздник Введения Богородицы во храм, они должны были быть сняты, но этого не произошло. На сегодняшний день многочисленные обращения и к патриарху, и к его помощникам пока остаются без ответа, а все-таки для церкви важно, чтобы эта ситуация разрешилась и разрешилась положительно. Что Вы об этом думаете?

— Мне представляется, что отсутствие соответствующих ответов, которые вы хотели бы получить (положительных или отрицательных), объясняется в значительной степени занятостью церковного руководства. По всей вероятности, и Святейший Патриарх, и его окружение имеют много вопросов, которые им представляются гораздо более значительными, и у них просто-напросто не хватает внимания и сил для того, чтобы детально заняться вашей проблемой, которая, конечно, требует своего разрешения.

Я думаю, можно надеяться, что Святейший Патриарх проявит здесь присущую ему мудрость, которую мы, слава Богу, ощущаем на протяжении всей его деятельности в качестве

первосвятителя нашей церкви, и сумеет найти подходящие формы для поощрения того положительного, что, несомненно, есть в деятельности тех лиц, которые были в свое время подвергнуты с его стороны некоторым санкциям, сроки которых давно уже истекли.

— Иногда, пытаясь оправдать существующее положение дел, говорят, что у о. Георгия безмерная гордыня или что о. Георгий сильно навредил церкви тем, что «бежит впереди паровоза».... Что Вы об этом думаете?

— Я не берусь предвосхищать ответ о. Георгия, потому что, несомненно, у него найдется что ответить на такого рода отрицательные высказывания в его адрес. Но я думаю, что здесь речь идет не только лично об о. Георгии, речь идет вообще о возможности какого-то прогресса в церковной практике, в церковном подходе к людям, которые нуждаются в разъяснительной работе, в катехизации, в миссионерском отношении к себе со стороны церковных руководителей и со стороны любого проповедника, любого священника, в конце концов. Это очень важно, и в этом отношении, мне кажется, проявление о. Георгием инициативы, независимо от ее оценки (эта оценка может быть положительной, может быть отрицательной, в том числе и считающей его инициативу недостаточной, всякие оценки возможны), само по себе показывает, что этот человек и люди, которые его поддерживают, болеют за нужды церкви. И если даже они делают какие-то ошибки, то это все же гораздо лучше и ценнее, и важнее, чем полное равнодушие, с которым мы встречаемся со стороны очень многих в нашей церкви. Ведь сколько есть священников, которые совершают богослужения, совершенно не заботясь о том, молится ли вместе с ними стоящий за их спиной народ, доходит ли до стоящих за спиной священника то слово Божье, которое священник возвещает, которое он преподносит людям, которое заключено, в конце концов, во всем богатстве нашего общественного богослужения,— или нет!

Что касается меня, то я верю, что у вас люди искренно хотят сдвигов в добрую сторону, и не сомневаюсь, что помощь Божья будет обеспечена. Потому что когда люди в согласии друг с другом стремятся к хорошей цели, то, несомненно, для Господа это угодно и поэтому Он дает Свое благословение, Свою помощь. А где есть благословение Божье, там есть все.

— Сейчас наша церковь, получив внешнюю свободу, большей частью занялась строительством храмов и вообще всякого рода внешним устройством. Но при этом мы видим, что, к сожалению, по отношению к людям, особенно к людям активным в церкви, очень часто допускается просто произвол, непонимание, иногда даже просто прямые гонения. И молодые христиане, которые сейчас приходят в церковь, этим соблазняются...

— В значительном своем числе они становятся сразу не православными христианами, а скорее, приобретают некоторый вид сектантства, обращая внимание (что характерно для сектантства) прежде всего на побочные явления, на побочные проявления жизни церкви или церковной деятельности, упуская самое главное. Упуская то, что в основе лежит Личность Господа нашего Иисуса Христа. В основе лежат Его заветы любви, в основе лежит основное утверждение апостола Павла: «Теперь остаются вера, надежда, любовь, но любовь из них больше». Вот мне кажется, что эти основополагающие высказывания Священного писания, Слова Божия, должны быть положениями, по которым нам надо проверять каждый шаг деятельности: соответствует ли он этим положениям.

— Да, владыка. И еще они сталкиваются в церковной ограде со многими негативными явлениями, которые они видели и в мирской жизни, они часто смущаются, соблазняются...

— Во-первых, надо шире использовать церковную печать. Затем, надо больше использовать радиостанции, носящие, в известной мере, церковный характер. Некоторые из них, не все,

имеют такой православный дух, но тем не менее, они все носят дух согласный с Евангелием. И поэтому, может быть, надо использовать эти методы воздействия для того, чтобы людей как-то наставлять и направлять и удерживать их от увлечения внешностью в ущерб внутреннему содержанию, что, к сожалению, часто имеет место.

— И последний вопрос, владыка. Как нам молиться за церковь, где сейчас столько разного, необычного, неожиданного и даже иногда не совсем церковного?

— Когда мы молимся за церковь, важно, чтобы мы действительно болели за нее душой, чтобы мы молились за нее больше, с большей энергией, с большим движением души, чем мы молимся, скажем, за наших близких, родных, чем мы молимся за людей, которые нам насущно необходимы, чем молимся о наших материальных благах и т.д. К сожалению, у нас молитва о церкви занимает всегда, как правило, последнее место в том, что заполняет нашу душу. Мне кажется, что в данном случае большое значение имеет и то, чтобы эта молитва была более интенсивной и занимала более видное место в нашей духовной жизни.

Внешние формы, в которые выливаются наши молитвы, не так уж важны, хотя, конечно, было бы полезно создать и включить в богослужение какие-то соответствующие ектеньи, может быть, даже какие-то молитвы священника, которые он произносит тайно или громко, которые относились бы именно к Церкви и представляли собой прошения о Церкви, о ее жизни, о ее движении вперед, о ее развитии, о ее близости к Христу и о ее сопротивлении всем тем болезням, которыми она болеет и которыми она в какой-то мере заражается от греховного мира.

— Спасибо, владыка, это очень ценно. Если вы позволите, мы опубликуем это интервью в нашем журнале.

— Пожалуйста.

— Владыка, может быть, Вы скажете несколько слов о Георгию лично? Он будет очень рад.

— О. Георгий, если я о чем жалею... вообще, конечно, в жизни о многих вещах приходится жалеть, но одной из таких вещей, вызывающих особое сожаление, является то, что мы с Вами почти не имеем контакта. Контакт, носящий духовный, умозрительный характер и молитвенный характер имеет, конечно, место, но этого все-таки недостаточно. Было бы хорошо почаще видеться, беседовать, чтобы я что-то знал о Вашей жизни и деятельности, а Вы бы знали о том, что заполняет мою душу и мое время. Я думаю, что это было бы полезно для нас обоих, и может быть, даже полезно для церкви в целом.

Я хотел бы, чтобы эти мои слова, которые сочетаются также с самыми сердечными пожеланиями в Ваш адрес, подвигли Вас к тому, чтобы Вы предприняли какие-то меры для того, чтобы почаще бывать в Петербурге, как-то создавать условия для того, чтобы мы могли с Вами встречаться и тратить наше время для обмена мыслями, для совместной молитвы, в общем, для духовной деятельности, для духовного общения. Я думаю, что это было бы очень хорошо. Вот, я прошу учесть, что я об этом думаю, что я имею в этом отношении совершенно определенный образ мысли, и учли бы это в дальнейшем использовании Ваших возможностей.

Если у о. Георгия или у кого-то другого есть что-либо, что вас особенно интересует, какая-то тематика, то, что для вас насущно необходимо,— сообщите мне, чтобы я учел это и, может быть, дал на эту тематику какой-то материал для средств массовой информации или для печати. Я думаю, что мог бы в этом отношении принести вам какую-то пользу, что было бы для меня очень радостно. Вы давайте мне такое задание. Я должен учесть то, что находится в

центре ваших интересов, а мне хочется действовать в контакте с вами.

— Спасибо Вам, владыка.

Беседовал Александр Копировский

Константин Обозный: Псковская Православная Миссия в 1941—1944 гг. Миссионерский аспект деятельности

История церкви

Христианская Церковь рождалась, росла и живет через свидетельство о Христе, или миссию. Проблема христианской миссии особенно остро встает сегодня, когда Русская православная церковь наконец получила возможность открытой широкой проповеди и глубокого научения в вере жаждущих Слова.

Важность миссионерского служения в церкви не ставится под сомнение, однако не всегда хватает опыта этого служения в современных условиях. Нередко встает вопрос: каким же образом должна проводиться духовно-просветительская работа?

Поэтому тема Псковской миссии актуальна сегодня не только как материал по истории РПЦ XX века, как утверждение общецерковной молитвенной памяти о мучениках и исповедниках веры, но и как весьма ценный опыт миссионерской и катехизационной деятельности.

Образование Миссии. Ее структура

Быть может, я рискую оказаться необъективным, утверждая, что совсем не случайно Православная миссия в тяжелые годы оккупации возникла именно здесь — на Северо-Западе России, с центром во Пскове.

С одной стороны, этот факт объясняется длительным периодом оккупации этого региона немецкими войсками — три года. Это тяжелейшее испытание для жителей псковской земли обернулось некоторой гарантией (хотя и довольно зыбкой) существования Миссии. Ведь именно «под эгидой оккупационных властей...» она и была организована¹. Кроме того, хорошо известно, что с 1928 г. в Латвии активно действует филиал РСХД (с центром в Париже), который именовался «Русское православное студенческое единение»² (РПСЕ). Среди тех, кто поддерживал этот христианский союз, были священники-миссионеры, некоторые из которых первыми прибыли в Псков из Латвии и приняли на свои плечи нелегкую задачу — основание «Православной миссии в освобожденных областях России». С другой же стороны, псковская земля из глубины веков была своеобразным форпостом православия, где особенно актуальным во все времена было именно миссионерское служение.

Блгв. княгиня Ольга, являясь по сути первым просветителем Руси, приняв крещение в Константинополе, возвращается на Родину с проповедью веры Христовой. Это один из первых примеров христианской миссии в истории России, в том числе и на древней псковской земле. Дело в том, что кн. Ольга происходила родом из села Выбуты, что лежит близ Пскова. По свидетельству историков, там великая княгиня научала «сродных людей» познанию Бога³.

И в средние века, как и сегодня, псковская земля — земля пограничная, и налаживание контактов с соседними племенами финнов, эстов (чуди) не в последнюю очередь происходило благодаря успешной миссии Русской православной церкви. А столкновение интересов латинского Запада в лице ордена меченосцев с православной Русью, начиная с XIII века на границах псковской земли, показало необходимость православной контрмиссии. Латинские миссионеры-рыцари стремились «...и мирным путем, и путем завоеваний пропагандировать свое учение и среди русских... областей...», не говоря уже о территориях расселения финских и эстских племен⁴. Подобная ситуация сохранялась и позже. Только на смену ливонским рыцарям с Запада приходит Реформация — не менее серьезный оппонент православия, имевший в Прибалтике колоссальный успех⁵.

Да и кроме миссии внешней, т.е. направленной к неправославной части сопредельных земель, постоянно видна необходимость миссии внутренней, относящейся к православным, к тем, кто уже находился в лоне церкви. Ведь кроме непросвещенности и неграмотности, суеверий и скрытого язычества, внутри православия на Псковщине появляется ересь стригольников. А позже незаживающей кровавой раной на теле Русской церкви оказался раскол. Северо-Запад страны, в частности Псковская губерния, оказался особенно сильно захвачен движением старообрядцев. Так, большая часть усилий православных миссионеров во Пскове в XIX веке была направлена на работу среди раскольников.

То, что произошло в 20—30-е годы XX века по всей России, не могло обойти стороной и псковскую епархию. Гонения на церковь и на верующих начались с первых лет советской власти. Хотя в 1917—1918 гг. церкви не закрывались, но уже тогда начались расстрелы архиереев и священников. В период 1922—1924 гг. были закрыты мужские и женские монастыри, приписные и домовые церкви. Годы коллективизации были ознаменованы массовым закрытием приходских церквей (с 1929 по 1933 гг. было закрыто 30%). В 1935 г. новая волна чисток, направленная против так называемого антисоветского элемента, приводит к массовым арестам и высылкам духовенства. В 1936 г. в Пскове упразднена архиерейская кафедра. В 1937 г. начинается третий, и последний, натиск. В 1939—1940 гг. были закрыты последние храмы в Пскове и его ближайших уездах (Порхов, Остров, Святые Горы). «К моменту прихода германской армии в этой области не было ни одной церкви и ни одного священника, который совершал бы богослужения»⁶. Здесь лишь цифры смогут показать глубину церковной разрухи, царившей на Псковщине. На момент октябрьского переворота 1917 г. во Пскове 40 священников и 32 действующие церкви, а в Псковском уезде еще 52 священника и 40 храмов. В наиболее крупных уездах Псковской губернии картина была такой⁷:

уезд церкви священники

Гдовский 73 64

Порховский 56 79

Новоржевский 34 36

Опочецкий 35 45

г. Остров и уезд 33 47

Из всего этого числа к моменту оккупации ничего не сохранилось...

Идеологам советского государства можно было гордиться этими результатами, хотя и внешними. То, что они все же были внешние, и покажут события и изменения, происшедшие в

связи с деятельностью Православной миссии. Расширение границ Советского Союза в 1939—1940 г. увеличило и паству РПЦ. Как пишет О.Ю. Васильева, перед митр. Сергием (патриаршим местоблюстителем) встает трудная задача — «передать священнослужителям присоединенных областей опыт деятельности в условиях нового для них общественного строя»⁸. В связи с этим были произведены и новые назначения на Кишиневскую кафедру, в западные области Украины и Белоруссии и в Прибалтику. Указом Московской Патриархии от 24 февраля 1941 г. был учрежден экзархат, т.е. особая митрополичья область, в состав которой вошли Латвийская и Эстонская епархии. Экзархом этой области был назначен Сергей (Воскресенский), который к тому времени был уже митрополитом Литовским и Виленским. Все архиереи экзархата, в том числе бывшие митрополиты Латвии и Эстонии, оказались в положении епископов, подчиненных экзарху⁹.

Нередко местные жители считали приглашенных архиереев «чуть ли не агентами ЧК»¹⁰. В какой-то мере эти опасения можно было оправдать: настороженность и открытая враждебность к патриаршему местоблюстителю митр. Сергию после его Декларации 1927 г. о лояльности к советской власти были распространены у многих православных архиереев и священников и в советской России, и за рубежом.

Тень грядущих гонений и расправы набежала на церковь во вновь присоединенных областях советского государства. Ее ожидал такой же разгром, какой уже произвела в конце 30-х годов власть в прежних границах СССР, обескровив церковную жизнь. И только начавшаяся Великая Отечественная война предотвратила новую волну гонений и открыла новый этап отношений РПЦ и советского государства.

Экзарх Прибалтики митр. Сергей (Воскресенский) в первые дни оккупации Латвии немецкими войсками был арестован. Это произошло, вероятно, не без влияния некоторых местных архиереев, негативно воспринявших «ставленника Москвы» и находящихся на жестких националистических позициях, что, собственно, было большим вопросом еще в предвоенной жизни Латвийской православной церкви¹¹. Так, митр. Августин после провозглашения автокефальной Латвийской православной церкви в 1936 г. «...оттеснил от руководства церковью русских священнослужителей и начал проводить реформы по »латышизации" культа и церковного устройства..."¹²

Однако экзарх Сергей вскоре был отпущен. Более того, с ведома Берлина были сохранены и экзархат, и его каноническая принадлежность к Московской патриархии. Но все это новые власти гарантировали при условии, что экзарх создаст «новое церковное управление под эгидой немецких властей»¹³. Таким церковным учреждением явилась «Православная Миссия в освобожденных районах России».

Дело в том, что немецкие власти рассчитывали именно Православную церковь сделать своей главной опорой в утверждении на захваченных территориях «нового порядка». Подобная роль отводилась и Псковской миссии.

Справедливости ради нужно отметить, что в вопросе возникновения Миссии нет единого мнения о том, кто же был летом 1941 г. инициатором основания «Православной Миссии в освобожденных областях России». Кроме приведенной выше точки зрения есть и другие указания.

Так например, Ольга Раевская-Хьюз, один из создателей сборника проповедей о. Георгия Бенигсена, пишет, что именно митр. Сергей (Воскресенский) добился «разрешения на открытие миссии Русской православной церкви в оккупированных областях России»¹⁴. Еще более убедительно об этом свидетельствуют и сами участники Миссии: «Необходимость в

Псковской миссии была осознана митр. Сергием, экзархом Латвии и Эстонии, сразу же как только стали поступать первые просьбы из Пскова и других городов о присылке священнослужителей в эти места»¹⁵. И немецкие власти весьма неохотно, долго не соглашаясь, дают все же согласие на организацию Миссии. Выходит, что не оккупационные власти и даже не конкретно экзарх Сергей оказались в той или иной мере «зачинщиками» миссионерского движения на псковской земле. Нет, этим «зачинщиком» стал простой народ. «Эти люди убедили немцев в безуспешности советской антирелигиозной пропаганды и воспитания. Они требовали церкви, священников, богослужения. Немцам нехотя пришлось уступить»¹⁶.

Возможно, это звучит несколько неожиданно. Ведь советская власть превратила территорию, на которой развернулась деятельность Православной Миссии, буквально в «церковную пустыню»¹⁷. Многочисленные псковские храмы были «разрушены, поруганы, превращены в склады, мастерские, танцевальные клубы, кино и архивы. Репрессированное духовенство в своей основной массе погибло в концлагерях Сибири»¹⁸. После этого трудно было предположить, что простые люди, советские граждане проявят такую активность, причиной которой стал «духовный голод, жажда церковной молитвы, таинств, проповеди...»¹⁹

Напутствуя первых миссионеров перед их отправкой в Псков, экзарх говорил: «Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой открывающейся для него жизни»²⁰.

Посланники Миссии ожидали, что их глазам предстанет «пустое поле, в религиозном отношении». Но как писал о. Алексей Ионов, «там мы нашли такую напряженную духовную жизнь, о которой за рубежом и не догадываются»²¹. Многие из тех людей, кто жил еще в Российской империи Романовых, бережно пронесли свою веру и упование через два страшных кровавых десятилетия. Но уже появилось на свет целое поколение, представители которого лишь теперь «...впервые в жизни видели фигуру священника, встречая ее до тех пор только на карикатурах и шаржах антирелигиозных изданий»²², не говоря уже об их участии в церковной жизни.

«Два десятилетия власть отнимала у него (народа) то, чем строилась и двигалась государственная, нравственная и культурная жизнь его предков на протяжении тысячелетия». И конечно, это не прошло бесследно, и духовное выздоровление русских людей не могло произойти без возрождения церковной жизни, без евангелизации, без слова Божия. В этом именно и видели цель своего служения миссионеры, прибывшие на псковскую землю, — «помочь народу, впавшему в разбойники»²⁴.

Сам митр. Сергей (Воскресенский), говоря о Православной Миссии и об учрежденном при ней Управлении, отмечал, что эта церковная организация имеет временный характер и будет действовать «до восстановления непосредственной связи с Патриаршей церковью, когда высшая церковная власть сможет или присоединить эти области к экзархату, или воссоединить с прежними епархиями»²⁵.

Ввиду военных действий, связь экзарха Сергея с архиереями соседних епархий была прервана, и потому включить эту территорию в экзархат митрополит не мог, не имея на то согласия этих архиереев. Однако «по существующим каноническим правилам экзарх имел вполне законное право принять области других епархий, временно утративших архиереев, под свое духовное окормление, так как они принадлежат к той же автокефальной церкви, как и он сам»²⁶. И более того, это был пастырский долг экзарха Сергея, который он исполнял, и в этом

исполнении его не могла остановить даже угроза смерти. Единственное препятствие могло возникнуть с выходом экзархата из состава Патриаршей церкви и канонической от нее независимости. В этом случае даже временное управление этими епархиями оказалось бы незаконным. В этот момент высшая церковная власть в Русской православной церкви принадлежала местоблюстителю патриаршего престола блаженнейшему Сергию и состоящему при нем архиерейскому собранию.

Но из-за военных действий экзарх Сергей теряет «непосредственную связь с Патриаршей церковью»²⁷, оказавшись в тылу немецких войск. И потому, не выходя из состава Российской православной церкви, экзарх фактически «пользуется автономией, а посему управляет самостоятельно...»²⁸ При этом у митр. Сергия не было никакой необходимости «примыкать и какой-либо другой автокефальной церкви, что в будущем, несомненно, было бы сочтено за каноническое преступление»²⁹. Возносимые за богослужением молитвы о местоблюстителе патриаршего престола Сергии (Страгородском) служили свидетельством того, что «целость православной матери-церкви сохранена»³⁰, хотя реальных связей с Москвой не было и Московская патриархия руководства производить не могла.

Таким же свидетельством пребывания Православной Миссии в лоне Российской православной церкви (Московской патриархии) является тот факт, что «в новооткрытых храмах поминали митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), в чьей епархии Миссия работала»³¹. Это также помогло миссионерам приобрести необходимое доверие у паствы. Многие из верующих хорошо понимали канонические нюансы и не хотели в будущем оказаться в расколе, отлученными от Русской православной церкви³².

Таким образом, вырисовывается еще одна причина возникновения Миссии — необходимость окормления православных епархий, временно оказавшихся без епископов. И уже в границах этой формальной причины ставились более конкретные задачи по восстановлению церковной жизни, как-то: возрождение приходов, просвещение и евангелизация. Все это невозможно было бы поднять без миссионерского служения, которое вносит первую искру в душу человеческую и затем преображает весь мир. Именно об этом говорил миссионерам экзарх Сергей в приведенной выше цитате, подчеркивая важность не только формального церковного возрождения, но «пробуждения народа..., объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой открывающейся для него жизни»³³.

Непосредственное устройство Православной Миссии «является всецело делом и почином самого экзарха, который, видя и полностью сознавая бедственное положение церкви в областях, освобожденных германскими войсками и граничащих с Эстонией и Латвией...»³⁴, начинает переговоры с представителями немецко-фашистской группировки армии «Север» об отправке в указанные районы первых миссионеров. Переговоры были начаты уже в начале июля, т.е. как только появились первые города и районы, оккупированные германскими войсками и, соответственно, освобожденные от засилия воинствующего атеизма и красного террора советской власти.

Переговоры затягивались из-за хода активных военных действий. Наконец, к середине августа разрешение было получено. Первые 14 миссионеров из Прибалтики прибыли во Псков 18 августа 1941 г., и произошло это при содействии СД³⁵. Видимо, содействие заключалось в обеспечении документами и специальными разрешениями для передвижения по оккупированной территории. Вот как об этом пишет Зигмунд Балевиц: «Ранним утром 18 августа 1941 г. темно-серый автобус ..., предоставленный немецким командованием, увез первых рижских »миссионеров" в Псков, где создавался центр «миссии»³⁶.

Накануне в Рижском кафедральном соборе после воскресного богослужения экзарх Сергей

обратился с амвона к своей пастве со словами радости о том, что «руководимой им православной церкви в Латвии... выпала »большая честь" — направить первую группу миссионеров в ... Россию»³⁷.

О. Алексей Ионов, вспоминая эти дни, пишет, что сама отправка посланников была проведена быстро, без промедлений. Митрополит лично отобрал кандидатуры священников для этого важного служения. Без предварительных разговоров с ними и опросов о личном согласии экзарх Сергей «предписал целому ряду священников, тем, кто помоложе, отправиться в Псков»³⁸.

Несмотря на такое авторитарное, по-военному строгое, принятое «в рамках церковной дисциплины, церковного послушания» решение, «никто не отказался от участия в Миссии, от церковной работы в тех местах, где годами не звучало слово Божие, не совершалось богослужение, где народ молился лишь »про себя", сокрovenно»³⁹. Причем сами миссионеры прекрасно представляли все трудности и опасности военного положения, которые их ждали на псковской земле. Наверное, дело не только в послушании епископу и исполнении своего священнического долга, но в тех глубинных личных переживаниях, которые тяжело описать земными словами: «Мы въехали в родные пределы, стоя на ногах, с пением пасхальных песнопений. Мы радовались всему родному, что встречали на своем пути: небу, воздуху, чахлым деревьям, пожелтевшей осенней траве»⁴⁰.

Вряд ли ошибусь, признавая большую заслугу в успешном развитии Миссии незаурядных личностей, составивших ядро этой церковной организации. Имена некоторых хорошо известны и сегодня: протопр. Кирилл Зайц, прот. Георгий Бенигсен, прот. Ливерий Воронов. Это само по себе является свидетельством о наполненности Духом Святым этих служителей Слова Божия...

Для многих миссионеров, наверное, были близки слова о. Алексия Ионова: «Лучшее время моего пастырства — время, проведенное в Псковской миссии...»⁴¹.

Среди «пионеров» Псковской миссии мудрым выбором экзарха Сергея оказались двое воспитанников Свято-Сергиевского православного института в Париже — священники Владимир Толстоухов и Алексей Ионов, а также прот. Николай Колиберский, священники Иоанн Легкий, Яков Начис, Федор Ягодкин и др.⁴². Многие из них поддерживали «Русское православное студенческое единение», которое возникло в 1928 г. и активно действовало в Латвии в 30-е годы, являясь филиалом «Русского Христианского Студенческого Движения». Члены «Движения» (немалая часть из семей белоэмигрантов) видели цель своей организации в служении Родине и постоянно были готовы «перенести свою деятельность в Россию...»⁴³, деятельность не только национально-патриотическую и социальную, но и христианско-просветительную, ибо объединение русской эмигрантской молодежи для служения Церкви являлось основной целью РСХД. С этой целью собирались ежегодные летние и зимние съезды «Движения», где встречалась русская молодежь Прибалтики и Европы, где можно было обменяться опытом, поделиться радостью, услышать доклады лекторов из Праги и Парижа (Свято-Сергиевский богословский институт). Известен факт посещения Латвии с миссионерской целью матери Марии (Скобцовой) в 1932 г., в тот период активно сотрудничавшей с РСХД⁴⁴. Конечно, этот опыт не мог не наложить отпечатка на характер пастырства и миссионерского служения тех священников, которые поддерживали «Движение» и участвовали в его деятельности. А по словам биографа о. Георгия Бенигсена Ольги Раевской-Хьюз, «...значительную роль в выборе церковного служения и формировании будущего священника сыграло Русское Студенческое Христианское Движение...»⁴⁵. Позже во Пскове о. Георгий становится одним из активнейших участников Православной Миссии, причем приоритетным направлением для него становится работа с детьми и молодежью. Это молодежное объединение (РСХД) способствовало сознательному участию ее членов в

церковной жизни, отходу христиан «от так называемого »традиционного" отношения к Церкви: не присутствие на богослужениях, а участие в них, не ограничение нашего православия храмом, а несение его в мир, не разделение жизни на Церковь и мир, а освящение всей жизни — семьи, работы, дружбы, творчества"46.

Среди тех, кто активно помогал РСХД и РПСЕ, был протопр. Кирилл Зайц, настоятель рижского кафедрального собора, а в годы войны — начальник Управления Православной Миссии во Пскове. О. Кирилл еще до своего участия в Миссии проявил яркий дар миссионерства. Он знал и любил слово Божие и мог делиться этой любовью с другими. Силой этой любви о. Кирилл возвращал православной матери-церкви порой целые приходы47.

Показательно, что наиболее деятельные миссионеры либо учились в Париже, либо принимали какое-то участие в деятельности РПСЕ. Именно они формировали отношение к Православной Миссии как со стороны населения, так и со стороны оккупантов, о чем еще будет сказано подробнее. И именно эти люди организовали Управление «Православной Миссии в освобожденных областях России», которое руководило деятельностью всей Миссии, действовавшей на обширной территории, населенной двумя миллионами человек и простиравшейся на всю занятую немецкими войсками часть Ленинградской области, на часть Калининской и Новгородской областей и целиком — на Псковскую область.

Для управления церковной жизнью и духовного окормления христиан этих областей и было образовано Управление Миссии. Ею были возрождены благочиннические округа. Для координации «сношений центра Миссии с подведомственными ей районами и для надзора за работой местного духовенства» были определены благочинные по районам. В Псковском районе — свящ. Н. Жунда, в Островском — свящ. А. Ионов, в Новгородском — прот. В. Николаевский, в Порховском и Дновском — свящ. В. Рушанов, в Гдовском — свящ. И. Легкий и др.48

Управление Миссии в Пскове непосредственно подчинялось лишь экзарху Сергию, который находился в Риге. Оно собиралось на совещания и выносило «решение по тому или иному важному вопросу, которое затем препровождалось на усмотрение экзарха»49.

Во главе Управления стоял начальник Миссии (первый начальник Миссии — о. Сергей Ефимов, с 17 августа по октябрь 1941г.; второй — о. Николай Колиберский, умерший в ноябре 1941 г; последний — о. Кирилл Зайц, с 1 декабря 1941 г. по февраль 1944 г.). Он имел своим помощником и заместителем по всем делам, касающимся церковной жизни, ревизора50. Судя по спискам сотрудников Православной Миссии на июнь 1943 г., при начальнике Миссии было даже два ревизора: старший — прот. Николай Шенрок и младший — свящ. Ливерий Воронов, а также секретарь Управления Миссии — Андрей Перминов и переводчик Георгий Радецкий. Кроме канцелярии Миссии, которая в основном состояла из вышеперечисленных лиц, в составе Управления находились два стола или отдела: стол по развитию христианской культуры (во главе со свящ. Г. Бенигсеном) и хозяйственный отдел во главе с Иваном Ободневым и его помощником Константином Кравченком51. Интересно отметить, что Управление Миссии состояло не только из духовенства, но и светских лиц. Характерно для Псковской Миссии то, что наряду с миссионерами-священниками на «ниве Божией» трудились миссионеры-миряне.

Плоды работы хозяйственного отдела, с одной стороны, поддерживали материальное состояние Миссии, наряду с десятипроцентными отчислениями, поступающими из приходов, и, с другой стороны, способствовали главному назначению и служению этой церковной миссионерской организации.

В состав хозяйственного отдела Миссии входили: свечной завод, размещавшийся в колокольне

Псковского кафедрального собора, иконописная мастерская, находившаяся во Пскове на территории Кремля, и магазин церковных принадлежностей на Главной улице Пскова.

Свечной завод обслуживал большинство приходов, находящихся на территории Миссии. Продукция была гораздо качественнее той, что выпускали частные предприниматели, и являлась главным источником дохода Миссии.

В иконописной мастерской трудилось 20 человек, среди них заведующий мастерской, мастера-живописцы, золотошвейки, ученики и ученицы, артель резчиков по дереву и столяры. Здесь писали новые иконы и реставрировали старые, изготавливали хоругви, кресты, голгофы, плащаницы, церковные сосуды, вплоть до целых иконостасов. В основном мастерская выполняла заказы, поступающие от церквей, нередко перерабатывая их же сырье в готовые изделия. Порой артель мастеров выезжала по запросам той или иной отдаленной церкви и на месте проводила необходимые работы.

Продукция производилась в большом количестве, но доход производства едва покрывал расходы, связанные с содержанием мастерской. Но конечно, не доход был основным стремлением в деятельности хозяйственного отдела Миссии, но «снабжение церквей теми необходимыми предметами, которые в свое время были из церквей расхищены и без которых совершение богослужений и внутренний вид храмов многое бы потеряли»⁵². Пунктом распространения этих предметов являлся магазин предметов церковного обихода. Он полностью обеспечивал потребности не только жителей Пскова, но и приезжих из других городов, деревень и отдаленных регионов⁵³.

До начала действия Миссии проблему обеспечения предметами христианской веры народ решал самостоятельно, насколько позволяли возможности. Один из миссионеров вспоминает, что встречались умельцы, изготавливавшие нательные крестики из советских монет. А поступавшие крестики из только что организованного магазина Миссии освящались сотнями и затем нарасхват раскупались прихожанами⁵⁴.

Таким образом, деятельность всех предприятий хозяйственного стола Управления Миссии способствовала восстановлению храмов, богослужений и вообще церковной жизни. Предметы церковного искусства, изготовленные в мастерской и продаваемые в церковном магазине, не являются ли одним из средств христианского просвещения и миссионерства? Как известно, православная икона является проповедью Слова Божия в красках...

Возрождение приходской жизни

Первые посланники Миссии прибыли в Псков вечером 18 августа 1941 г. и сразу же попали в Троицкий кафедральный собор на богослужение, которое совершалось под великий праздник Преображения Господня. А за день до приезда миссионеров в главном храме Пскова была отслужена первая литургия после нескольких лет молчания и запустения. Совершал эту службу прот. Сергей Ефимов, по воле и милости Божией оказавшийся в эти дни в Пскове. О. Сергей, уже престарелый священник, незадолго до начала войны был арестован в Латвии, пережил ужасы застенков НКВД, готовился принять мученическую смерть. Однако вместе с отступлением советских войск из Прибалтики группу арестованных, в которой находился и о. Сергей, перевезли в Псковскую область в тюрьму г. Острова. Оттуда он вместе с другими узниками был освобожден солдатами немецкой армии и «смог поведать сидевшим доселе во тьме большевизма о милосердии к ним нашего Спасителя»⁵⁵.

Действительно, о. Сергей Ефимов оказался первым миссионером, начавшим реальное дело восстановления церкви на территории даже еще пока не учрежденной Псковской миссии. 14

августа 1941 г. недалеко от г. Острова в погосте Елине им был освящен первый храм и совершена литургия «на свободной от большевизма русской территории»⁵⁶. По свидетельству самого о. Сергия в конце службы к елинскому храму подъехал автомобиль с немецкими солдатами. Без долгих объяснений священника «прямо из храма отвезли в г. Псков для совершения там богослужения и крестного хода»⁵⁷.

Это богослужение и совершилось накануне приезда миссионеров из Латвии. Закончилось оно крестным ходом, бедным по количеству святых икон и хоругвей. «Но вряд ли с таким молитвенным подъемом совершались когда-либо крестные ходы в городе в прежние годы»⁵⁸.

С прибытием первой группы священников, членов Миссии, началось «настоящее устройство церковной жизни. Пастыри-миссионеры с ревностью взялись за возложенные на них обязанности»⁵⁹. Первые дни были посвящены приведению в должный вид главного храма города — Троицкого кафедрального собора. Несколько последних лет в нем находился атеистический музей и «повсюду были видны следы работы кощунников из персонала антирелигиозного музея»⁶⁰. Из подвального храма-усыпальницы «безбожниками» были выброшены и поруганы останки псковских святителей и других именитых людей Пскова. Все это собиралось, очищалось, «водружалось на должное »место". Из городского музея (Поганкиных палат) в собор было передано множество священных предметов, церковной утвари, святых икон, в том числе чудотворные: блгв. князя Всеволода, а чудотворная Тихвинская икона Божией Матери была привезена немцами из Тихвинского монастыря и также была передана собору. На колокольню были возвращены колокола.

После восстановления Троицкого собора началось возрождение и других храмов города. По архивным описаниям церковной жизни, в декабре 1943 г. в Пскове совершалось богослужение в восьми церквях: в кафедральном соборе, в Михайло-Архангельской церкви, в Дмитриевской, в Алексеевской, Варлаамовской, Казанской, Бутырской и нерегулярно в Иоанно-Богословской церкви⁶².

Не прошло и недели со дня прибытия миссионеров из Прибалтики, как в Миссию начали обращаться ходоки из пригородных церквей, уже восстановленных силами верующих, с просьбой послужить в их храмах. Потянулись и делегации из более отдаленных районов — просители священников на приходы. Весть о том, что в Пскове восстанавливаются храмы, совершают богослужения и «батюшков много навезли», быстро распространялась все дальше и дальше по территории Псковской миссии⁶³.

Большинство священников Миссии разъехались по районам, чтобы «...zareкомендовать себя на местах»⁶⁴. Но и там они не сидели, а перебирались в самые глухие закоулки, неся в своем сердце радостную весть, всюду проповедовали Слово Божие, которое не произносилось открыто уже долгие и томительные годы⁶⁵. Всюду миссионеры быстро находили взаимопонимание с населением, вникая в нужды, помогая ему примерами и советами, выполняя главную задачу, которую ставил перед ними экзарх Сергей — налаживание и упорядочение церковно-приходской жизни⁶⁶.

Эта задача была выполнена. В августе 1942 г. на территории Миссии действовала 221 церковь, тогда как накануне войны ни в одном храме не звучала молитва (исключение составляют 5 храмов на территории Ленинградской области, оказавшихся в ведении Православной Миссии)⁶⁷.

Понятно, что при всей активности миссионеров собственными силами такой титанический труд одолеть было невозможно. О. Алексей Ионов, окормлявший г. Остров, Опочку и их округу, восстановил 15 храмов. И все ремонтировалось личными средствами и силами населения⁶⁸.

Необходимые работы производились быстро, аккуратно и тщательно с большим подъемом и энтузиазмом.

Так, о. Алексей вспоминает, как в г. Острове ему постоянно помогал в деле восстановления храмов молодой советский инженер Н.Н., и «сомневаться в его вере, в его искренности было нельзя»⁶⁹. То есть подобно тому, как и сама Миссия явилась откликом на духовное движение и просьбы верующих людей оккупированных территорий возродить церковную жизнь, так и реальное восстановление конкретных соборов, храмов, погостов, часовен полностью проводилось населением, основная масса которого — дети, старики, женщины и подростки. Возможно, на первый взгляд, такая деятельность членов Миссии, как восстановление и освящение церквей, не может носить характера просветительно-миссионерского. Однако нужно отметить, что без восстановленного храма не будет церковной проповеди, не будут совершаться богослужения. А ведь именно богослужение (не говоря о проповеди) есть один из источников церковного просвещения. Питаясь от этого богатства, христиане всегда проникали в богословскую ткань Православия, научаясь духовной мудрости и укрепляясь в вере. Особенно же это было актуально для тех времен, когда вслух читались «тайные молитвы», богослужение шло на понятном языке и произносилась полнокровная церковная проповедь. Помимо этого, сам процесс восстановления храмовой жизни способствовал сближению священника и его паствы, давал возможность немой проповеди веры, которая излучалась от миссионеров и зажигала тех, кто трудился рядом и видел самоотверженность, жертвенность, готовность всегда и всюду служить делу «Христовой победы»⁷⁰.

И когда группа молодых священников-миссионеров шла по Пскову в те августовские дни 1941 г. — это ведь тоже была миссия людям, которые «годами не видели так спокойно, с достоинством проходящих »служителей культа", «врагов народа». Вчерашние советские граждане, а ныне просто русские люди, внимательно вслушиваются в их слова, останавливают прямо на улице, просят благословения, расспрашивают, удивляются⁷¹.

Служение на приходах требовало от священников нечеловеческих усилий. Причем каждому из них приходилось окормлять по два-три прихода, в 1942 г. на 221 храм Миссии приходилось 84 священнослужителя⁷². Свидетельства того времени показывают переполненные храмы, когда порой не все верующие могли вместиться под церковными сводами небольших сельских, провинциальных церквей и «...все остальные сотни стояли во время богослужения у порога на паперти и вокруг, жадно прислушиваясь к каждому возгласу из алтаря»⁷³.

Ярко описаны условия пастырского служения в г. Острове в воспоминаниях о. Алексия Ионова. В воскресный день служба начиналась в 7 часов утра и заканчивалась для настоятеля едва ли не вечером — в 4 часа дня! Сразу же за одной литургией приобщались св. Тайн от 500 до 800 человек. Их же о. Алексей исповедовал — разумеется, на общей исповеди. «Крестили до 80 младенцев одновременно, совершали по 10 погребений. Венчали по три-пять пар, как правило, в одно и то же время»⁷⁴. Для освящения храма порой приходилось уезжать за 40—50 км. А весь край, порученный о. Алексию, располагался в радиусе 50—70 км. По отчетам другого миссионера, о. Владимира Толстоухова, служившего в округе, охватывающем города Новоржев, Опочка, Остров, село Михайловское, Пушкинские Горы и др., за период с августа по декабрь 1941 г. им было совершено свыше 2 тысяч «погребений с заочными проводами»⁷⁵. Последние цифры говорят нам еще и о высокой смертности населения этих районов в первый год войны.

Даже тенденциозное исследование З. Балевица подтверждает, что «миссионеры» трудились в поте лица своего: на месте завербовывали в Миссию новое поколение из тех, кто был мало-мальски сведущ в церковных делах..."⁷⁶. Конечно, без помощников священнику совсем одному было просто невозможно выполнить все обязанности и служения. На помощь приходили обычные люди, прихожане храмов, из которых немало было молодежи. О. Алексей

Ионов вспоминает, например, что привлекал юношей 16—17 лет (недавних комсомольцев) для чтения записок-диптихов на проскомидии, которых было так много, что настоятель не справлялся⁷⁷. Кроме того, в Миссию вливались и некоторые местные священники⁷⁸. Местная газета «За Родину» пестрела объявлениями, приглашающими священников на работу⁷⁹. Однако все это не могло решить для Православной Миссии проблему острой нехватки миссионеров-священников, число которых за год действия Миссии выросло лишь до 84 человек.

Богословские курсы в Вильно

Тогда руководство Миссии принимает довольно смелое для непростого военного времени решение — собственными силами обеспечить священническими кадрами обширную церковную территорию, окормляемую митр. Сергием (Воскресенским). Осенью 1942 г. в газете «Православный христианин», печатном органе Псковской миссии, было опубликовано распоряжение Управления Миссии об открытии в Вильно (Литва) Православных богословских курсов «для подготовки кандидатов на священно-церковно-служительские места»⁸⁰. Возможно, такая формулировка подразумевала то, что выпускники курсов будут не просто священнослужителями, но пастырями-миссионерами и катехизаторами. Ведь именно в таких служителях нуждалась Миссия, исходя из задачи возрождения церковной жизни, пробуждения людей от духовного сна. В некотором смысле Богословские курсы можно назвать школой катехизаторов, ведь катехизация, о которой будет сказано ниже, была одним из насущных моментов пастырского служения.

На курсах предусматривалось двухгодичное обучение. Слушателями могли стать лица не моложе семнадцати лет. Причем окончившие средние учебные заведения принимались на обучение без испытаний, а окончившие не менее 6 классов церковных учебных заведений (или основную школу) — с испытаниями по общеобразовательным предметам. Всем желающим предлагалось прислать в Псков, в Управление Миссии, прошение о принятии на курсы, свидетельство о рождении и крещении, об образовании, а также «приложить отзыв духовного отца или благочинного, или приходской общины»⁸¹.

В Псковском архиве существует дело, целиком составленное из прошений, поступивших в Православную Миссию Пскова. Из тех, кто желал поступить на пастырские курсы, было немало детей священников, церковных старост, регентов — они хотели продолжить дело отцов и дедов, служение Господу и ближнему. Среди подавших прошение были и высокообразованные люди, например преподаватель Ленинградского государственного университета, имеющий научное звание, — Селиванов Григорий Дмитриевич⁸², и обычные крестьянские дети. Некоторым отказывали из-за возраста; так, одному из просителей было всего шестнадцать лет⁸³. А кому-то, как, например, Г.И. Радецкому, служившему переводчиком в Управлении Миссии, отказывали в связи с тем, что «ему еще не отыскан преемник...»⁸⁴. Утверждал списки принятых на курсы непосредственно митр. Сергий.

Занятия на курсах начались 20 декабря 1942 г. Отобранным абитуриентам канцелярия Миссии высылала вызов и удостоверение на немецком языке, освобождающее от работ и разрешающее проезд в Вильно.

К августу 1943 г. на курсах обучалось 38 человек. Ректором этой школы был профессор-протопресвитер Василий Виноградов⁸⁵. Благодаря письмам воспитанников курсов можно составить хотя бы неполную картину жизни семинаристов. Сама школа находилась в Вильно, в Свято-Духовском монастыре. Учебный день начинался с молитвы в храме и был плотно насыщен занятиями с самого утра. С трех до пяти — свободное время, а потом вновь на занятия. Ведь за короткий срок нужно было изучить семинарский курс. Вечер заканчивался вновь общей молитвой в храме⁸⁶.

Богословские курсы содержались на средства Миссии при весомой помощи Латвийской и Литовской епархий⁸⁷.

Все воспитанники обеспечивались хлебными карточками и жильем. Семинаристы, не имеющие средств (таких было большинство), жили, питались и учились совершенно бесплатно⁸⁸.

Известно, что уже в 1943 г. несколько воспитанников Богословских курсов были рукоположены митр. Сергием во иереи⁸⁹. А в начале 1944 г. «благодаря прибытию священников из других мест России, а также благодаря многочисленным рукоположениям... число священников возросло до 175». Но чтобы «... вполне удовлетворить испытываемую в области Миссии острую нужду в священниках», это число нужно было увеличить в три раза⁹⁰. Хотя, конечно, те надежды и планы, которые руководство Православной Миссии имело по отношению к этой школе пастырей, не смогли реализоваться в полной мере, ведь полноценный выпуск должен был состояться накануне Рождества Христова 1945 г., Псковская же миссия просуществовала до весны 1944 г., едва ли не до последних дней, когда город Псков оказался фактически на линии фронта и был почти полностью разрушен.

Издательская деятельность Миссии

Одним из активных направлений практической деятельности Псковской миссии стала издательская работа. На печатные издания Миссии у населения был огромный спрос. Однако полностью обеспечить ими всех верующих, окормляемых «Православной Миссией в освобожденных областях России», было трудно. Несмотря на некоторую поддержку печатания миссионерских изданий со стороны отдела пропаганды, дело это требовало крупных затрат. Другая трудность была связана с транспортировкой уже готовой продукции, ведь типография «по причинам технического характера» находилась в Риге. Тут же помещалась и редакция печатного органа Миссии, — периодического журнала, предназначенного для областей, находящихся в ведении Православной Миссии⁹¹. Ответственным редактором этого издания был И.П. Четвериков⁹². Журнал имел довольно обычное название — «Православный христианин». Начало его издания было положено в августе 1942 г., спустя год после основания Псковской миссии.

В первый год было издано пять номеров журнала, по 30 тыс. экземпляров каждый номер. В 1943 г. число номеров выросло до 14, хотя тираж некоторых с 30 тыс. опустился до 20 тыс. экземпляров. Помимо «Православного христианина» печатались молитвенники (100 тыс. экз.) и накануне 1943 г. вышел Православный календарь на этот год (30 тыс.), имевший большую популярность⁹³.

К сожалению, сведений об издательской деятельности Миссии совсем немного, и потому невозможно установить, что еще было выпущено для нужд христианского просвещения. Несомненно, что миссионерское служение и евангелизацию невозможно представить без Св. писания. Именно его издание и обеспечение им верующих христиан должно было стать одной из главных забот Псковской миссии, как это было всегда во внешней миссии, обращенной к нехристианскому населению окраин России или действующей в других нехристианских странах.

Немалую роль в миссионерском делании, конечно, сыграл журнал «Православный христианин». Несмотря на то, что редакция находилась в Риге, зачастую сбор, подготовка материалов и нередко написание статей осуществлялось членами Миссии, в частности работниками Управления Миссии. Это совсем не случайно, так как журнал (как указывалось выше) по сути являлся печатным органом Православной Миссии. В нем Управление Миссии публиковало свои циркулярные распоряжения, обращения к православным христианам митр.

Сергия (Воскресенского), известия, касающиеся жизни Православной Миссии, сведения о новых назначениях и рукоположениях во священники, праздничные послания Миссии своей пастве. На этой, так сказать, официальной части журнала издатели не останавливались, и его остальное содержание как раз и носило просветительский характер и было не менее важным. Материалы здесь были самые разнообразные: поучения святых отцов церкви, например, св. Иоанна Златоуста «О необходимости и силе покаяния» и др.; проповеди исповедников веры и святителей-современников XX в., таких как патриарх Тихон «Мысли о Церкви», архиеп. Рижский Иоанн (Поммер) «Жажда бессмертия», еп. Охридский Николай (Велимирович) из Сербии «Русскому ветерану, который оплакивает свою распятую Родину» (все трое ныне причислены разными церквями к лику святых — прим. ред.); статьи, подготовленные редакцией журнала и членами Миссии, например, о Кириллом Зайцом «Роль женщины в борьбе за Церковь Христову». Другие материалы посвящались вероучительному аспекту: «Крест (Христов) Господень», «Слава Божией Матери в Ее св. иконах»; каритативному направлению: «Будь ближе к человеку». Делалась даже попытка разобраться, в чем причина тяжелых испытаний, обрушившихся на Россию, на Русскую церковь: «Русскому патриоту — верному сыну св. Православной церкви». Уделялось внимание подвигу исповедников веры, положивших душу свою за св. Церковь, за свою паству. В одном из номеров было опубликовано циркулярное распоряжение Миссии о восстановлении уничтоженных за годы гонений летописей приходов, о составлении списков погибших священнослужителей и о подробном описании приходской жизни в период гонений. Отсылаться должны были эти документы в Управление Миссии. Этот призыв Православной Миссии свидетельствует о том, что миссионеры понимали, насколько важна история РПЦ нового, советского периода, они видели в этом свой долг христианина — восстановить имена новомучеников за веру Христову. Это же говорит нам, как серьезно и ответственно относились к своему положению деятели Псковской миссии, независимо от того, сколь долгий срок отпустит им Господь для их служения на израненной русской земле. С подобным призывом собирать материалы «о мучениках за веру» времен революции, гражданской войны и массовых чисток диктатуры пролетариата обращался еще во время войны Богословский институт в Париже. Призыв был тогда «горячо воспринят архиеп. Латвийским Иоанном (Поммером), поручившим это дело благочинным...»⁹⁴.

Была в журнале и постоянная рубрика «Ученые люди и вера в Бога». Она посвящалась Амперу и Бисмарку, Песталоцци и Пушкину, Павлову и Лейбницу. Уделялось место и классикам русской литературы. Произведения А. Плещеева, А. Майкова, А. Ремизова, Ф. Достоевского можно было прочесть в «Православном христианине». В одном из номеров были опубликованы воспоминания о. Сергия Ефимова о начале его служения на псковской земле и о первых шагах Православной Миссии в Пскове в августе 1941 г.

Главное, что хотели донести издатели «Православного христианина» до своих читателей, это понимание закономерности трагических событий последних 20 лет. Народ православный в своем большинстве по сути отвернулся от Бога. Продолжая совершать обряды, соблюдая внешние стороны культа, на деле он все дальше уходил от «праведных и истинных путей Царя Святых» (Откр 15:3). Только покаяние и оживление духовной жизни могло вернуть его в лоно Церкви.

По-видимому, в таком направлении проходила подготовка миссионеров-священников на Богословских курсах в Вильно. Ведь и обучение на курсах, и издание номеров «Православного христианина» проводились фактически одними и теми же людьми — членами «Православной Миссии в освобожденных областях России».

(Окончание следует)

* Студент III курса Свято-Филаретовской высшей школы

- 1 Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927—1943 гг.//Вопросы истории. 1994, № 4. С. 42.
- 2 Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920—1940. Сб. документов. Рига, 1962. С. 8.
- 3 Смиречанский В. Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии 1589—1880. Псков, 1875. С. 10.
- 4 Дмитриевский В.Н. Деятельность св. князя Всеволода-Гавриила с религиозно-нравственной точки зрения в связи с современным ему состоянием Руси//Псковские епархиальные ведомости. 1894, № 1. С. 16.
- 5 Смиречанский В. Указ.соч. С. 221.
- 6 ГАПО (Государственный архив Псковской области), ф.1633, оп. 1, д.4, л.32.
- 7 Там же.
- 8 Васильева О.Ю. Указ.соч. С. 41.
- 9 Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967. С. 19.
- 10 Васильева О.Ю. Указ.соч. С. 41.
- 11 Балевиц З.В. Православное духовенство Латвии 1920 — 1940. Сб. документов. Рига, 1962, С. 21 и далее.
- 12 Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967. С. 14.
- 13 Васильева О.Ю. Указ.соч. С. 44.
- 14 Раевская-Хьюз О. О Псковской Миссии//Прот. Георгий Бенигсен. Не хлебом единым. Москва—Клин, 1997. С. 228.
- 15 Прот. Алексей Ионов. Записки миссионера (Псковская Миссия)//По стопам Христа. Православное изд-во прот. Николая Веглайс. Берклей, Калиф., США. 1954, № 50. С. 11.
- 16 Прот. Георгий Бенигсен. Не хлебом единым. Москва-Клин, 1997. С. 234.
- 17 Прот. Алексей Ионов. Указ.соч. С. 11.
- 18 Там же. С. 11.
- 19 Там же. С. 12.
- 20 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 18.
- 21 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. С. 13.
- 22 Прот. Георгий Бенигсен. Указ. соч. С. 236.
- 23 Там же. С. 236.

- 24 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. С. 13.
- 25 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 19.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Раевская-Хьюз О. Указ. соч. С. 231.
- 32 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 19.
- 33 Там же, л. 18.
- 34 Там же, л. 16.
- 35 Там же.
- 36 Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967. С. 29.
- 37 Там же. С. 27.
- 38 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. С. 29.
- 39 Там же. С. 12.
- 40 Прот. Георгий Бенигсен. Указ. соч. С. 235.
- 41 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. С. 29.
- 41 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 29—31.
- 42 Там же.
- 43 Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920—1940. Сб. Рига, 1962. С. 176.
- 44 Прот. Сергей Гаккель. Мать Мария. Материалы по истории церкви. Кн. 2. Всецерковное православное молодежное движение. 1993. С. 43.
- 45 Раевская-Хьюз О. Предисловие//Прот. Георгий Бенигсен. Не хлебом единым. Москва-Клин, 1997. С. 3.
- 46 Там же. С. 3.
- 47 Прот. Кирилл Зайц. Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины. Джорданвилль, 1956. С. 16 и далее.
- 48 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 4, л. 4.

- 49 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 16.
- 50 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 4, л. 16.
- 51 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 10, л. 4.
- 52 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 20.
- 53 Там же
- 54 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. С. 16.
- 55 ГАПО. ф. 1633, оп. 1, д. 4, л. 31.
- 56 Там же.
- 57 Там же.
- 58 Там же.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Там же.
- 62 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 10, л. 19.
- 63 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. № 51. С. 17.
- 64 Там же. С. 14.
- 65 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 18.
- 66 Там же.
- 67 Там же. д. 4. л. 32.
- 68 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1955, № 53. С. 19.
- 69 Там же. 1955, № 52. С. 11. Прот. Г. Бенигсен. Указ. соч. С. 237.
- 71 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1954, № 50. С. 15.
- 72 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 4, л. 32.
- 73 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч., 1954, № 51. С. 18.
- 74 Там же, 1954, № 52. С. 15.
- 75 Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967. С. 32.
- 76 Там же. с. 31.

77 Прот. Алексей Ионов. Указ. соч. 1955, № 53. С. 20.

78 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 33.

79 Попова О.В. Благотворительная деятельность Псковской Православной Миссии (1941—1944)//"Псков". Научно-практический историко-краеведческий журнал. 1997, № 7. С. 53.

80 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 4, л. 4.

81 Там же.

82 Там же, д. 12, л. 10.

83 Там же. д. 12, л. 15.

84 Там же. д. 13, л. 3.

85 Там же, д. 14, л. 1.

86 Там же, д. 14, л. 4, л. 8.

87 Там же, д. 3, л. 18.

88 Там же.

89 Там же, д. 4, л. 8.

90 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 41.

91 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 1, л. 13.

92 Балевиц З.В. Указ. соч. С. 42.

93 ГАПО, ф. 1633, оп. 1, д. 1, л. 13.

94 Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920—1940. Сб. документов. Рига, 1962. С. 8.

Священник Владимир Вильгерт: Воспоминания об отце Таврионе (Батозском)

Дневники, письма, воспоминания

Моя мать, р.Б. Валентина, с детства крещеная и воспитанная в религиозной деревенской семье, с начала самостоятельной жизни, в которую она вступила 14-летней няней в Риге, видимо, не теряя веры, в то же время жила как большинство советских людей. Училась в вечерней школе, устроилась на работу, вышла замуж. Родились дети: забота о хлебе, квартире, благосостоянии — круг ее забот и интересов. В этот период вступила даже в партию. Впоследствии она не могла толком объяснить этого шага, видимо, просто плыла по течению. Но в 1968—1970 годах она стала чаще ходить в храм, дома появились книжечки религиозного содержания. В

монастырский храм преп. Сергия брала она и нас, детишек. В круг знакомых вошли несколько благочестивых женщин, которые помогали нашему воцерковлению. Наконец, однажды одна из них пригласила мать съездить в Пустыньку — монастырь под Елгавой.

Вернувшись из поездки, мать с чувством рассказала нам о монастыре, лесе и чудном батюшке. И в следующий раз она уже взяла и нас с собой. Мы прибыли в Пустыньку поздно вечером и устроились на ночлег у послушницы Ирины в скромном домике у колодца. После чая и разговоров, кратко помолясь, легли спать, но уснуть не удалось по причине многочисленных клопов. Часть ночи прошла в борьбе с ними, и утром, недостаточно отдохнувшие, мы молились в храме преп. Иоанна Лествичника. Служение о. Тавриона мне тогда не запомнилось. Осталось впечатление от деревянного храма, от балок сруба, от полумрака и какой-то уютности. Поездки стали повторяться. Ночевали иногда у п. Ирины, иногда у родственников в Елгаве, а рано утром на автобусе добирались до Пустыньки. Поначалу нести эти труды у меня большого желания не было. В Елгаве мы, дети, встречались с двоюродной сестрой, весело проводили субботний вечер, а утром надо было рано вставать и, иногда в непогоду, отправляться в монастырь. Но потом что-то изменилось. Я почувствовал тягу бывать в Пустыньке. Благодатность служб, весь дух монастыря находили отклик в душе. Приезжая в Пустыньку, мы оказывались как бы в другом мире. С одной стороны, после шумного города с его суетой и темпами жизни нас встречал сосновый лес, чистый воздух, деревенский размеренный быт, с другой, — и это отмечают многие бывавшие в Пустыньке, — мы погружались в некое неземное измерение, где близко чувствовалось благодатное веяние Духа Святого.

На весенние каникулы 1970 г. в Пустыньку я отправился уже один. Мать, провожая, дала мне с собой на жертву в монастырь литровую банку мёда и 10 рублей денег. Последним автобусом из Елгавы доехал до поворота на Пустыньку. Автобусная остановка находилась дальше по дороге в метрах 400, но паломники обычно просили шофера остановить на перекрестке. На нем я и вышел. Сопутчицей моей оказалась одна из духовных чад батюшки р.Б. Лидия. Впоследствии я близко с ней познакомился. О. Тавриона она знала еще по его служению в Ярославской епархии, в Пустыньку последовала за старцем, работала в Елгаве в каком-то учреждении уборщицей, а все остальное время жила и трудилась в монастыре. Вдвоем, в темноте, по грунтовой дороге пришли мы в Пустыньку.

Лидия отвела меня на трапезу и устроила на ночлег. Поселили меня в каменном, белого кирпича корпусе в комнате с двумя молодыми людьми, обоих звали Александрями. Оба были неофитами, оба желали служить Церкви в священническом сане.

Невозможность поступить в семинарию по причине идеологического контроля привела этих людей в Рижскую епархию, где мудрый архиепископ, впоследствии митрополит Леонид (Поляков) умел иногда протолкнуть своего кандидата сквозь тесные врата уполномоченного по делам религии. В ожидании решения своего вопроса ребята жили в Пустыньке, где их привлекали к участию в богослужении. Они читали часы, шестопсалмие, Апостол и трудились на равных монастырских послушаниях. Один из них, Александр Фокин, даже устроился где-то работать в Елгаве и переплетал книги для о. Тавриона. Лет через 20 я его встретил в сане дьякона Вологодского кафедрального собора.

Мое кратковременное пребывание в Пустыньке, около недели, попало на время Великого поста, и длинные покаянные службы дали мне почувствовать трудность монашеского молитвенного делания. Особенно трудно было вставать утром, в холоде умываться и еще затемно идти в церковь. Постное облачение храма, скромное освещение клироса, немногочисленные старицы-монахини в левом крыле храма и бьющие поклоны паломники — это живое впечатление тех дней. О. Таврион выходил из алтаря на поклоны и для чтения. В мантии, клобуке и епитрахили, держа в руках книгу, он читал, стоя на солее. Рядом ставили

переносную лампу. Зрение у него было хорошим, до самой смерти очки не носил. Что читал он тогда, я не помню, да и не запомнил бы по малому тогдашнему знанию богослужения и святоотеческих творений. Впоследствии я узнал, что это были именно творения св. отцов. О. Таврион рассказывал, что он таким образом прочитал «Невидимую брань» св. Никодима Святогорца и скорбел, что никто из монашествующих не пришел с вопросами о прочитанном и ни у кого не возникло потребности в духовном руководстве. Читал батюшка также каноны на утрене. В центре храма у праздничной иконы на аналое, иногда двух, разложены богослужебные книги. О. Таврион в ризе и митре характерным энергичным голосом читает тропари поочередно с монахиней (то были ин. Варфоломея и м. Афанасия). Каких-то особенностей великопостных служб не помню, так как бывал на них нечасто: в Пустыньку я приезжал на каникулах, да по выходным дням, а Великий пост приходился на учебное время.

Общей чертой всего служения старца была активность его как предстоятеля. Не одно молитвенное пребывание в алтаре, но и стремление зажечь молитвенной искоркой народ и клирос руководило им. Отсюда — его регентование на левом клиросе, куда он выходил на стихирах, частый призыв к пению всем храмом тех неизменяемых песнопений, которые известны каждому верующему. Левый клирос был полностью детищем о. Тавриона. Составлен он был из духовных чад батюшки, которые периодически приезжали из разных концов страны, обычно мест служения старца, и какое-то время жили, молились и трудились в Пустыньке. Поэтому состав хора постоянно менялся. Это были простые женщины без музыкального образования, но часто с хорошим слухом. Пели на два голоса, но полноценное звучание было лишь с о. Таврионом. Он, как головщик, громким высоким баритоном твердо вел мелодию гласа. Иногда он задавал тон, например, мажорную терцию, не называя нот, и собранными указательным и большим пальцами, направленными вверх, подчеркивал звучание верхней ноты для дискантов. Следил он и за стройностью пения. Если появлялся диссонирующий голос, то строгого взгляда, а иногда и предостерегающего жеста было достаточно, чтобы человек внимательнее прислушался к своему звучанию в хоре. На службе пели клиросами, начинал правый монастырский, где по большей части читали стихиры и исполняли более сложные песнопения. Правый клирос тоже не был обделен вниманием старца. Регентом там была инокия Варфоломея, недавно поступившая в монастырь и с уважением относившаяся к о. Тавриону. Временами он приглашал ее к себе, разъяснял уставные моменты службы и поручал разучить новые песнопения. Так на правом клиросе стали петь «Имже образом желает елень», «Аще и всегда», полиелей с канонаршением почти всех стихов 134-го и 135-го псалмов.

Вообще, о. Таврион часто говорил в проповедях о пении, призывая мирян соучаствовать в богослужении своим пением и чтением. Он считал, что безнадежно немusикальных людей нет. Слух можно развить, проявив терпение и усидчивость. От природы одаренный слухом и голосом, батюшка рассказывал, что он, тем не менее, в 20-е годы молодым монахом много трудился над своими данными. В лесу или в пустом храме он отрабатывал моменты служения дьякона, священника, спрашивал совета у известных московских регентов. В то же время в его служении не было никакой академичности, а очень живое молитвенное взывание. Дома о. Таврион иногда слушал пластинки. Записей русских церковных композиторов тогда практически не было, зато произведения западных авторов, писавших для церкви, имелись в продаже, и о. Таврион имел большую фонотеку. Это были Бах, Бетховен, Гайдн, Моцарт и др. На слушание какой-нибудь мессы приглашались и близкие духовные чада. Другой раз музыка звучала фоном, а батюшка занимался текущими делами, в первую очередь обширной перепиской. В период Святков ставились пластинки с украинскими колядками, пелись они и в храме. Московские священники, гостившие в Пустыньке, привозили в подарок старцу редкие записи. Когда я близко познакомился с о. Таврионом, мне было лет 11—12, музыкой со мной до этого не занимались, сам я не был певческим ребенком, и тем не менее, батюшка благословил приобрести мне и сестре инструмент и заняться музыкой. Хотя я впоследствии мало

усердствовал об этом благословении, эти уроки дали мне многое.

Несколько дней весенних каникул прошли быстро и, уезжая, я пошел на благословение к старцу. Принимал он, отслужив Литургию, в будни после завтрака, а в праздничные и воскресные дни — после обеда и небольшого отдыха. В то время дом о. Тавриона не имел еще многочисленных пристроек и веранд, и посетители входили в дверь напротив паломнической трапезной. Они попадали на небольшую веранду и далее в дверь по коридору направлялись в приемную комнату. Коридор разделял дом на две половины: справа — покои батюшки, слева — приемная и кухня. Была еще и летняя кухня напротив веранды, где готовили летом и разбирали получаемые от благодетелей посылки. Летом о. Таврион часто принимал на веранде. На прием я принес мёд и деньги, данные матерью. Старец с благодарностью принял приношение, пригласил приезжать. Я, конечно, очень робел, ничего не спрашивал. О. Таврион благословил меня, и я поехал домой. Мать была рада за меня, но когда наступили летние каникулы, на семейном совете было решено отправить нас, детей, в деревню, на родину матери в Смоленщину. Туда отправляли нас ежегодно. Трехмесячное пребывание в русской деревне без храма может и было полезно телу, но не душе. О. Таврион любил повторять в проповедях святоотеческую мысль, что душа ребенка — это мягкий воск, на котором родители, взрослое окружение ставят печать воспитания. И от них зависит, отпечатается ли в душе образ Христа.

О русской деревне, прошедшей лихолетья безбожия и взрастившей человека «новой формации», сказано много. И хотя «не стоит село без праведника», и видимо, здесь также были верующие богомольные старушки, жизнь села определяли не они.

Тем летом попробовал я и курить, и ругаться, сверстники просветили по вопросам пола, человеческих взаимоотношений.

Лишь однажды летом, в приезд матери в отпуск, мы отправились километров за 10—12 в храм. С каникул вернулся я отвыкшим от церкви, молитвы, но в Пустыньку тянуло. Тот год был для нашей семьи особым: мы получали собственную двухкомнатную квартиру (до этого жили в однокомнатной коммунальной), и занятость этим делом не позволяла отправлять меня в монастырь.

Наконец, на весенних каникулах мы переехали на новое место жительства. В этом событии я усматриваю особый Промысел Божий. На прежней квартире, где я жил с самого рождения, у меня было много знакомых ребят, мы постоянно осуществляли какие-то детские затеи, я жил двором. На новом месте для меня все было чужим, и я не сдружился с местными сверстниками.

Стал более домашним, появился интерес к чтению. По окончании 5-го класса, летом я вновь отправился в Пустыньку и прожил там все три месяца. В это время началось мое церковное служение. По благословению о. Тавриона я стал петь и читать на клиросе, прислуживать в алтаре. К концу лета батюшка поселил меня в своем доме, в приемной комнате. Таким образом, я мог наблюдать за жизнью старца в непосредственном общении с ним.

День у него начинался очень рано. Не помню, чтобы я проснулся раньше батюшки. Обычно он будил меня незадолго перед отходом в храм, т.е. около половины пятого утра. Поэтому о его молитвенной подготовке к службе определенно сказать не могу. Утром он всегда был очень собран, сосредоточен и немногословен. Войдя в храм, о. Таврион по-монашески совершал три поясных поклона, прикладывался к праздничной иконе, которая в будние дни стояла у правого клироса. Старец подчеркивал, что центральное место храма — алтарь, и загораживать его аналоем с иконой не позволял. В какие-то моменты службы икона ставилась в центр храма, например на полиелей, когда и богослужение как бы переносилось сюда из алтаря.

Далее батюшка направлялся на амвон и у царских врат читал входные молитвы, входил в алтарь, поклонялся престолу и облачался. К алтарю у него было особое благоговение. Облачался он в небольшой ризнице у южных врат иконостаса и однажды сделал мне замечание за мое облачение в стихарь в алтаре, порицая такой обычай как неблагоговейный. По окончании службы он всегда сам складывал облачение, показывая, как это надо делать правильно, чтобы оно не мялось. В ризнице были сделаны стеллажи, где и хранилось несколько комплектов облачений.

Облачения о. Таврион любил, и часто к праздникам шились новые ризы. С улыбкой вспоминал он слова одной своей духовной дочери Евдокии, которая в простоте сердца заметила: «Батюшка старый, а наряжаться любит». Парча в то время отечественной промышленностью не выпускалась, но в Риге, в комиссионных магазинах, бывали в продаже привозимые из-за границы отрезки современных тканей с имитацией золотой и серебряной парчи. Старец сам выбирал материал, и весь процесс пошива проходил под его наблюдением. Он указывал, где должны быть ленты, кресты, пуговицы и т.п. Оплечья его риз не имели жесткой подкладки, и потому они облегали плечи и походили на древние. Было у него несколько митр, подаренных архиереем и почитателями, но предпочитал он 2—3 наиболее легкие и удобные. Награжденный тремя крестами (два с украшениями и один — голубой патриарший), носил он их только на большие праздники и на соборные общеградские богослужения в Риге, куда его приглашал владыка Леонид. Обычно же на нем был один крест.

Поездки в Ригу давали о. Тавриону возможность познакомиться с религиозной жизнью Латвии. Вместе с вл. Леонидом они служили в латышском Вознесенском приходе, в качестве гостей бывали на Рождественских богослужениях в католическом соборе. Приглашал их туда архиепископ, впоследствии кардинал Юлиан Вайводс. О. Таврион уважительно относился к католицизму, поддерживались и личные отношения с католическим духовенством. К Рождеству и Пасхе посылались взаимные поздравления. В гостях в Пустыньке бывал упомянутый архиеп. Ю. Вайводс и декан елгавского католического прихода А. Булиньш. Не касаясь различий в вероучении Церквей, о. Таврион подмечал достоинства католической церкви-сестры и стремился использовать этот положительный опыт в своем священническом служении. Достоинствами католицизма он признавал богатый миссионерский опыт, церковную дисциплину. Ему, как монаху, близко было и несемейное духовенство католиков. Были у батюшки и некоторые внешние заимствования, например в украшении алтаря.

Проблема разделения церквей волновала о. Тавриона. Считая разделение исторической ошибкой, он радовался всякому взаимному сближению церквей. Над его рабочим столом в келье висели фотографии встречи Вселенского патриарха Афиногора и папы Римского Павла VI и заседания Второго Ватиканского собора. Для него был ценен дух тех инициатив, которые были проявлены в этих исторических событиях. В условиях Латвии ему, как священнику, часто приходилось встречаться с ситуацией сосуществования, сотрудничества людей разного вероисповедания в коллективах, семьях. Примером может служить и наша семья, где отец был католиком. Он был верующим человеком, на большие праздники ходил в костел, но с начала семейной жизни не мог причащаться по правилам Католической церкви, так как брак был не венчан (мать не согласилась на переход в католицизм, что тогда требовалось для венчания).

Личность о. Тавриона привлекла и моего отца. Он начал приезжать в Пустыньку, бывать на службах, а впоследствии исповедаться и причащаться. Наконец, настал радостный для нас день, когда старец повенчал родителей. Совершенно это было негласно в келье батюшки. При этом никакого формального перехода в Православие не было, но в дальнейшем отец жил православной церковной жизнью. Лишь в последние годы его жизни неосторожность одного священника, потребовавшего формализации в этом вопросе, смутила отца, и он года 3—4 не

причащался. Для нас, детей, это было скорбно. Ко мне как священнику идти на исповедь отцу было трудно. Отпевал его я по православному чину.

После облачения начиналась проскомидия. Каких-то особенностей на ней не было, поминаний длинных тоже. Приезжающие паломники, конечно же, заказывали сорокоусты, годовые и т.н. вечные поминовения за живых и усопших, присылались деньги на помин и по почте. Все имена благодетелей, жертвователей и тех, о ком просили молитв, записывались в синодики, которые прочитывались за проскомидией и литургией певчими левого клироса. Синодиков было много, и в тетрадях и на картонных листах. В алтаре же творилась молитва за тех, кто особенно в ней нуждался. На Литургии, на сугубой ектенье, поминались исповедники, именованные, тяжело болящие. Завершая проскомидию, при возложении покровцев и воздуха, о. Таврион кадил большим куском хвойной смолы, подпалив его на пламени свечи. Смола использовалась как ладан на всех службах, что было естественно в Пустыньке, расположенной в хвойном лесу, и по своему скитскому положению. В дар Богу приносился плод местной природы. Иногда терпкий дымок мешал клирошанам петь, но искусственного запаха патриархийного ладана старец не любил. Пономаркой при батюшке ведала м. Нектария, в схиме Наталия, ровесница о. Тавриона, поступившая в монастырь после войны. Кадило разжигали, положив скруток ниток от огарков в простой древесный уголь. Химический уголь был мало распространен, и приходилось всю службу поддувать кадило. Иногда эта работа требовала значительных усилий, когда уголь отсыревал или когда в небольших храмах при значительном количестве народа и свечей не хватало воздуха.

Окончив проскомидию, о. Таврион начинал общую исповедь. Начальные молитвы последования к Таинству читались на клиросе, затем батюшка читал молитвы и произносил проповедь о покаянии. В этой проповеди повторялись одни и те же мысли, образы, примеры, но удивительно глубоко она касалась сердец слушающих. Всегда были плачущие и вздыхающие о своих грехах. Живые примеры евангельских грешников (блудница у ног Христа, разбойник на кресте, мытарь) вставали перед духовным взором кающихся. Основное, что стремился донести старец до сознания исповедников, это то, что Бог смотрит на сердце человека. Там, в глубине его, совершается покаяние. Предостерегал от удовлетворенности формальным исполнением молитвенного правила, поста. Исповедь, по существу, была общей. Ежедневно причащались почти все паломники (в летние месяцы — до 150—200 человек) и некоторые монашествующие. Частная исповедь, если таковая требовалась, бывала на приеме у батюшки.

Начиналось чтение часов, и люди поочередно подходили под разрешительную молитву. Иногда кто-нибудь просил о. Тавриона выслушать его, и просьба удовлетворялась. Бывали случаи громкого обличения старцем кого-либо из подходивших. У батюшки была привычка в этом случае постукивать указательным пальцем по лбу слушающего, как бы стараясь донести до ума полезное слово.

По окончании часов начиналась божественная Литургия. Главная служба Церкви была для о. Тавриона делом его жизни.

Получив в 30-х годах благословение архиепископа Павлина (Крошечкина), своего духовного отца, на ежедневное совершение Евхаристии, о. Таврион соблюдал это правило до конца дней своих. При самых сложных обстоятельствах жизни он изыскивал возможность не отступить от этого благословения. По его рассказам, в условиях ссылки в Казахстане он имел потаенный престол, антиминос и сосуды для литургического священнодействия и рано утром, до работы, всегда служил. Он чувствовал потребность в ежедневном причащении и даже во время болезней, когда не мог служить в храме, приобщался дома запасными Дарами.

Литургия служилась всегда очень торжественно. В храме зажигались светильники,

отверзались Царские врата. Обычно в Пустыньке старец служил без дьякона, хотя были периоды, когда там стажировались, будучи дьяконами, о. Мелетий, о. Алексей, о. Петр. Ектеньи и возгласы о. Таврион произносил бодро речитативом, не затягивая, без каких-либо голосовых модуляций. По мирной ектенье на первом антифоне псалом пелся полностью. На малом входе, при пении «Приидите, поклонимся», батюшка низко кланялся, держа Евангелие. От престола во время службы почти не отходил.

По прочтении Евангелия выходил на проповедь с малым требным Евангелием в руках и становился на левой стороне амвона, немного развернувшись влево. Слово произносилось обычно на те новозаветные тексты, которые читались в тот день. Говорил проповедь с закрытыми глазами. Специальной подготовки к проповеди не было, но часто накануне о. Таврион прочитывал дневное Евангелие и Апостол. Он очень почитал свт. Иоанна Златоуста и нередко читал его толкования на Священное писание. Проповедь слушалась с большим вниманием. Это было живое одухотворенное слово. Евангельская тема раскрывалась в свете вопросов сегодняшнего дня, и поэтому безразличных не было. Как жить христианину в обществе, провозглашающем безбожие? Что главное в духовной жизни? Как должна Церковь являть современному миру Христа? — Эти вопросы всегда были на повестке дня. И везде красной нитью — тема литургического возрождения, участия в божественной Евхаристии.

Интерес к проповедям старца был велик. Редко где в то время так открыто и смело говорили. Годы тюрем и ссылок не сломили о. Тавриона, а всегдашняя готовность пострадать за Христа делала его бесстрашным свидетелем. Вместе с тем он был ответственен в словах, осторожен в выражениях. Для церковной интеллигенции, хорошо понимавшей эзопов язык, проповеди батюшки были ярким примером противостояния безбожной идеологии. Проповеди записывались некоторыми от руки скорописью, а с появлением портативных магнитофонов — и на пленку. На последнее изобретение, правда, косо поглядывали монахины, не обходилось без искушений. Я также начал записывать проповеди на магнитофон, установив его в ризнице и выведя микрофон на солею. К сожалению, и записывающая техника, и пленка были невысокого качества, отсюда — и недостатки этой работы. В дальнейшем о. Алексей (Рискин), служа в Пустыньке дьяконом, сделал записи проповедей почти всего богослужбного года.

Как было уже указано, редко в какой проповеди не звучала тема таинства Тела и Крови Христовых. О. Таврион готовил молящихся к самому важному моменту Литургии, призывал к тому, чтобы вся наша жизнь стала Евхаристией (благодарением) за этот бесценный дар Господа. И дальше служба проходила в ожидании должного свершения чуда. На сугубой ектенье батюшка добавлял прошения о болящих, о нуждающихся в особой молитве, о тех, о ком некому помолиться. Длинного перечня имен не было.

Перед пением «Верую» о. Таврион обращался к народу: «Поем всею церковью». Этот же призыв звучал и перед «Отче наш». Народ пел. В эти моменты особенно чувствовалась соборность церковной молитвы. После «Верую» правый клирос сходил в центр храма перед амвоном, и евхаристический канон пелся здесь. Эта традиция сохранилась по настоящее время. Так как пелась обычно одна и та же «Милость мира», то многие молящиеся подпевали. На «Верую» в алтаре зажигались дополнительные светильники и свечи. К престолу были приставлены на тумбах канделябры, на каждый ставились по пять парафиновых свечей, и они горели до отпуста. О. Таврион имел право служения с отверстыми Царскими вратами до «Отче наш», поэтому главные моменты службы были видны верующим, особенно в Преображенском храме, где алтарь находится на возвышении. Призывно звучал возглас: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое Возношение в мире приносити».

Помнится замечание, сделанное старцем одному дьякону, у которого этот возглас получался вялым. Батюшка пояснил, что в церкви внешние формы, действия, возглашения должны

отражать смысл совершающегося. Поэтому облик священнослужителя, его походка, голос, жесты имеют большое значение. Он предстоятель и от лица народа Божьего возносит молитвы Господу. Возгласы «Горе имеим сердца» и «Благодарим Господа» произносились о. Таврионом лицом к народу.

Ценявший и стяжавший молитву, старец в эти моменты полностью жил ею. «Тайные» молитвы произносились вполголоса, внимание ни на что не отвлекалось.

Благоговение и молитва исключали всякую суету, разговоры. Летом приезжее духовенство сослужило старцу, и вся служба после начальных взаимных приветствий проходила в тишине. Та же строгость — и на келейном правиле. Однажды, читая вечерние молитвы, я потерял одной ногой другую, и о. Таврион, заметивший это, удивленно посмотрел, остановил чтение и недоуменно спросил, как во время молитвы такое возможно.

По просительной ектении и пении «Отче наш» наступал момент причащения священнослужителей. Зная о святой жизни старца и почитая его праведником, я часто, с сокрушением о своем непотребстве, внимал словам, произносимым о. Таврионом перед причащением, когда он молился о «недостойнейшем архимандрите Таврионе». Это формула, которую произносит каждый священник перед принятием Св. Тайн, но здесь чувствовалась глубина личного покаяния.

На полной Литургии причащался обычно весь храм, на Преждеосвященной допускались только болящие. Когда причастников было очень много, то половина частиц Агнца оставалась на дискосе, чтобы не переполнять Чашу. По мере потребления причастниками Даров они добавлялись в Потир. Несмотря на все меры предосторожности, изредка случались искушения. На плат попадала из неплотно закрытых уст причастника крупица Св. Тайн, и батюшка благословлял быстро ее потребить и строго взыскивал за случившееся.

По заамвонной молитве о. Таврион раздавал антидор тем, кто не причащался. После отпуста в краткой проповеди приветствовались причастники и непременно указывалось на ту радость, ту благодать, которых Господь их сподобил. Сам Христос в твоём сердце, ты имеешь великое дерзновение просить Его обо всем, о себе и близких, здоровье и нуждах. Господь неложен — просимое получишь, но храни дорогого Гостя, не пускай в сердце то, что неприятно Ему, — об этом говорил старец. Во время целования креста, который полагался в центре на аналое, читались благодарственные молитвы, а батюшка потреблял Св. Дары.

Кроме упомянутого обилия света, о. Таврион любил цветы и украшал ими храм и алтарь. Везде у иконостаса стояли вазы с живыми цветами, обильно украшалась ими праздничная икона и престол. Они менялись в зависимости от сезона: в зимнее время цветы были в горшках, летом, начиная от сирени и кончая астрами, все многообразие цветов украшало храм. На Троицу приносились березки, и пол устилался слоем свежескошенной травы. Ею же набивалась подушка, служившая подставкой под Цветную триодь, по которой о. Таврион читал коленопреклонные молитвы. Под Благовещение в ящике проращивали пшеницу, и на праздник молодые зеленые всходы ставили под икону Божией Матери Феодоровской на солее храма преп. Иоанна Лествичника. В палисаднике, под окнами кельи старца, весной высаживались разные цветы.

По окончании литургии никаких заказных молебнов, панихид, акафистов не служилось. О. Таврион постоянно подчеркивал, что полнота богообщения осуществилась в таинстве Тела и Крови Христовых, и дополнительная потребность в частной требе свидетельствует о непонимании смысла Евхаристии. Таким образом, утренняя служба заканчивалась около 8-ми часов, и после трапезы начиналась трудовая жизнь монастыря.

В хозяйственном отношении обитель была разделена на две части — собственно монастырь и «хозяйство» о. Тавриона. Монашествующие имели огороды, скотинку, маленькую пасеку. Сажали картошку, зерно, заготавливали сено. По праздникам на монастырской кухне готовился обед, и после службы бывала общая сестринская трапеза, на которую приглашался и батюшка. Сестры несли послушание на клиросе, отвечали за чистоту храмов, порядок в ризнице. Земледельческие труды сестер о. Таврион не одобрял, считая, что в условиях материальной обеспеченности монастыря все усилия насельниц должны быть направлены на молитву и служение паломникам. В проповедях он указывал на духовную ответственность за каждую жертвуемую копейку, на то, что современное монашество должно явить собою истинный лик Христа, сказавшего: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф 20: 28).

Паломники, приезжавшие со всех сторон большой страны, нуждались прежде всего в утешении. Для большинства такая поездка — это светлый лучик в их скорбной и многомятежной жизни, то время, которым потом жили многие месяцы и годы.

Их пребывание в монастыре не должно было остаться бесплодным. Поэтому так много времени и сил отдавал о. Таврион приему паломников. Думается, что эти уроки требуют усвоения многими современными монастырями.

«Хозяйство» о. Тавриона — это постоянное строительство, ремонт, приспособление помещений для нужд приезжающих.

Какое-либо значительное жилищное строительство в то время было невозможно, это свидетельствовало бы о росте обители.

Поэтому приходилось использовать уже имеющиеся здания. В первую очередь внимание старца было обращено на чердаки. В старых каменных монастырских корпусах они были обширны, и все это пространство приспособлялось для устройства гостиниц. Построены были также сараи, где нижние этажи действительно служили складскими помещениями, а верхние — в качестве больших общих келий. Другие здания понемногу обрастали пристройками, верандами, где также размещались паломники. И тем не менее в летние месяцы, особенно на праздник Преображения, места не хватало. Люди устраивались на ночь на сеновале, в храме.

О. Таврион не только вникал во все это строительство, но и непосредственно руководил им. Он указывал, что и как делать, распределял рабочую силу, снабжал материалами. Летом довольно часто сам отправлялся за покупками в Ригу или Елгаву.

Мне приходилось сопровождать его в этих поездках. Из Елгавы вызывалось грузовое такси, и о. Таврион в кабине, а мы, двое помощников, в кузове выезжали после службы на базы и в магазины. Старец для этого случая переодевался в гражданский костюм, длинные волосы прятал под шляпой. Но заметно это батюшку не изменяло. Почти все — продавцы, грузчики, шоферы — узнавали в нем священника. В магазинах о. Таврион сам выбирал товар и расплачивался за него. Обычно покупалось все оптом: кровати, матрацы, мебель, тазы, краска, строительные материалы и многое другое. В Риге батюшка заезжал в комиссионный магазин, где приобреталось что-то для храма: подсвечники, канделябры, рамы от картин, которые приспособлялись под киоты для икон, иногда и сами картины.

Старец обладал художественным даром. Он рассказывал, что с детства любил рисовать. Бумагу специально для этих цепей ему не давали, и он использовал, что попадется под руку. Однажды разукрасил крышки и днища новых бочек, за что был наказан. Его способности были замечены

в Глинской пустыни, где он и получил начальное обучение в иконописной мастерской. Эти же способности пригодились потом в лагерях и ссылках. Меня заинтересовало, писал ли он там известных вождей? На мой вопрос батюшка только улыбнулся.

Художественные работы о. Тавриона и сегодня можно видеть в Пустыньке. Им писались образы Воскресшего Христа, Богородицы, композиция Рождества. Они исполнены в живописной манере с глубоким чувством благоговения и молитвы.

Все работы от натягивания холста на подрамник до установки образа в храме батюшка производил сам. Трудился он обычно по вечерам на кухне. За образец бралась репродукция какой-нибудь картины, но сюжет немного изменялся.

На Рождество Христово устраивался «вертеп». На круглом щите были написаны Богоматерь, Младенец в яслях и праведный Иосиф, отдельно из фанеры вырезаны ангелы, волхвы и пастухи. Вся композиция устанавливалась в левом крыле зимнего храма среди ёлочек. По окружности щита укреплялись электрические гирлянды разноцветных лампочек. Вспоминая те времена, м. Афанасия в простоте сердца сказала: «Да, чувствовали мы тогда небо на земле! Если Рождество, то мы в вертепе со Христом, если Пасха, то мы воскресаем с Ним». Атмосфера праздников, конечно, непередаваема. Рождество приходилось всегда на зимние каникулы, которые я проводил в Пустыньке. С нового года начиналась подготовка к празднику. Убирался храм, чистились подсвечники, кадила, утварь. Богослужбные сосуды: чашу, дискос, тарелицы о. Таврион мыл сам, воду сливали на кладбище. Устанавливался «вертеп», привозили ёлочки в храм. Одну ёлочку ставили в приемной комнате, она украшалась игрушками и блестками. Храм преображался от новых белых салфеток на аналоях, покровов престола и жертвенника. Часто к Рождеству шилось и новое священническое облачение. В сочельник готовился праздничный стол, заранее оповещались приглашенные из паломников и духовных чад. Всем монашествующим разносились от старца подарки.

Это были гостинцы: шоколад, консервы, бальзам, мед, фрукты. Сами сестры, в первую очередь клиросные, приходили на 2—3-й день к батюшке славить Христа. Служба Рождества совершалась ночью и часам к 4—5 оканчивалась. На разговини в покои старца приглашались 20—25 человек. Во главе стола сидел батюшка, очень радостный.

Указанное строительство велось так, чтобы не привлечь внимания, однако власти были осведомлены, что монастырь живет очень активно и иногда устраивали различные проверки и комиссии. Приезжала милиция с проверкой паспортного режима. По законам того времени проживание в монастыре более трех дней требовало временной прописки. Документы у приезжавших проверяла м. Параскева, но конечно же, никого не прописывали, хотя многие жили неделями и даже месяцами. Приезжали всевозможные инспекторы по земле, архитектуре, строительству, сигнализации, противопожарной безопасности и т.п. Эти незваные гости после формального выполнения своих обязанностей приглашались на обед. Их угощали ястием и питием, давали в дорогу и «на дорожку», и обычно таким образом устранялись какие-то сложности. Иногда «гости» злоупотребляли своим положением, и о. Таврион жаловался на слишком частые их визиты к «кормушке».

Отношение к властям у старца было осторожное. У него, прошедшего горнило лагерей и ссылок, познавшего систему в ее страшной сущности, иллюзий относительно коммунизма «с человеческим лицом» не было. Он до конца жизни был готов к новым гонениям и тюрьмам. Характерен такой эпизод. Году в 1975—1976 расследовалось одно финансовое дело, и подозреваемая дала какие-то показания о причастности о. Тавриона. Он был вызван в Москву для дачи показаний. Перед поездкой привел все дела в порядок и попрощался с монахинями, как могущий не вернуться. Но, слава Богу, обошлось.

Опасаться в те времена было чего. Власти на любого верующего, тем более церковнослужителя, смотрели как на потенциально нелояльного строю гражданина. Священник мог запросто быть обвинен в религиозной пропаганде, что каралось законом. Определенные органы старались шантажом или подкупом склонить священнослужителей к сотрудничеству, либо, если это не удавалось, тотально контролировали деятельность. Рычагов давления у властей хватало: органы милиции, уполномоченный, часто и правящий архиерей. Пустынька для этих служб была объектом значительным. Сюда стекались верующие со всей страны, среди них было много интеллигенции. Кто только здесь не перебивал в те годы: профессора вузов, научные сотрудники институтов, художники, литераторы, врачи, учителя и т.д. (помнится, одну зиму истопником трудился физик-ядерщик с научной степенью.) Уже этого достаточно, чтобы быть под пристальным вниманием. А ведь в Пустыньке бывали и известные диссиденты, журналисты, иностранцы. Как осуществлялся контроль? Присылались кадровые сотрудники, вероятно, имелись осведомители и среди насельниц.

Требовалась осторожность и в отношениях с церковными властями. Зная, что путь к высокому иерархическому положению часто был сопряжен с условием какого-либо сотрудничества в органах (о. Таврион с горечью отмечал, что почти никто из архиереев не чист от этой скверны), батюшка стремился придать этим отношениям по возможности более официальный характер. С правящим архиепископом Леонидом о. Таврион был знаком еще по Ярославской епархии, где оба служили в начале 60-х годов. После смерти в 1968 году духовника Пустыньки схиархимандрита Космы (Смирнова) владыка Леонид исходатайствовал у патриарха Алексия перевод старца на место почившего. Владыка был человеком мудрым и крайне осторожным. Он видел, что церковь в Латвии находится в более благоприятном положении, чем в России, но опасался, как бы о. Таврион своей деятельностью не привлек усиленного внимания властей. Исходя из этого, он делал замечания и распоряжения относительно служения старца. По словам батюшки, однажды ему пришлось заявить об уходе за штат, если этот контроль не будет ограничен пределами разумного. Одной из тревог архиеп. Леонида было пребывание детей в обители.

Проживание несовершеннолетних в монастыре без родителей могло быть расценено властями, как незаконная деятельность церкви по религиозному воспитанию и обучению. Поэтому владыка через о. Тавриона запретил мне появляться в Пустыньке. В общей массе детей, гостивших в монастыре с родителями, я был не замечен и по благословению батюшки лишь прятался во время приезда архиерея. Однажды владыка прибыл без предупреждения в неурочное время и из машины сразу же вошел в покои старца. Деваться мне было некуда, и я залез под стол и, как только появилась возможность, тихонечко удалился.

Вл. Леонид часто приезжал в Пустыньку, привозил сюда своих гостей, что создавало дополнительные хлопоты. Нарушался устоявшийся порядок дня, готовился обед, подарки. Но батюшку отличало гостеприимство. По его благословению каждый приезжавший должен был быть накормлен, устроен в келье. Каждый, если того желал, бывал принят на беседу со старцем. Среди личных гостей о. Тавриона были люди, знавшие его давно, послужившие ему в годы лишений, собратья и сомолитвенники. Ежегодно приезжал из Перми архимандрит Иоанн (Чувизгайлов). С ним батюшка был связан духовными узами, у него он исповедовался и соборовался. О. Иоанн трапезовал в покоях о. Тавриона, и оба старца подолгу общались.

Приезжали в Пустыньку известные своей духовной жизнью митр. Зиновий (Мажуга) (поступивший в Глинскую обитель одновременно с батюшкой), архим. Серафим (Тяпочкин), архим. Моисей из Уфы и другие. Большая дружба связывала старца с схиархим. Андроником (Лукашем), тоже глинским монахом и учеником архиеп. Павлина (Крошечкина). Последние годы своей жизни провел в Пустыньке еще один глинский пострижник, иеродьякон Феопемт.

Он был болен, в храм не ходил, и о. Таврион периодически причащал его в келье. Меня поражало сходство их духовного настроения. Лежа на одре болезни, о. Феопемт все время пел громким голосом церковные песнопения глинских распевов. Иногда батюшка навещал его и для беседы. Вспоминались монастыри, старцы, события 50—60-летней давности. Однажды разговор коснулся Глинской пустыни конца 50-х годов. О. Феопемт начал называть постриженников тех лет, на что о. Таврион заметил: «Это уже не монахи, это шантрапа». Думается, в этом высказывании была не только реакция на события периода настоятельства старца в Глинской пустыни, но и характеристика нового поколения людей, шедших в монастырь, но возвращенных уже советской властью.

Глинская пустынь, духовная родина батюшки, всегда вызывала у него самые светлые воспоминания. Монах по призванию, он с отрочества впитал устав обители, церковные напевы, дух тамошней иноческой жизни. Молитвенным напоминанием о тех годах служил висевший в келье старца чудотворный образ Глинского монастыря «Спас Нерукотворный». Но на дворе были другие годы и совершенно другая жизнь. О. Таврион понимал это и стремился в новых условиях раскрыть красоту и ответственность своего монашеского и священнического служения. Батюшка напоминал, что священник и монах — это крестоносец, предостерегал от ухода с этого пути крестоношения. Внешние обстоятельства не могут служить препятствием для молитвы и проповеди. Любимым выражением старца были слова апостола Павла: «Любящим Бога все содействует ко благу» (Рим 8: 28). Часто в проповедях о. Таврион обличал монашество и духовенство в бездеятельности и нерадении о данной благодати.

Другой отличительной чертой старца была его щедродательность. Этому способствовали и материальные возможности.

Многочисленные паломники, приезжая в монастырь, заказывали различные поминовения, сорокоусты, годовые, вечные.

Часто какая-нибудь богомолка привозила поминовения со всей деревни, поселка. Большие суммы присылались и по почте.

Канцелярскую работу по этим заказам о. Тавриону помогали вести доверенные лица из духовных чад. (Хочется здесь упомянуть Валентину Васильевну Пучкову (ин. Валентина), человека безупречной честности и большой внутренней культуры.) Необходимо было принять деньги, оформить квитанцию, внести имена в синодики, ответить письмом на денежные переводы. Мне иногда поручали клеивать конверты и писать на них обратный адрес. Батюшка подписывал оформленные квитанции, некоторым корреспондентам отвечал более подробно.

В каждое письмо вкладывалась иконочка или открытка. В Рижском монастыре со времен войны сохранился запас литографически исполненных репродукций различных иконок, и игуменья Магдалина (Жегалова) снабдила ими старца.

Изображений было десятка два: Спаситель, иконы Богородицы, святых, праздников. Чем руководствовался о. Таврион, вкладывая ту или иную иконочку в конверт, мне неизвестно, но многими было замечено, что выбор значимый. Если в ответ на просьбу молитв о болящем присылалось изображение Распятия или «Страстной» Богородицы, то готовься к скорби, и наоборот, радостной весточка была с иконочками вмч. Пантелеймона, свт. Николая. Часто посылались открытки с видами храмов, монастырей, зданий Старой Риги. В книжных магазинах я всегда присматривал что-то подходящее, привозил батюшке, и если он одобрял, то приобреталось уже большое количество.

Поступавшие деньги шли в первую очередь на нужды монастыря, на работы по его благоустройству. Значительные суммы отправлялись владыке, игуменье. Нередко благотворил о. Таврион неимущим паломникам. Поиздержится иной, так что и на билет обратный не хватает, старец провидит нуждающегося и спросит: «А на дорожку-то есть?» И даст как раз столько, сколько необходимо. Были просители и иного порядка, из Елгавы приезжали пьющие мужички, но и те, по увещевании, получали какое-то подаяние. Щедро расплачивался батюшка с шоферами такси, с рабочими, трудившимися по строительству.

Помогал о. Таврион и нашей семье, особенно когда мать получила инвалидность и не смогла работать. Сам же старец сохранял монашескую нестяжательность. О себе свидетельствовал, что не заботился о материальном, но никогда не был в большом лишении, даже в годы лихолетья. Поучая одного юношу о важности пастырского служения, подчеркивал: «Служи Господу, и Он даст тебе потребное».

В автобиографии, датированной 1956 годом, о. Таврион указывает, что наряду с художественным образованием в Глинской пустыни он проходил там и миссионерские курсы. Поступив в монастырь, он был определен послушником к иеромонаху Авелю, человеку образованному, бывшему миссионеру, который привил батюшке любовь к чтению. Поэтому, несмотря на чрезмерную загруженность, которую имел старец в Пустыньке, он ежедневно уделял время книге. Это мог быть любимый им Златоуст, мог быть духовный журнал «Странник», «Христианское чтение», «Труды Киевской Духовной Академии» с заинтересовавшей о. Тавриона статьей. Библиотека у него была большая, собранная еще в 20-х годах, и во время его заключений и ссылок сохраненная духовными чадами. По рассказам старца, эти книги из закрытых семинарий, монастырей, церковных библиотек выдавались служащим некоторых советских учреждений в качестве дров, и таким образом что-то сохранилось от полного уничтожения. Это была богослужбная, богословская литература, много разрозненной периодики, творения св. отцов, жития святых, книги по истории церкви. В середине 70-х годов гостившие у батюшки духовные чада частично систематизировали библиотеку, но каталога не составили. Фонды понемногу пополнялись, кто-то дарил книги, иногда о. Таврион покупал их у частных лиц. Приобретенное собрание Житий святых свт. Димитрия Ростовского в красивом, золотого тиснения переплете (12 томов и 2 дополнительных), изданное в Синодальной типографии, он подарил нашей семье с благословением читать постоянно. Были в его библиотеке и светские авторы XIX века: Достоевский, Лесков, Мельников-Печерский. С большим уважением отзывался батюшка о Ф. Достоевском, рекомендовал читать «Братьев Карамазовых», любил Н. Гоголя. Выписывал о. Таврион и советские газеты и журналы: «Огонёк», «Наука и религия», «За рубежом», но не читал, в лучшем случае просматривал. Из Москвы иногда привозили самиздатовскую и «тамиздатовскую» литературу, как религиозную, так и светскую. Несмотря на мелкий шрифт, старец прочитал «Архипелаг ГУЛаг» А. Солженицына, высоко отозвался о творчестве писателя, подтвердил правдивость изложения. Имел о. Таврион намерение самому написать о тех страшных годах и о всей своей жизни, но все откладывал и не осуществил задуманного. Осталось лишь батюшкино описание чудесного избавления от смерти, случившегося с ним в юности [1].

Отчасти интересовался старец и политикой, но не вообще, а вопросами, связанными с жизнью нашей страны. Поэтому наряду с религиозными передачами, он слушал иногда новости радиостанций «Би-Би-Си», «Свобода», «Голос Америки». О. Таврион отмечал, что верующему человеку необходимо быть образованным. По мысли старца, христианин всегда должен быть свидетелем о Христе, и свидетельство будет успешным и полноценным, если оно соответствует интеллектуальному и культурному уровню современного человека. В жизни Церкви, как и в жизни каждого ее члена, не должно быть остановки — постоянное развитие, движение вперед.

Батюшка предостерегал от опасности заострения во внешних формах. «Мы живем не в XVI—XVII веках», — указывал он. Церковь должна быть во всеоружии перед лицом воинствующего атеизма, материализма, современного язычества. Своим духовным чадам, имеющим детей, благословлял позаботиться о полноценном образовании последних и в то же время противостоять тому духу безбожия, которым были пропитаны учебные дисциплины. В вопросе духовного образования (духовная семинария) на первое место ставил именно «образование» в себе Христа. Поступающий по воле Божьей, согласующий жизнь свою со Словом Божьим — таков должен быть пастырь и христианин. Постоянно поучаясь в Законе Господнем, о. Таврион всех призывал ежедневно читать Священное писание. По его словам, если мы этого не выполняем, то нам нечем будет оправдаться перед Богом. Если нет Евангелия, надо переписать его, — ценнее будет. Послания апостола Павла называл духовной академией для каждого. Батюшка любил перечитывать главы Евангелия от Иоанна, повествующие о беседе Господа с учениками на Тайной вечере. Много помнил наизусть и на проповедях цитировал отрывки.

Пустынька — монастырь, который по своему названию должен бы представлять отшельнический скит, но при старце массы паломников меняли это представление. Летом в отпуск приезжали духовные чада, гостило духовенство с семьями, было много детей. На летние каникулы батюшка благословлял мать свозить нас в какой-нибудь известный монастырь. Так мы побывали в Троице-Сергиевой Лавре, Почаеве, в Киеве, но тянуло в родную Пустыньку. О. Таврион в проповедях замечал: «Нет у нас святынь, мощей, чудотворных икон, а вот люди приезжают и получают большую радость». Молитвенная жизнь обители, общение со старцем, ежедневное Причащение — к этому стремились души верующих. В письме к ин. Марии (Логиновой) от 20.12.70 батюшка писал об этом: «Здесь у меня отдыха и покоя нет, всегда люди, да службы ежедневно, которые совершаю всегда и усердно, а это требует много сил». Богослужения совершались утром и вечером, но уставно они были приспособлены более к паломникам, чем к насельникам. Вечером совершались вечерня и утреня. Кафизма читалась одна, канон на 6, иногда вместо кафизмы пелся акафист Спасителю или Богородице. Утром во время исповеди читался акафист, чаще всего «Всемогущему Богу в нашествии печали» свт. Тихона Задонского. Вечером, заканчивая службу, после первого часа батюшка произносил проповедь, и неизменно звучал призыв сугубо помолиться за живых и усопших. Народ пел «Отче наш», «Со святыми упокой». Завершалась молитва словами старца: «Итак, заканчивая наше вечернее богослужение, мы поручаем друг друга, самих себя, всех наших дорогих больных, страдальцев, тружеников, всех жаждущих Божьего милосердия, всех тех, которые просят нашего молитвенного участия, всех тех, которые пишут нам как о живых, так и о усопших, всех их мы поручаем усердным и неустанным молитвам Божией Матери, Которая, как о нас, так и о всем мире молится день и ночь. Итак, Усердной и Неустанной нашей Молитвеннице всю церковь поем Ей молитву »Под Твою милость"».

С особым благоговением относился о. Таврион к Пресвятой Богородице, и вся его жизнь прошла под Ее небесным покровом.

Родился он на празднование иконы Богородицы «Смоленская», в Глинскую пустынь пришел в праздник обители на Рождество Божьей Матери и 40-й день по его кончине пришелся на этот же праздник. Одной молодой послушнице, сильно скорбящей, сказал как-то: «Молись Пречистой Деве, я всегда молился, и Она не оставляла меня». Очень почитал старец свт. Тихона Задонского, имя которого дано было ему при крещении, преп. Серафима Саровского, проводя иногда в проповедях параллели между Пустынькой преподобного и Пустынькой Рижской. Торжественно отмечал батюшка дни памяти апостола Иоанна Богослова, свт. Иоанна Златоуста. Вера и целомудрие ветхозаветных праведников Авраама и Иосифа Прекрасного часто служили темами проповедей старца.

«Господь крепость людям Своим даст» (Пс 28:11), — эти слова в полной мере применимы к о. Тавриону. Крепость — в первую очередь как благодатную силу, но и физически батюшка был наделен крепким здоровьем. До конца жизни имел хорошее зрение, слух, острое обоняние, не знал головной боли. Но годы лагерей и ссылок постепенно давали о себе знать. Еще там, не имея возможности лечиться, о. Таврион потерял почти все зубы, там от тяжелого труда заработал грыжу и до хирургической операции, проведенной по рекомендации вл. Леонида в 1973(1974) году, носил бандаж. В лагере перенес сильнейшее отравление рыбными консервами. В эти же годы появились стенокардия и гипертония. Пользовал батюшку в этих недугах архиеп. Леонид, имевший медицинское образование. Все болезни старец переносил без жалоб, исправно принимал прописанные лекарства. Но о здоровье заботился лишь в меру необходимости, чтобы недуги не лишили его возможности служить Богу и людям. Наряду с предписанными медициной, были у батюшки и свои, лагерной жизнью выработанные методы лечения. Все болезни органов пищеварения он лечил строгим постом, при простуде растирался спиртом или тройным одеколоном. Универсальным средством во многих немощах считал горячую ванну и еженедельно принимал ее. Бытовые условия жизни в Пустыньке были поначалу типично сельскими. Ванна стояла в кухне и разогревалась подставленными под днищем керосинками. Впоследствии в пристройке устроили ванную комнату и туалет.

Болезнь (рак желудка), сведшая о. Тавриона в могилу, начала проявляться Рождественским постом. Вначале сильных болей не было, лишь потеря аппетита, тошнота. Батюшка опасался, как бы не случилась рвота по потреблению Св. Даров, но Господь хранил. Он продолжал служить, но на Пасху уже не смог быть за праздничным столом. Последнюю службу в храме совершил на Троицу (2 июня 1978 г.). До дня блаженной кончины ежедневно причащался в келье, куда Св. Тайны приносил служивший в то время в Пустыньке о. Евгений (Румянцев). Болезнь в последней своей стадии переносилась тяжело, и старец говорил, что страдает, как на кресте. Конечно, ему оказывали медикаментозную терапию, но зачастую сильнодействующие лекарства лишь увеличивали мучения. Ставился вопрос об операции, однако болезнь была запущена, и сердце было слабым. Но по существу, о. Таврион сознательно выбрал болезнь как св ое крестное шествие в Царство Небесное.

Ухаживать за собой во время болезни батюшка просил мою мать, но вл. Леонид почему-то не благословил, и сиделкой была назначена р.Б. Ксения из Перми. В последние недели недуга к старцу почти не допускали паломников и даже близких ему людей, хотя, как выяснилось по кончине, он желал видеть некоторых. Еще больше желали этого его духовные чада, надеясь получить последние наставления и благословение. Года за два до кончины о. Таврион начал прибавлять в весе, что было возрастным явлением, но батюшку это волновало, и он ограничил себя в пище. Болезнь истощила плоть, и посмертное облачение и положение во гроб, в которых я сподобился принимать участие, невольно навели на мысль о мощах старца.

Питался о. Таврион согласно церковному уставу, не неся какого-то особого постного подвига. Пищу готовили ему на летней кухне и, конечно, старались получше угостить батюшку. Паломники привозили разные деликатесные продукты, но старец был к ним равнодушен. Иногда он благословлял принести суп и кашу из паломнической кухни, изредка готовил сам. Рассказывал, что кулинарный опыт приобрел юношей, когда в период Первой мировой войны был призван в армию и, как несовершеннолетний, определен на кухню в обоз. (С удивлением о Промысле Божиим батюшка отмечал, что служить ему тогда пришлось в Латвии под Ригой.) Трапеза, таким образом, была самая простая. В будни после Литургии о. Таврион пил чай с легкими закусками, около полудня подавался обед, перед вечерней кружка чая и ужин после службы. Молочные продукты употреблял мало, рыбу ограничивал из-за костей. Любил овощные салаты с растительным маслом, борщи. Вина за столом не пил, но в чай добавлял в качестве лекарственного средства ложку Рижского бальзама. Чай заваривал сам прямо в

кружке и пил его очень горячим и крепким.

Паломническая кухня была основана батюшкой и входила в круг его ежедневных забот. Первых паломников о. Таврион кормил сам на веранде своего домика, потом появились помощники — его духовные чада. Они и трудились на кухне все время служения старца в Пустыньке, поочередно неся это многотрудное послушание. (С большой теплотой вспоминаются р.Б. Клавдия, Антонина и др.) Батюшка часто заходил на кухню, благословлял пищу и трудящихся, интересовался, есть ли все необходимое. Иногда заглядывал во время трапезы, спрашивал паломников, сыты ли, хватает ли всего. Продукты присылались благодетелями старца со всей страны, покупался, в основном, хлеб. Кормили сытно тремя блюдами три раза в день. Особым угощением летом был «батюшкин» квас. Этот напиток готовился по его рецепту и всем очень нравился.

Графины с квасом выставлялись на столике перед трапезной и в любое время можно было его отведать. Кормили паломников согласно церковному уставу, отдельного постного стола не было, и ежедневно причащающихся не обязывали к сугубому воздержанию в пище. Каждому была предоставлена свобода решить вопрос своего говения лично. Большая нагрузка ложилась на кухню в летние месяцы, особенно на праздник Преображения Господня. Хозяйки трудились от зари до зари, чтобы никто не ушел ненакормленным.

Но главным в жизни Пустыньки того времени была Духовная Трапеза. О. Таврион призывал паломников не оставаться безучастными к словам Господа: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое. Пейте из нее ВСЕ: ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета» (Мф 26: 26–27). И люди приезжали с далеких мест именно за этим. В обители царил атмосфера раннехристианской общины. Богомольцы, жившие в монастыре, вместе молились, трудились, общались между собой и со старцем. Из Пустыньки уезжали утешенные, обновленные, с желанием приехать сюда снова.

За годы своей исповеднической и подвижнической жизни батюшка стяжал благодатные дары прозорливости и чудотворения, но скрывал их. Однако светильника под спудом не утаишь (Мф 5: 15). На приеме старец то незнакомого человека по имени назовет, то вопросом в самую глубокую тайну души проникнет, то предостережет от какого-нибудь опасного шага. А сколько исцелений совершалось по молитвам о. Тавриона на таинстве Елеосвящения! Соборовал батюшка каждое воскресенье перед Литургией. Сам раздавал каждому горящую свечу, сам читал канон на последовании. Во время помазывания весь народ пел: «Услыши нас, Господи, услыши нас, Владыко, услыши нас, Святой!». Все, с немощами, болезнями телесными и духовными, усердно молились Богу. Часто в Пустыньку приезжали одержимые и во время служб кричали подобно евангельским бесноватым: «Знаю тебя, Таврион, ох, тяжко, ухожу, ухожу!» Имеются многочисленные свидетельства о посмертных чудесах исцелений и молитвенного заступничества старца. Уверен, что когда будет поставлен вопрос о канонизации архимандрита Тавриона, в изобилии обнаружатся документы и материалы, подтверждающие его святость.

С большой любовью и состраданием относился батюшка к страждущим людям. В монастыре подолгу проживала душевнобольная р.Б. Лидия, многих смущала своим поведением (однажды попортила священнические ризы, вырезав из них кресты). Как-то в сердцах я сказал ей, что ее место в психбольнице. Лидия пожаловалась старцу, и он строго отчитал меня. В это же время в Пустыньке жила юродивая Евгения. Ходила в любую погоду босиком, таскала какие-то узлы, могла отругать любого, но за внешним безумием скрывалась духовная личность, которую о. Таврион видел и ценил. Любовь к старцу горели и сердца его духовных чад. С момента знакомства батюшка стал для меня близким и родным человеком, которому я полностью доверял. Впоследствии, встречаясь с духовными лицами, я подмечал в них черты, особенности,

которые мне не нравились. В отношении о. Тавриона такого никогда не было. Я считал, что недостатков у него нет, что действия его правильны, а его служение — образец для всех. Я не сомневался в его благословениях, хотя они бывали иногда вопреки моим желаниям. Руководил батюшка мною мягко, без давления. А ведь как духовный сын я совсем не подарок был старцу. Меня тянуло к детским забавам, я мог без спроса пойти на речку, в лес и там задержаться. Бывал ленив и нерадив в послушаниях. Однажды даже напробовався со сверстниками вина допьяна. Со скорбью вспоминаю свое неразумие в те годы, долго чувствовал внутреннюю вину перед о. Таврионом. (Это чувство прошло после сна, в котором просил у батюшки прощения и получил его с отеческой любовью.)

В последний год жизни старец стал более строг, часто обличал, предупреждал. В его облике и речи появилось что-то пророческое. Видимо, имел какие-то откровения о судьбах людей, церкви. Общеизвестно его предсказание о Пустыньке. Оно встречается в некоторых вариантах. (Я сам записывал его с батюшкиных слов, но записка пропала.) Наиболее распространенная версия этого пророчества: «Будут овцы, будут ясли, да не будет чего ясти». Вначале мне не совсем понятен был смысл этих слов. Монастырь со смертью о. Тавриона материально не оскудевал, даже наоборот, разрастался и строениями, и численностью насельниц. По проторенной дорожке шли паломники, привлекаемые святостью места.

Ревностью отличались преемники старца в священнослужении. Но дух менялся. Ушла та уникальность Пустыньки, которая тесно связана с временем духовничества там батюшки.

До сих пор при входе в храм преп. Иоанна Лествичника висит в рамочке под стеклом листок с распорядком служб в монастыре. В конце подпись: «Духовник обители Архимандрит Таврион». Молитвенно предстательствует он за Пустыньку перед Престолом Божиим, как и старец схиархим. Косма, и епископы и монашествующие, погребенные на монастырском кладбище. Верится — слышит их молитвы Господь.

[1] См. «Православная община» №1, 1991